

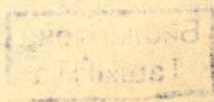
9(с)2
М 319

Николай Масолов

Срока у подвига нет

600666

Москва
Издательство
политической
литературы
1978

Масолов Н. В.
МЗ1 Срока у подвига нет. М., Политиздат, 1978.
184 с. с ил.

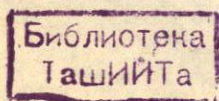
Новая документальная повесть Николая Масолова — это взволнованный рассказ о советских людях, действовавших во вражеском тылу в районах, где сходятся границы трех братских республик — России, Белоруссии, Латвии. Перед читателем разворачивается широкая картина всенародной борьбы против фашистских захватчиков.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

М $\frac{10604-112}{079(02)-78}$ БЗ-74-3-77

9(С) 277

© ПОЛИТИЗДАТ, 1978 г.

Вы стойкостью не изумляли,
Быть может, лишь гранита твердь.

Александр Решетов

Шумит на кургане дуб

(Пролог)

Весело бежит ручеек сквозь кустарник, прикрытый кронами деревьев. Вот вырвался он из леса, разлился по лугу, замедлил свой бег. И не ручеек уже это, а речка. Зовут ее Синяя. Это по-русски, а по-латышски — Зилупе.

С каждым километром, набирая силу, Синяя убегает все дальше и дальше от старой латвийской границы, как бы стремясь к своей матери — реке Великой, главной водной магистрали голубого озерного края.

Чуть пониже истоков Синей, там, где с трудом может пройти лодка, покачивается бакен. На нем три герба — Российской Федерации, Латвии, Белоруссии. Ручеек — водный рубеж трех братских республик. Недалеко от бакена на лесной поляне высится курган с дубом-крепышом на вершине.

Курганы... Поросшие густым кустарником у тихоструйных, смоляной воды рек Северо-Запада. Скалистые у сурового озера Чудского и насыпанные там, где кипели жаркие битвы с иноземными пришельцами, пытавшимися покорить нашу Отчизну.

И спят под курганами герои.

Курган у Синей появился недавно — два десятка лет назад. Землю в его основание привезли с пашен Латгалии, с надречных холмов Витебщины, с приозерных долин Псковщины. Святая эта земля взята с могил Александра Матросова, Клавды Назаровой, Лизы Чайкиной, Иманта Судмалиса, Маши Порываевой и других героев Великой Отечественной войны — бойцов Красной Армии, партизан, солдат незримого фронта — разведчиков и подпольщиков.

Насыпали курган бывшие калининские, белорусские, латышские партизаны, воевавшие здесь рядом, плечо к плечу. Они же посадили дуб, проложили от него три аллеи. Березовая — убегает в сторону Белоруссии. Строй-

ные липы пришли посланцами латышского народа. Клены стоят на себежской, искони русской земле.

Сегодня здесь безлюдно. Просторно ветрам, дующим с моря Балтийского. Мы шагаем по чуть прихваченной легким морозцем жухлой траве. Мои спутники — бывшие партизаны. Тот, что постарше, командовал бригадой, который помоложе — был лихим разведчиком в неполных шестнадцать лет.

Шумит лес. То ли сетует на то, что запоздавшая зима не укрыла его белым пухом. То ли поведать хочет о том, что было...

Многое видел этот край в дни военного лихолетья, с того черного часа, когда фашистское радио оповестило мир: «Вермахт великой Германии выступил на Востоке... Бои сухопутных сил и авиации проходят планомерно и успешно».

«Планомерно», «успешно» — будничные слова. За ними — горе миллионов людей.

Сражение в Прибалтике, на подступах к бассейну Великой, было коротким, но ожесточенным. 41-й моторизованный корпус гитлеровцев, наступавший в составе 4-й танковой группы, понес большие потери уже в первых боях. Командир корпуса генерал Рейнгардт был ошеломлен, получив донесение о контрнаступлении советских танков и потере к исходу дня сорока орудий и почти такого же количества машин.

В дневнике боевых действий 126-й Рейнско-Вестфальской дивизии можно прочесть о тяжелых потерях ее 422-го полка, о том, как «целой роте потребовалось три часа, чтобы выбить четырех русских из ржаного поля».

Сколько их, неузнанных, нерассказанных былей тех первых дней! Одну из них, овеванную дымкой легенд, вспоминает мой спутник постарше.

...Бобкина гора. Вряд ли она значилась на карте командира батальона фашистских войск, устремившегося от старой латвийской границы к небольшому русскому городку Пустошка. Одно название — гора, просто высокий холм, возвышающийся сосновой шапкой над шоссе Ленинград — Киев. В зимние дни с Бобкиной горы лихо спускались на лыжах и санках школьники. А в теплые летние вечера сосны на горе укрывали влюбленных.

Майору вермахта не терпелось увидеть город. Он

был уверен в успехе, так как знал, что бронетранспортеры дивизии перехватили шоссе Ленинград — Киев в двух местах: севернее города, у села с певучим названием Алоль, и южнее, у деревни с загадочным именем Руда. А западнее Пустошки немецкими войсками был захвачен железнодорожный узел Идрица. По донесениям разведки, разрозненные подразделения русских не задержались на пустошкинских рубежах. Значит, займет он, майор, город без боя.

Вот и первые дома. Мертвую тишину улицы, замершей в цепенеющем страхе, нарушили топот сотен ног, лязг оружия, гортанные слова команд. Впереди железная дорога, за ней основная часть города. Будка стрелочника. Семафор. Гора.

— Красивый руссиз место, — произнес майор.

— Живописный пейзаж, — раболепно поддакнул сидевший рядом с ним в машине седоволосый человек в штатском — кандидат в бургомистры Пустошки, один из «выводка» белоэмигрантов, следовавших в обозе гитлеровской армии.

И в этот миг «пейзаж» заговорил языком пулемета. Ему вторили винтовочные выстрелы.

Первой огненной строчкой словно ветром сдуло майора. Выскочив из машины, он развернул в цепь голову колонны. Второй непрошенный гость замешкался и остался лежать на шоссе, прошитый пулями. Упали, чтобы больше никогда не подняться, несколько солдат. А пулеметчик строчил и строчил. Яростно. Точно.

— Вперед! Доннер веттер! Вперед! — командовал майор.

Но перебраться через железнодорожную насыпь было непросто. И вдруг пулемет замолчал.

Несколько минут не слышно было ни одного выстрела, ни одного крика. Затем фашисты ринулись через насыпь. Беспорядочно стреляя из автоматов, они стали подниматься на Бобкину гору.

Их нашли в кустах у валуна. Четверо молоденьких красноармейцев были мертвы. Угасла и жизнь командира горстки храбрецов; он лежал без сознания рядом с еще не остывшим пулеметом, сжимая в руке наган. Гитлеровские солдаты смотрели на него с суеверным страхом. Подошедший майор процедил сквозь зубы:

— Фанатик. Большевицкий комиссар...

Пустошане, которым спустя три года довелось

встречать воинов-освободителей, рассказывали о человеке, оказавшемся во время боя в будке стрелочника, куда был принесен труп убитого командира. Этот человек утверждал, что видел на петлицах героя три «шпалы», а на гимнастерке — какой-то орден.

Сейчас трудно сказать, так ли это было. Но в 1975 году вблизи железнодорожного переезда велись земляные работы и был найден... орден Красного Знамени. К сожалению, номер ордена прочесть не удалось и, таким образом, принадлежность его пока не установлена.

На обогранные кровью, перепаханные снарядами и минами берега Великой, Сороти, Синей пали августовские росы. Артиллерийская канонада отодвинулась на север — за Псков, на восток — за Великие Луки. Но стрельба на обожженной земле не прекращалась. Это утверждали «новый порядок» команды айнзатцгруппы «А» полиции безопасности, охранные войска, специально предназначенные для «замирения» тыла.

Но «замирение» не наступало. В голубом озерном крае вспыхнули огни партизанских костров. Росло, ширилось их пламя. В ожесточенных сражениях калининские, белорусские, латышские отряды народных мстителей превратили огромный район в свободный от власти оккупантов Братский партизанский край.

В память о нем, в честь его ежегодно в первое воскресенье июля к истокам Синей съезжаются бывшие партизаны, их дети. Люди военные и невоенные. Пожилые и молодые. Сотни, тысячи людей. С флагами и песнями идут они по березовой, липовой и кленовой аллеям к подножию кургана Дружбы... Весь день гудит сосновая поляна.

А когда за клубится в лесных распадках туман и потянет свежим ветром, на берегах ручья, заросшего желтоглазыми кувшинками, вспыхивают костры. У их яркого огня вспоминают ветераны партизанские засады, лихие налеты на фашистские гарнизоны, бои с карателями. Звучат в разговорах легендарные имена. Иван Захаров... Владимир Марго... Петр Машеров... Имант Судмалис... Мария Пынто... Пантелеймон Конопаткин... Вилис Самсон... Андрей Кулеш... В один вечер можно услышать столько былей, ставших легендами, что ни в одной толстой книжке не прочтешь.

Спустится на голубой озерный край покрывало
ночи. Разъедутся гости кургана Дружбы. И каждый
увезет с собой его частицу. Помыслы людей станут
чище. Желание идти дорогой героев — горячее. Взор в
будущее — яснее.

Так бывает всегда, когда человек встречается с веч-
ным, нетленным.

Шаги над обрывом

Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

Василий Федоров

Одноглазый верзила шел по базарной площади, заглядывая в припорошенные снегом сани и возки крестьян. Неодобрительный шепот предупреждал о его приближении:

— Бус идет.

— Осторожнее! Одноглазый черт приперся...

Вильгельм Бус, старший полицейский Себежа, пребывал в хорошем настроении. Сам шеф ГФП (тайной полевой полиции) Венпель похвалил его сегодня. Удалось напасть на след коммуниста Никиты Никифорова, укрывавшего в последние дни секретаря подпольного райкома партии Кривоносова. Теперь, быть может, удастся отличиться. И тогда...

Бус вздрогнул. Мысли о награде вылетели из головы в один момент. У возка, к которому он подходил, стоял старший лейтенант погранвойск Конопаткин. Нет, нет, ошибиться тут нельзя. Уж кого-кого, а этого пограничника в Себеже хорошо знали.

Бус схватился за карман. И тут же услышал насмешливое:

— Оружие вынимать не стоит. Я это мог бы сделать и побыстрее, и раньше, да есть дела поважнее. А сейчас, — в голосе пограничника звучали стальные нотки, — немедленно проваливай отсюда, гадина, и запомни: донесешь сразу — завтра будешь лежать в гробу. Попозже — можешь. Соври, как умеешь.

— Мы еще встретимся, — выдавил из себя предатель, пытаясь держаться непринужденно.

— Не беспокойся — встретимся.

Десятки глаз настороженно наблюдали за этим поединком. Бус, грязно выругавшись, поспешил прочь с базара. Человек в полушубке, перетянутаго армейским ремнем, неторопливо зашагал в противоположную сторону.

За углом полуразрушенного двухэтажного строения Конопаткин ускорил шаги. Почти сразу его догнали легкие санки. Правил ими пожилой высокого роста крестьянин. Остановив резко бежавшую лошадь, он разгладил левой рукой пышные усы и степенно проговорил:

— Чуть не попал, как кур во щи. Я уж и лимонку приготовил. Думал: трахнешь ты одноглазого черта, начнется переполох — подбавлю паники.

— Буса не минет наша пуля, а рисковать зря нам с тобой, Иван Федорович, не годится, — сказал Конопаткин, поудобнее устроиваясь в санях. — Поехали...

— Говоришь, не годится, а зачем сам на базаре в открытую решил показаться? Знаешь ли ты, что за твою голову комендант Мюллер обещает целый хутор отвалить?

— Знаю, но иначе не могу. Надо, чтобы народ знал о нас.

...Война застала Пантелеймона Петровича Конопаткина на новой государственной границе. В первых боях старший лейтенант был ранен. Укрыли местные жители. Оправившись от ранения, Конопаткин поздней осенью 1941 года подался в Себежский район, где до войны прослужил на границе десять лет. Тут он знал каждую лесную тропку.

Появление вооруженного пограничника среди бела дня в деревнях производило огромное впечатление. Уверенно и спокойно, будто прибыл он докладчиком из Себежа в мирные дни, рассказывал старший лейтенант жителям о положении на фронте, призывал к сопротивлению, предостерегал малодушных от неверных шагов. Затем исчезал, успев незаметно для всех договориться с надежными людьми о новой встрече.

Часто ищейки тайной полевой полиции появлялись в населенных пунктах вслед за Конопаткиным.

— Был пограничник? — яростно кричал их предводитель на крестьян.

— Был, пан, был, — дружно отвечали жители. — Пришел, погрозил пистолетом и ушел.

— Куда?

— Известно куда — в лес.

Ячею за ячеей плел Конопаткин разведывательную сеть в оккупированных деревнях под Себежем. Укрывался же не в лесу, а «держал штаб-квартиру», как лю-

бил он говорить, у надежных людей. Вот и сейчас направлялся в Аннинскую школу, где нашел приют у четы учителей Федоровых.

Как в бою среди храбрых бывают нахрабрейшие, так и в незримой борьбе советских патриотов в тылах фашистских войск были надежнейшие из надежных. К ним, бесспорно, принадлежали Иван Федорович и Марфа Лукьяновна Голубевы — крестьяне себежской деревушки Белогурово. Настоящие люди села, искренне верившие в радость свободного труда, они, когда пришел враг, несмотря на пожилые годы, стали в один боевой строй с сыновьями. Старший сын Голубевых, Федор, воевал на фронте, младший, Михаил, — в партизанском отряде...

Дорога, на которую вскоре свернул с большака Гнедко, углубилась в лес. Короткий зимний день приближался к зениту. Неожиданно выглянуло солнце. Снежная белизна отдавала теперь синевой, сверкала сказочными блестками на деревьях.

— Может, поближе подкинуть? — натянул вожжи Голубев.

— Не нужно. Домой возвращайся. А я тут загляну в одно местечко да тоже в штаб-квартиру подамся. Записку с мельницы передашь связнику группы Володина, — они там все народ военный, разберутся в цифрах да значках на схеме. Оставшиеся листовки заберет у тебя, — Конопаткин насмешливо прищурился, — старшина волости Лещев.

— Прокофий Лещев? — удивленно переспросил Голубев.

— Собственной персоной, — подтвердил Конопаткин. — Есть такая поговорка: Федот, да не тот. Вот и Прокофий Иванович Лещев не тот, за кого все его сейчас принимают. Ясно? Ну и хорошо. А теперь не мешкай, Иван Федорович, поезжай до дому.

— А ты поосторожнее, Петрович, с маслом-то, — попросил Голубев, передавая пограничнику узелок с двумя большими кругами деревенского масла, обернутыми в чистые тряпицы...

«Одно местечко», куда собирался заглянуть Конопаткин, было полотно железной дороги, а в кругах масла, сбитого Марфой Лукьяновной, находилась взрывчатка. Один из себежских подпольщиков, работавший

на станции, предупредил: из Резекне в направлении на Новосokolьники должен сегодня проследовать через Себеж эшелон с цистернами горючего. В ожидании специальной команды он пока стоит на латвийской станции Зилупе. Передавать сообщение об эшелоне с важным грузом в группу партизан Володина было уже поздно, и Конопаткин решил попытать удачи в одиночку.

Дойдя до цели своего похода, он не сразу взобрался на насыпь, к лоснящимся рельсам. Гитлеровцы в первую военную зиму не очень строго охраняли стальные магистрали. Партизанские диверсии на них в районе старой латвийской границы были еще редки. И все же Конопаткин добрых полчаса таился в кустах. И не зря. По полотну железной дороги вскоре проследовал патруль с собакой.

Не успели солдаты скрыться за поворотом, как слышался паровозный гудок. «Только бы успеть» — с этой мыслью старший лейтенант, пренебрегая осторожностью, бросился к насыпи. Он еще возился с миной, а рельсы уже стонали под тяжелыми платформами с цистернами... Успел... Сзади раздался грохот, беспорядочная стрельба. И он побежал. Оглянулся только раз — на опушке леса. Над полотном железной дороги стояли столбы черного дыма, полыхало оранжевое пламя.

А Вильгельм Бус в этот предвечерний час стоял вытяжку в кабинете Венцеля. Неторопливо потягивая из фарфоровой чашечки кофе, шеф тайной полевой полиции, коверкая русские слова, цедил сквозь зубы:

— Ты есть дубин, Бус. Ты сегодня видел базар этот красный зольдат зеленый фуражка. Как его? Лопаткин.

— Конопаткин...

— Не перебивай! Надо было хватать бандит.

— Он был не один, — соврал Бус.

— Где есть тогда комендантский патруль?

— Не знаю, господин гауптман.

— Почему так много не знайт?

Венцель еще долго и нудно задавал вопросы своему подчиненному. И, только выкурив после второй чашки кофе сигарету, отпустил его. В ту ночь из Себежа выехали пять машин с солдатами охранных войск. Комендант решил сделать одновременный налет на пять деревень, где, по донесениям агентов, могли находиться секретарь райкома партии Федосий Алексеевич Кривососов и неуловимый пограничник Пантелеймон Петрович Конопаткин.

...Аккуратно сложив в стопочку переписанные сводки Совинформбюро, Валентина Яковлевна набросила на голову платок и уже взялась за пальто, как вдруг в кухонном окне мелькнула тень. Молодая женщина глянула во двор и обмерла: к школе приближалась цепочка гитлеровцев.

Замешательство длилось секунду-другую. Федорова бросилась в столовую и сдавленно крикнула в открытую дверь крохотной комнатухи:

— Фашисты!

Задвинуть дверь платяным шкафом не хватило ни сил, ни времени, гитлеровцы уже вошли в классы. Дрожа всем телом, Федорова пошла им навстречу.

Допрашивал фельдфебель из тайной полевой полиции. Переводчик из обрусевших немцев переводил неторопливо, давая возможность Валентине Яковлевне прийти в себя:

— Кто такая?

— Где муж?

— Почему в школе нет портрета фюрера?

— Что в шкафах?

Федорова отвечала тихо, стараясь взять себя в руки:

— Местная учительница. Муж, Георгий Нестерович, тоже учитель. Живем здесь же. С большевиками не уехали. Сейчас муж в Себеже — пошел менять одежду на соль. Рамка для портрета фюрера готова. Портрет обещал принести староста. Нужен большой портрет. А в шкафах школьные пособия, мел, тряпки разные.

Фельдфебель заглянул в один из шкафов. Покопался. Брезгливо вытер руки и подошел к шкафу, стоявшему в углу.

— Этот закрыт, — побледнела Валентина Яковлевна. — Там пробирки, колбы — для опытов по химии. Стекло. Боймся разбить. Сейчас принесу ключи.

Хотела идти, но ноги будто приросли к полу: в нижнем отделении шкафа стоял радиоприемник. Час назад муж с Конопаткиным принимали сводки Совинформбюро и в тайник не спрятали.

— Что с фрау? — подозрительно спросил фельдфебель.

— Болею. Голова кружится, — качнулась Федорова.

— Показывай, где живешь!

...Конопаткин чистил наган, когда услышал возглас Федоровой. Вернувшись под утро, он так и не лег.

Удачная диверсия, а главное, радостное сообщение с фронта из-под Москвы настроили Пантелеймона Петровича на добродушный лад. И сейчас он корил себя за неспрятанный приемник. Найдут — Федоровым смерть. Он не знал, успела ли замаскировать дверь Валентина Яковлевна, но приготовился к худшему — зарядил револьвер, взял в руку гранату.

Бегло осмотрев кухню, фельдфебель и двое солдат вошли в столовую. От Конопаткина их отделяла теперь фанерная дверь. Неожиданно раздался громкий стон. Фельдфебель, рывшийся в платяном шкафу, резко обернулся. Федорова, упав на диван, истошно вопила:

— Ой, худо мне! Ой, водички дайте! Вчера был фельдшер. Сказал — подозрение на тиф. А я, дура набитая, не купила у него лекарства.

«Тифозен!» — вздрогнул фельдфебель и начал пятиться к выходу. Солдаты и переводчик последовали за ним.

Здание школы гитлеровцы покинули мгновенно. Валентина Яковлевна некоторое время лежала в полном изнеможении, затем позвала:

— Пантелеймон Петрович, выходите. Кажется, пронесло.

— Не знал, что моя хозяйшкa такая великолепная актриса. Так околпачить фашистских ищек! — Конопаткин с восхищением смотрел на все еще бледную Федорову.

— Повезло неслыханно, — улыбнулась Валентина Яковлевна.

— Везение здесь ни при чем. Отвага ваша спасла нас. Вы настоящая...

Федорова перебила Конопаткина:

— Пойдемте, Пантелеймон Петрович, спрячем приемник. А то как бы нам не попало от Георгия Нестеровича...

Сам Федоров действительно в тот день находился в Себеже, но не за солью пошел в город молодой учитель. Нужно было встретиться со Степаном Николаевичем Лапшовым, работавшим у оккупантов на маслосырзаводе. Коммунист Лапшов не смог эвакуироваться с нашими войсками (в семье было четверо малых ребят), но и не растерялся: с первых дней фашистского нашествия начал сколачивать группу подпольщиков. Степан Николаевич, как и Федоровы, не сдал радиоприем-

ник, и первые «ласточки правды» — рукописные листовки — «вылетели» из дома этого мужественного себежанина.

Себеж более двадцати лет был пограничным городом. До 1940 года по озерному краю проходила граница Советской страны с буржуазной Латвией. Настороженно жили себежане. Остатки разгромленных банд Булак-Балаховича, шайки контрабандистов часто тревожили границу. Просачивались через немногочисленные кордоны (так в первые послереволюционные годы назывались пограничные заставы) шпионы, диверсанты.

Пути в глубь страны им преграждали советские пограничники. Самоотверженно несли свою службу люди в зеленых фуражках. В 1923 году командир опергруппы Болтаногов один вступил в бой с несколькими диверсантами. Погиб, но не пропустил врага. Спустя некоторое время его подвиг повторил боец Терентьев.

Верными друзьями пограничников были жители этого края. С молоком матери усваивали они такие понятия, как «граница», «нарушитель», «бдительность». Помогали охранять государственные рубежи и стар и млад. Орденом за помощь пограничному дозору был незадолго до войны награжден пожилой крестьянин Евтихий Козлов. Всю страну облетела в тридцатые годы весть о смелом поступке школьницы Нины Ивановой, дочери колхозника себежской сельхозартели «Пятилетка».

Одиннадцатилетняя девочка пасла скот. Неожиданно к ней подошел незнакомый «дядя». Угощая конфетами, он стал расспрашивать ее, как пройти в город. Нина приняла угощение, поблагодарила и показала дорогу к... пограничной заставе. Как только нарушитель скрылся в придорожных кустах, юная себежанка побежала к пограничникам более прямой тропкой. Успела. Шпион был схвачен...

Не могли такие люди, такой край подчиниться фашистам, когда их танки, эшелоны с орудиями хлынули через Прибалтику на древнюю себежскую землю и веером начали двигаться в направлении на Москву и Ленинград. Нужен был только пример, первые искры, чтобы запыхнул огонь борьбы против иноземных пришельцев. За примером дело не стало. В сентябре, в дни, когда многочисленные себежские дороги были забиты полевыми войсками вермахта, в районе появилась партгруп-

на во главе с коммунистом Виктором Яковлевичем Виноградовым.

...Их была горстка — два десятка коммунистов. Небольшие диверсии, которые совершали они, не нанесли гитлеровцам существенного урона. И все же партгруппа стала силой, переполошившей врага. Темная ночь оккупации зловеще вступала в свои права: аресты, расстрелы. Болотным туманом окутывала фашистская ложь голубой озерный край. Правдивое слово подчас было важнее, чем динамит и гранаты. И его несли людям райкомовцы Кривоносов, Петров, Кулеш, чекист Виноградов, работники райисполкома Фещенко, Марго, другие члены партгруппы. В военной комендатуре и в тайной полевой полиции их знали почти всех поименно, но были они неуловимы.

— Неуловимые? Чушь! — кричал взбешенный комендант Себежа полковник Мюллер на своих помощников после налета на село Аннинское. — Почему не схватили Марго? Ведь он был вчера в селе. Был! Не ангелы же перенесли его на крыльях в лес!

Ангелы, конечно, были тут ни при чем. Марго и его товарищей укрывали жители. Укрывали как представителей Советской власти — единственной власти, которую признавало население оккупированного, но не покоренного края.

В тот последний вечерний час, когда себежский комендант распекал абверовцев, Марго и Кулеш появились на Осынище — в глухом лесном уголку, пришли в деревню Боровые. В доме колхозника Романа Михайловича Кузнецова собрались надежные люди на «тайную вечерю». При завешенных окнах вполголоса велся горячий разговор о том, как противопоставить лживой пропаганде гитлеровцев правдивое большевистское слово, а вооруженной силе врага — партизанскую хитрость, крестьянскую сметку.

...Заблаговестил церковный колокол в селе Прихабы, что живописно раскинулось на дороге Себеж — Опочка. Потянулись люди ко всенощной. Семидесятипятилетний отец Александр торжественно произнес с амвона:

— Братья и сестры! Люди православные! С разрешения властей новых открыт храм божий. Возрадуемся и обратим взоры свои...

Как изумились бы инспектора Калининского областного отдела народного образования, узнав в «отце Алек-

сандре» человека, у которого они часто бывали на уроках, собирая по крупицам опыт лучших педагогов области! Правил службу в церквушке старейший, самый уважаемый учитель района Александр Устинович Михайловский.

Но вряд ли остались бы довольны блюстители «нового порядка», услышав конец первой проповеди новоиспеченного прихабского священника:

— Так перенесемся мыслию к детям своим, страждущим и борющимся. Бестрепетно погибая, шлют они завет нам — любить Отчизну больше жизни. Любить — это жертвовать, помогать. И недостоин будет называться христианином каждый из нас, молчаливо взирающий на то, что делается вокруг. Помните ежечасно, ежеминутно о долге патриота земли русской, о воле божией. Аминь!

Страшный в неизбывном горе крик потряс церковь:

— Витеньку моего за что антихристы проклятые сгубили!

То билась в истерике мать застреленного гитлеровцами подростка, у которого нашли комсомольский билет. Заголосили другие женщины. Пожилые прихожане расходились молча. Лишь инвалид, ровесник Михайловского, сходя с паперти, вполголоса произнес:

— Ну и Устиныч... Такого перцу в душу насыпал! Не деревяшка б вместо ноги — сегодня же ночью в лес подался бы.

Священнослужителем Михайловский стал с благословения... члена партгруппы Марго, заведующего Себежским районным отделом народного образования. Всю долгую осеннюю ночь проговорили два педагога, молодой и старый, коммунист и беспартийный.

Прихабская церквушка стала надолго явкой подполья, а «отец Александр» — верным помощником партизан.

С первым снегом костяк группы Виноградова временно вышел за линию фронта. В районе остался секретарь райкома Федосий Алексеевич Кривоносов. Четверо из группы, получив спецзадания, легализовались. Одним из них был Никита Никифорович Никифоров, бывший председатель колхоза «Броневики». Через него и потянулась цепочка связи Конопаткина с очагами сопротивления, созданными партгруппой.

Встречались они редко. Но в тот зимний день, когда

находчивость. Валентины Яковлевны отвела большую беду, Конопаткин, дождавшись возвращения Георгия Нестеровича Федорова из Себежа, отправился на встречу с Никифоровым. Последнее время Никита Никифорович редко почевал дома, в деревне Карпино, чувствовал — следят за ним агенты тайной полевой полиции, пока не арестовывают, нащупывают связи и явки.

Встреча была назначена на Яскинской мельнице. Стыла глухая ночь, когда Конопаткин осторожно приблизился к хутору. Чуть заметный огонек, то исчезающий, то появлявшийся вновь, подсказал: его ждут.

Условный стук. Неторопливо отодвигается тяжелый засов, и сильные руки невысокого, плотно сбитого человека заключают пограничника в крепкое объятие.

— Устал, Петрович?

— Немного.

— Может, перекусишь?

— Спасибо. Вот попить — с удовольствием.

— Квасу?

— Воды, да похолоднее.

Конопаткин пил, пока не заломило зубы. Никифоров не торопился с расспросами, знал, что гость неразговорчив (жена Галя его молчуном звала), но каждое слово пограничника весомо, продумано.

— Наши ребята жмут немца под Москвой. Утром сводку приняли. Вот она. — Расстегнув полушубок, Конопаткин протянул Никифорову тетрадку. — Валентина Яковлевна несколько раз переписала ее.

«Наши ребята» — это армия. С ней у обоих связано дорогое, заветное. Никифоров был красноармейцем одного из ее первых полков, сражался против войск германского кайзера в 1918 году. Конопаткина призвали на военную службу спустя двенадцать лет. Малограмотный парень (рос сиротой: отца убили махновцы, мать умерла от чахотки), красильщик одной из фабрик Владимирской губернии за десять лет службы стал образованным человеком, мужественным пограничником, вырос до начальника погранзаставы.

— Есть и худые вести, — продолжал рассказ старший лейтенант. — В районе появилось отделение гестапо. Обосновалось в Идрице, в бывшем военном городке.

— Выбрали место!

— Уже десятка два арестованных замучили. Здание, где пытаются, назвали отелем «Воркующий голубь».

— Ничего, Петрович, будет и на нашей улице праздник. Доворкуются, сволочи...

Помолчали. Первым продолжил разговор Никифоров.

— А я тут тебе одного паренька через мельника сватать в помощники хочу.

— Кого?

— Шофер хозкомендатуры.

— Надежен?

— Вполне.

Они расстались через час. На улице крепчал мороз. Ярко вызвездило небо. Легким пружинистым шагом Копаткин пересек закованную в ледовый панцирь речку и вырнул в еловый подлесок. Выйдя на лесную дорогу, старший лейтенант неожиданно для себя запел:

Уходит ночь, встает рассвет.
Врагу трудней укрыться...

Это была песня про легендарного пограничника Андрея Коробицына, любимая песня бойцов его погранзаставы. Пел он тихо, хотя имел сильный, приятный голос. Он знал: ему еще шагать и шагать, и не по лесу, а над обрывом. Знал и не страшился, ибо свято верил: придет время и никуда не укроется враг от бури народного гнева.

После ночи всегда наступает рассвет.

В огне
брода
нет

Мы поклялись:
и в летний зной, и в стужу
Им не давать покоя ни на миг.
Мы поклялись: не складывать
оружья,
Пока живет хотя один из них!

Михаил Исаковский

Женщина шла в Ленинград. Если бы она сказала кому-нибудь об этом, ее сочли бы безумной. Прошло уже больше месяца, как по улицам Минска прогрохотали фашистские танки. В белорусских селах и городах, встречавшихся на пути, репродукторы хриплыми, пьяными от восторга голосами сообщали о «последних днях большевистской цитадели на Неве». Геббельсовские пропагандисты на все лады расписывали, как был поставлен на шоссеиной магистрали столб со стрелкой-указателем: «На Петербург — 13 километров». А женщина упрямо шла к Ленинграду. Страшно было лишь за сына, Игорек шагал рядом, маленький, беззащитный.

Палило солнце, гремели грозы, нудно плакало небо холодными дождями — мать с сыном продолжали свой путь. Они проходили по местам, где черными трупами стояли на земле искореженные артиллерийским огнем деревья, мимо еще теплых пепелищ.

Тревога была постоянным спутником Олениных. Она вливалась в материнское сердце при каждом взрыве, при каждой встрече с фашистами. Однажды их путь чуть не окончился трагически. Случилось это под городом Слонимом. Гитлеровцы остановили группу беженцев, и начался обыск. Высокий и тонкий, как жердь, фельдфебель, обыскав Игоря, неожиданно спросил по-русски:

— Кто есть твой папа?

На какой-то миг Оленина онемела, но успела после слов сына «мой папа» громко сказать:

— Инженер.

Когда фашисты ушли, спросила:

— Ты что, Игорек, хотел ответить солдату?

— Мой папа комиссар!

Попросила:

— Никогда, сынок, не говори им этого слова. Иначе убьют нас с тобой...

...Они расстались в пограничной крепости Осовец за три недели до начала войны. 30 мая 1941 года Василий Максимович Оленин, назначенный комиссаром авиационного корпуса, уезжал к новому месту службы. Мария Федоровна с восьмилетним сыном на время осталась в крепости.

— Ну что приуныла? — успокаивал Оленин жену. — Десяти дней не пройдет — приеду и заберу вас к себе.

Судьба распорядилась иначе. Гитлеровцы бомбили крепость в первый же день войны. Поздним вечером коменданту крепости удалось эвакуировать часть семей. Вместе с ними Оленина на грузовой машине добралась до Белостока. А дальше начались мытарства.

Как-то под Полоцком она подобрала сброшенную с самолета листовку — кусочек серой бумаги. Строчки листовки, отпечатанной в ленинградской типографии, утверждали: держится Ленинград.

В ту ночь Мария Федоровна долго не могла уснуть. Воспоминания теснились, наплывали бессвязными обрывками сновидений.

...Пенит волжские воды пароход. Всматриваясь в живописные, уплывающие назад берега, стоит на палубе девушка. Это она, Маша Андреева. Не простая пассажирка, а одна из группы передовиков ленинградских предприятий. Едут же они в районы социалистического строительства Поволжья. Такую поездку-премию в 1930 году организовали Ленинградский облпрофсовет и редакция газеты «Смена».

...Звонкие песни. Смех. Кругом кумач, флаги. Идут молодые работницы в красных косынках по улицам Ленинграда. В центре — хохотушка. Это она, швея-мотористка с «Володарки» — так подружки свою фабрику называли. Тогда же, возвращаясь с первомайской демонстрации, и сфотографировалась на память. Любительский снимок, а больше других нравился ее суженому Васильку Оленину, слесарю с «Треугольника». Когда мобилизовали по спецнабору в армию, фотографию с собой взял... А не сон ли это, приснившийся в круговерти жизни, когда сердце гложет неизвестность?

Вздрагивала Мария Федоровна, молча плакала, при-

жимая к себе сына. А он безмятежно спал на соломе.

5 сентября 1941 года Оленина с сыном вышла на Ленинградское шоссе около города Опочки. На дорожных столбах, на стенах городских зданий пестрели приказы военной комендатуры, запрещавшие гражданским лицам хождение по дорогам и перемещение из города в город без особого на то разрешения. За нарушение — расстрел!

...Начальник районной управы недовольно посмотрел на Оленину и, переводя взгляд на Игоря, одетого в рваную женскую кофту, строго спросил:

— Так, говоришь, и мать и муж в Ленинграде проживают, мужик на Путиловском работает?

— Так точно. Инженер Андреев. — Мария Федоровна старалась говорить уважительно, но без волнения. — А я у сестры в Белостоке гостила.

— Вот и догостилась. Ну ладно, — махнул рукой начальник управы, — возьми. Будешь в квартирном отделе работать.

Среди беженцев, осевших в Опочке, была еще одна жена командира Красной Армии, чья одиссея напоминала испытания, выпавшие на долю Олениной. Двадцатилетняя Аня Чугурмина тоже пришла к берегам Великой от самой западной границы. Ранним утром 22 июня командир роты противовоздушной обороны лейтенант Алексей Чугурмин забежал на минутку домой. Только и успел сказать:

— Аннушка, война! Я опять к своим хлопцам. А ты, коли что, к родным в Опочку. Береги себя и Валушку.

Дочери Чугурминых было тогда чуть больше месяца. На другой день фашистская бомба накрыла дом, где жил лейтенант с молодой женой. По счастливой случайности Ани с ребенком в это время дома не было...

Жена генерала. Жена лейтенанта. Не зная друг друга, они шли на восток где-то одна за другой, как две волны, гонимые к берегу штормом. Если бы на том страшном пути им сказали: «Пройдет немного времени, и вы, пребывающие ежеминутно в страхе, станете солдатами незримого фронта — разведчиками в стане врага», они не поверили бы. А стали. Дорогу эту «в жутком грохоте огненной битвы» подсказала и Чугурминой и Олениной двоюродная сестра Ани — Рая Гаврилова, студентка педагогического института, приехавшая к матери на летние каникулы. Гаврилова выросла

в Опочке. Девченкой она любила под вечер выбегать на шоссе и смотреть в сторону, где, как рассказывала мама, «за холмами и озерами, за речками и перелесками стоит у моря город дедушки Ленина». Была у нее заветная высотка с пятью березками на вершине. Заберется туда и любит, как по ленте шоссе гонят гурты скота в Ленинград. А то нет-нет и автомобиль мелькнет в облаках пыли. Рая завидовала и гуртовщикам, отправлявшимся в неблизкий вояж, и шоферам, мечтала: «Вот бы и мне с ними...»

Даже учась в старших классах средней школы, она по-прежнему частенько навещала пригорок у шоссе. Сюда нередко долетали с запада морские ветры. Они тревожили душу, манили в неизведанное. Возвращалась Рая с таких прогулок возбужденная, радостная. Донельзя у домика Гавриловых звенело:

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели!
Мы покоряем пространство и время,
Мы молодые хозяева земли.

И вот они стоят, «молодые хозяева земли» — Рая и еще несколько опочанок, — на пригорке. Нет, не стоят, а в каком-то колдовском оцепенении жмутся к березкам. А по шоссе на Ленинград движутся фашистские танки и идут, второй день катятся чужие машины. В кузовах — здоровые, улыбающиеся, что-то оружие гитлеровцы. За их плечами в лучах палящего солнца поблескивает сталь автоматов.

— Силища-то какая... — растерянно шепчет одна из девушек.

Фашисты заняли Опочку 10 июля 1941 года. Истребительный батальон опочан отошел без боя к Кудевери. Город был пуст.

Сутки над рекой Великой полыхало зарево пожаров. Гавриловы поначалу подались всей семьей в лес. Потом, как и другие опочане, не успевшие эвакуироваться, вернулись в город. Заняли небольшой уцелевший домик на Почтовой улице.

Страшным было это возвращение. Ушли в лес свободными людьми, а вернувшись, стали «руссими свиньи». Сытые, наглые лица чужеземцев кругом и грозные приказы, регламентирующие каждый шаг, каждый поступок... Кусает губы Рая, слушая днем треску-

чие сводки о победах «железных армий фюрера». С ненавистью смотрит на репродукторы, а по ночам плачет в подушку. И простить себе не может: как это она так некстати в начале войны уехала к родным в Опочку! Надо было добиться отправки на фронт.

— Кто же знал, что такое приключится, — успокаивала Пелагея Тихоновна дочь. — Переживем как-нибудь злое лихо. Притаимся. А там, глядишь, и наши вернутся.

Наши... Рая видела их в один из осенних дней. Изможденные, опухшие от голода и побоев, в изодранных гимнастерках, шли пленные бойцы Красной Армии по улицам Опочки в окружении охранников и овчарок. Военнопленных гнали в Псков. Шли они молча, не оглядываясь по сторонам, но как-то подтянуто, собранно. И Рая, стоявшая в толпе на базарной площади, чувствовала, что это несломленные, мужественные люди.

Толпа на площади зашумела. К пленным бросились подростки, плачущие женщины. Они совали красноармейцам в руки хлеб, яйца, сало.

— Шнель! Цурюк! Шнель! — орали конвойные.

И тогда, покрывая общий шум, раздался сильный мужской голос:

— Выше головы, товарищи! Красная Армия вернется! Мы изрядно поколотили фашистскую погань под Ленинградом.

К кричавшему — высокому худощавому краснофлотцу с окровавленной тряпкой на голове — подбежал гитлеровец и ударил его прикладом.

— Что ты делаешь! — рванулась к обочине дороги Гаврилова.

Но чья-то рука удержала ее, и Рая услышала:

— Потихе, девушка.

Краснофлотец споткнулся, но тотчас же выпрямился. Из рта у него текла кровь. И Рая хорошо расслышала слова:

— Идите в партизаны, товарищи! Помогайте нашим разведчикам. Не покоряйтесь фашистам, якорь им в глотку!

Вынырнувший внезапно сбоку гитлеровский фельдфебель дважды выстрелил в моряка...

В часы тяжелых ночных раздумий Рая все чаще и чаще вспоминала бледное лицо с немигающим горящим взглядом и худую поднятую вверх, сжатую в кулак

руку. Она повторяла предсмертные слова краснофлотца, ища в них ответ на мучившие ее вопросы. А их было немало. Семья у Гавриловых большая: Рая, мать, Аня с ребенком, тринадцатилетний племянник Юра и его одноклассница Оля, сестра Ани. Запасов продовольствия — никаких. Вот и выбирай: либо в лес к партизанам иди (но как их найти?), либо к оккупантам на службу за кусок хлеба нанимайся. Впрочем, может и на службе у фашистов своим можно пользу приносить?

И решилась. В хозяйственной комендатуре каждого поступавшего на работу русского допрашивал гестаовец Райхерт, типичный пруссак лет сорока пяти. Он подолгу рассматривал в упор вызванного человека, ошарашивал его неожиданным вопросом, говорящим, что в отделении службы безопасности все о нем известно.

С Гавриловой у Райхерта произошла осечка. Первый бой, как правило, определяет всю жизнь солдата на войне. Рая подсознательно понимала этот неписанный закон и к первому своему поединку с матерым врагом хорошо подготовилась. Вела себя в кабинете гестаовца не робко, но и не вызывающе. На вопросы отвечала откровенно, смело. Да, она не думала, что войска фюрера займут Опочку. Да, она комсомолка и значилась в активистах. А как же иначе, если хочешь учиться? Можно ли ей доверять на работе? Будет стараться, но господину офицеру виднее.

— А красивый и умный фрейлейн не боится гестапо? — задал последний вопрос Райхерт.

И тут Гаврилова сделала отличный ход:

— А почему нужно бояться гестапо? Там же работают доверенные люди самого фюрера.

Райхерт разразился тирадой о могуществе гестапо, а затем изрек:

— Будешь служить в отделе господина Мюллера.

Рая покинула комендатуру довольная. И не только потому, что так быстро решился вопрос о работе. Девушка почувствовала даже какую-то уверенность в себе. Чувство было крошечное, как язычок пламени, лизнувший мокрые ветки костра в ненастье, но яркое, драгоценное. Теперь она твердо решила служить оккупантам так, чтобы они не сомневались в ее желании работать на благо «нового порядка», и в то же время искать, искать, неустанно искать ниточки связи со своими: в хоз-

комендатуре уйма сведений, нужных родной армии и партизанам. О том, что рано или поздно они заявят о себе, Гаврилова не сомневалась.

Понимала ли девушка всю тяжесть, что легла на ее молодые плечи, когда вышла она впервые из кабинета начальника главного отдела комендатуры Вилли Мюллера? Сознавала ли, на что обрекает себя, когда говорила, смеясь (но так, чтобы слышали все ожидавшие приема), случайно оказавшейся здесь знакомой: «А он, знаешь, милый, наш будущий начальник. Право, с ним приятно разговаривать».

Понимала. Сознавала. И вскоре добилась своего. Сорокалетний майор (в недавнем прошлом бухгалтер крупного магазина в Берлине) по-русски говорил плохо, особенно когда был в подпитии, что случалось с ним нередко. А дело приходилось иметь с деревенскими и волостными старостами, старшими полицияями. Требовался хороший секретарь-переводчик. Присмотревшись к Гавриловой, Мюллер назначил ее своим секретарем, освободив от других обязанностей.

Спустя два десятилетия после войны, когда «тайна фрейлейн Раи» оставалась для многих еще нераскрытой, автор этих строк слышал от старожилков древнего города:

— Раиса Гаврилова, говорите? Жила в Опочке при немцах такая. Про семью худого слова не скажешь, а она за сладкой жизнью погналась. Сам Гофман, начальник хозкомендатуры, ухлестывал за ней.

Хорошо входила в свою роль Рая. И лишь однажды, в предновогодний вечер, вернувшись домой, неожиданно разрыдалась, припав к коленям матери:

— Не могу! Не могу! Стрелять их всех надо, мерзавцев, а я...

Как в детстве, гладила Пелагея Тихоновна голозу дочери, перебирала растрепавшиеся волосы, а вымолвить слова не могла — убито молчала. Поняв состояние матери, Рая поднялась, улыбнулась сквозь слезы:

— Прости, мамочка. Просто устала я.— И, повернувшись к вошедшему племяннику, спросила: — Юра, в огне брода нет, правда?

— В огне? — недоуменно повторил подросток. — Ты что, шутишь?

— Нет, не шучу. Запомни, дружок. Нет в огне брода. И никогда не ищи его там.

— Хорошо, не буду, — охотно согласился Юра. — Только ты не плачь, пожалуйста.

Юра обожал свою молодую тетю. Он знал, что теперь на ней держится вся семья. И он готов был драться с каждым, кто осмелился бы в его присутствии сказать про нее что-либо плохое...

В начале первой военной зимы Опочка ни разу не упоминалась в сводках Совинформбюро. Не фигурировал город на берегах Великой и в сообщениях гитлеровской ставки. Сюда не прилетали бомбардировщики с красными звездами на крыльях. Редко гремели в лесах под Опочкой и выстрелы. Оккупанты решили обосноваться в древнем городе прочно: разместили на его окраинах крупные склады оружия, военного имущества и провианта, отводили сюда на отдых и переформирование части, потрепанные в боях под Ленинградом.

Понимая стратегическую важность шоссе на Ленинград, проходящей через Опочку, командование фашистских армий группы «Север», не скупясь, насытило город подразделениями охранных войск и контрразведывательными органами. Опочечское отделение службы безопасности возглавил эсэсовец гауптштурмфюрер Крезер, в фельдкомендатуре распоряжался сторбленный злой старик генерал Скультэтус. Гайки оккупационного режима были завинчены туго. Подручные Крезера и жандармы тайной полевой полиции бросили многих жителей района за колючую проволоку в городской концлагерь, в котором от голода и ран умирали военнопленные.

Казалось, ничто не может потревожить спокойную жизнь оккупантов. На новогоднем вечере в казино, обращаясь к офицерам, приехавшим в Опочку на отдых, генерал Скультэтус самодовольно говорил:

— Господа! Отдыхайте. Набирайтесь сил, помня добрую традицию прусского офицерства: в свободный час — вино, женщины, карты. Чувствуйте себя здесь, как в нашем дорогом фатерланде. В районе, который волей фюрера отдан в мое распоряжение, торжествует «новый порядок», о каком-либо сопротивлении большевиков не может быть и речи.

Крезер, сидевший за отдельным столиком со штурмбанфюрером из псковского гестапо, зло процедил:

— Расхвастался, старая калоша. Бисмарк в свое

время называл таких господ уволенными в отставку трупами. Что он понимает в сопротивлении русских? Большевики не сопротивляются лишь тогда, когда становятся мертвецами.

Крезер, матерый контрразведчик, не терпел барабанно-торжественных выступлений генерала. Он был хорошо информирован о крупных неприятностях, причиненных партизанами под Ленинградом 4-й танковой группе Гёпнера. Гауптштурмфюрер знал и о том, что тяжелый «майбах» фельдмаршала фон Лееба в дни октябрьского штурма большевистской цитадели на Неве все реже и реже показывался на фронтовых дорогах. И виной тому была не осенняя распутица, а дерзкие засады партизан.

Да и в районе Опочки обстановка спокойствия и благодати, по его мнению, была лишь в представлении офицеров-интендантов да некоторых умников абверовцев, не имевших дела с подпольщиками. Ему-то, Крезеру, они были достаточно хорошо известны по фатерланду. А подпольная работа шла уже и здесь, на берегах Великой. Кто-то дважды перерезал кабель фронтового значения. Кто-то помог бежать нескольким военнопленным из концлагеря. В поселке Красногородске, что в тридцати верстах от Опочки, секретарь комсомольского райкома ходит по деревням, будоражит народ, а агенты, посланные им, Крезером, не могут его схватить.

Да и от арестованных что толку? Фанатики. Были двое в его руках. Привезли из Красногородска лесного бандита Василия Орехова. Сам допрашивал, приказал своим подручным не сразу прибегать к сильным средствам физического воздействия. Рассчитывал — одумается мужик, назовет фамилии оставшихся в районе коммунистов, а тот, поднявшись с пола, плюнул в лицо фельдфебелю Гансу да крепко выругался. И надо же: повели на расстрел в противотанковый ров — бежал. Ранили, но скрылся...

Разведчица назвалась Ниной. Девчонка, но за наивной угловатостью он сразу почувствовал недюжинную твердость. Ведь изувечили всю, дико кричала, когда Ганс вонзил скальпель в грудь, а пришла в сознание — ни слова о штабе дивизии, оставившем ее со спецзаданием. И где рация спрятана, не сказала. Приказал повесить публично, с завязанными глазами, обвинив в попытке отравить немецких офицеров...

Налив в бокал вместо шампанского водки, он предложил гостю:

— Только за мертвых большевиков в новом году, коллега!

Казино наполнилось шумом. Яркий свет заливал помещение. Грянула музыка...

«Крупные силы красных прорвались за линию фронта...» Это сообщение с железнодорожного узла Новоскольники в конце января 1942 года первым в Опочке принял помощник коменданта Дэмайт. Оно было как снег на голову. Затем последовала серия телефонных звонков о разгроме гарнизонов в Насве, Выдумке, о бое на станции Маево. Перепуганный шеф тайной полевой полиции в Пустошке полковник Родэ сообщил в штаб охранных войск о движении в направлении города конного корпуса Красной Армии. Гарнизон Опочки был поднят по тревоге.

У страха глаза велики. Не сразу разобрались гитлеровцы в том, что громит железнодорожные гарнизоны и сметает на своем пути органы оккупационной власти не конный корпус, а всего лишь рейдирующая бригада партизан. Правда, соединение было особое, созданное разведотделом штаба Северо-Западного фронта, но все же число «хлопцев батышки Литвиненко» (так вскоре по имени командира стали называть бригаду) не превышало четырехсот.

Опочецкий гарнизон залихорадило. Сформированные из его подразделений карательные отряды то бросались к поселку Кудеверь, то направлялись к селу Глубокому, сутками сидели в засадах на развилках лесных дорог. А Литвиненко, точно насмехаясь, проходил вблизи сторожевых постов гитлеровцев и сам из засад громил карателей на марше.

— Нет! Нет! Не спорьте. У этого лесного бандита полно помощников. Они есть в городе. Быть может, и в этом доме...

Так, брызжа слюной и размахивая руками, кричал в кабинете Гофмана Райхерт, когда Гаврилова принесла коменданту на подпись бумаги. При появлении Раи гестаовец закончил подчеркнуто сдержанно:

— Мой дорогой майор, давайте вместе следить, чтобы ни одна бумажка комендатуры не стала достоянием агентов партизанского главаря. Будем осторожны, ведь они могут быть рядом.

Райхерт и не подозревал, как он близок к истине. Это случилось на пятый день после того, как гаунтман Дэмайт, воскликнув «Доннер веттер», побежал докладывать генералу о «прорыве фронта красными». Гаврилова решила любой ценой встретиться с разведчиками Литвиненко и стала искать предлог для поездки в ближайшую к Пустошке волость. Но ехать не пришлось. Возвращаясь с базара, у моста через Великую она неожиданно услышала:

— Потише, девушка.

Рая вздрогнула: и голос, и эти слова она уже где-то слышала. Вспомнила: когда гитлеровец ударил на площади военнопленного, а она крикнула: «Гад!» — и рванулась из толпы, чья-то сильная рука потащила ее обратно. Нет! Ошибки здесь не могло быть, и все же Гаврилова повернулась не спеша, с небрежной улыбкой. У перил стоял старик нищий. Его стального цвета глаза, глубоко спрятанные под густыми рыжими бровями, блестели молодо и немного насмешливо. Протянув руку, он прогнусавил:

— Подайте, Христа ради, — и, принимая от Гавриловой оккупационные марки, скороговоркой добавил: — Если узнали, то рискните в воскресенье принести сюда что-либо поценнее этих бумажек.

— Для кого? — машинально спросила Рая.

— Для батьки Литвиненко.

И нищий быстро заковылял прочь.

В ту ночь Гаврилова ни на минуту не сомкнула глаз. В «нищем» Рая не сомневалась: не мог быть провокатором человек, удержавший ее от смертельно опасного шага. Беспокоило девушку другое: какие прежде всего сведения сообщить Литвиненко? Она лихорадочно перебирала в памяти все, что старалась раньше запомнить.

Воскресное «подавание» сотрудницы хозкомендатуры было богатым. В бумажке, вложенной в хлеб, перечислялись номера воинских частей, находившихся в Опочке на довольствии, сообщались данные о составе и вооружении гарнизона, назывался срок отправки из города в сторону фронта автоколонны с боеприпасами.

Нищий, принимая из рук Раи краюху хлеба, быстро проговорил:

— Спасибо. Через неделю встретимся здесь же. Если не приду, передашь тому, кто остановит тебя словами:

«Потише, девушка». Ответишь: «А я не тороплюсь». Повторно скажут: «Потише, фрейлейн».

К мосту подошли с корзинами две деревенские женщины.

Нищий опять загнусавил:

— Бабоньки, пожалейте несчастного. Нутро у меня отбитое.

Всю неделю Гаврилова жила в страшном напряжении: с жадностью набрасывалась на каждую бумажку, поступавшую из воинских частей, дважды вела рискованный разговор с обер-лейтенантом из строительной организации Тодта, приехавшим из Острова, напросилась на поездку в Красногородск. Гарнизон поселка на реке Синеи получал провиант через Опочецкую хозяйственную команду. Поехала несмотря на вьюгу.

Вернулась Гаврилова в город поздно, метель к тому времени усилилась. Яростно крутила снежные космы по безлюдным улицам, зло стучалась в затемненные дома. С трудом добралась Рая до своей Почтовой. Возбужденная, радостная вошла в дом:

— Ну как вы тут, не замерзли еще?

— Слава богу, наконец-то, — вздохнула Пелагея Тихоновна. — Сама небось заоченела, а нас спрашиваешь. Иди погрейся у плиты да поешь — там твое любимое блюдо.

Уплетая за обе щеки жареную толченую картошку, вывалянную в муке, Рая похвасталась:

— А я сала немножко привезла.

В комнате было тепло, и только морозные узоры на окнах напоминали о непогоде. Пелагея Тихоновна, как обычно, склонилась над старенькой машинкой: что-то перешивала для продажи на рынке. Оля, примостившись на скамейке рядом, читала вслух один из ранних рассказов Горького. Юра что-то мастерил по хозяйству. Рая любила такие вечера — с громким чтением пушкинских сказок и горьковских произведений. Иногда мать откладывала шитье и рассказывала про колчаковщину в Сибири, про своих двух братьев-партизан, погибших в те далекие годы. Нередко перед сном в комнате тихо звучала песня. Чаще всего пели «Катюшу».

Раздался негромкий стук, и через минуту на кухне появилась Аня, покрасневшая от мороза. С осени она работала в казино судомойкой и официанткой и часто задерживалась допоздна.

— Устала? — подошла к ней Рая.

— И не говори, сестренка. Смертельно. Перед закрытием неожиданно появился Скультэтус. Злыдень старый, два раза выгонял из зала: то ему не так, это не этак. — Аня сладко потянулась. — Зато до чего приятно после всей этой грязи очутиться на свежем воздухе, пробежать по морозцу!

— И все же, — Рая отвела Аню к окну, — тебе удалось узнать, о чем шел разговор?

Аня отколола хрустящую корочку льда от стекла и рассмеялась.

— Попробуй не узнать. Ты ведь меня поедом заела бы. — И уже серьезно прошептала: — Говорили офицеры о новом командующем всеми войсками под Ленинградом. Видно, туго им там приходится. Фамилия его фон Кюхлер. Туда какие-то тяжелые пушки перебрасывают. А к нам зенитчики приедут. Свои хлопущки на валу у Великой поставят.

— Аннушка, до чего же ты у меня славная! Спасибо, дорогая. Дай я тебя поцелую.

— Хватит вам там миловаться, — Пелагея Тихоновна поднялась из-за стола. — Пора спать.

Погасла контилка в домике на Почтовой. Заснули дети. Забылась тяжелым сном долго ворочавшаяся на постели Пелагея Тихоновна. И лишь не могут уговориться сестры.

— Ты спишь, Аня?

— Нет.

— О чем думаешь?

— Об Алексее. Погиб он. Чую сердцем — погиб.

— Хороший он у тебя. Прямой. Честный.

— Благодарна я ему. Останусь живой — всю жизнь буду помнить...

— Значит, любит по-настоящему.

...Девичья фамилия Пелагеи Тихоновны — Яковлева. Жили Яковлевы в годы гражданской войны в Сибири. Когда оттуда уходили солдаты чехословацкого корпуса, один из них — Антон Урбан — силой увез с собой шестнадцатилетнюю Настеньку Яковлеву. Вернувшись на родину, женился на ней. Аня и Оля — его дети. Прошло двадцать лет. Подросли дочери: старшей исполнилось восемнадцать, младшей — восемь. Захотелось Анастасии Тихоновне Урбановой показать им Россию, познакомиться с сестрой, братьями. Долго хлопотала и

добилась визы. Приехала в Москву, оттуда в Опочку к сестре. А незадолго до войны девочки осиротели.

Рая тогда же сказала матери:

— Аня и Олюшка теперь для меня больше чем родные. Учиться брошу, работать пойду, только чтобы все мы вместе были.

— Как же иначе, доченька. А учиться — учись. Проживем.

В городе мало кто удивился, когда Гаврилова удочерила их, сменив и фамилию и отчество. Вот и стали и Аня, и Оля, и Юра Пелагею Тихоновну мамой звать. Она и была для всех четверых настоящей матерью — мужественная, добрая русская женщина.

У горя много дорог, у счастья — меньше. Но пришло и оно в дом Гавриловых. Полюбил Аню младший лейтенант Алексей Чугурмин. Сирота. Воспитанник полка. Коммунист. Нашлись советчики: «Не женись, на службе отразится». Препятствия стали чинить. К генералу — командиру соединения поехал Алексей. Победила любовь. Светлым майским днем 1939 года назвал Чугурмин Аню своей женой...

Уснули в ту метельную ночь Рая и Аня, когда лениво прокукарекали третьи петухи. А новый день принес радость. В комендатуре стало известно о «фейерверке» на Ленинградском шоссе, устроенном «хлопцами батьки Литвиненко» из снарядов, направленных из Опочки в действующую армию. Рая ликовала. В полдень она постучала в кабинет Райхерта. Молча положила на стол смятую копировальную бумагу. Гестаповец впился в нее глазами. На копировке явно проступали номера воинских частей.

— Ты почему подобрал этот бумаг?

Рая смущенно улыбнулась:

— Господин оберштурмфюрер, эту бумагу бросил в мусорный ящик фельдфебель Курт. А ведь вы приказали копирки уничтожать.

На лице Райхерта появилось подобие улыбки:

— О, это гут! Ты действительно ешь умный девица. Я к тебе буду питайт полное доверие.

Старший делопроизводитель комендатуры фельдфебель Курт придирался по любому поводу к служащим-русским, нагло приставал к молодым женщинам. По настоянию Райхерта он был наказан, и Гофман перевел его в охрану.

Наступило воскресенье. Как на праздник шла Гаврилова к мосту. Трижды приходила, а «нищий» не появлялся. Минул день, второй. В среду, когда торопилась домой обедать, услышала за собой шаги. Чуть-чуть обернулась — ее догонял немецкий офицер. С горечью подумала: «Еще один ухажер», но вдруг услышала:

— Потише, девушка.

Посмотрела назад. Лейтенант в полевой форме вермахта. В черных как уголь глазах смешинка. Небрежно ответила:

— А я не тороплюсь.

— Потише, фрейлейн.

Рая быстро разломала в сумке хлеб, достала бумажку — не подавать же краюху. Взял — и ни слова, даже спасибо не сказал. В душе шевельнулась обида, но Рая улыбнулась и насмешливо проговорила:

— Между прочим, господин лейтенант, немецкие офицеры не разминают сигареты пальцами, как это делаете вы сейчас.

Сверкнул в ответ белозубой улыбкой незнакомец:

— До свидания, фрейлейн!

Как-то, просматривая документы о поступлении квартирной платы, Гаврилова обратила внимание на то, что с некоторых граждан плата взимается не полностью. Строго спросила сдававшего ведомости Шпилькина:

— Кто принимает у вас квартплату?

Высокий, худощавый бухгалтер райуправы вытянулся в струнку, но ответил тихо, чтобы не слышали другие сотрудники комендатуры:

— Беженка Андреева, — и еще тише добавил: — Может, и пожалела кого, так вы уж простите, барышня, у нее семья в Ленинграде, а там, говорят, люди от голода как мухи мрут.

— Ведомость в порядке, — Гаврилова оторвала глаза от бумаг. — Только в следующий раз сдавайте их в двух экземплярах и пусть приносит сама Андреева.

Оставшись одна, девушка в верхнем углу сводной ведомости против напечатанного слова «Утверждаю» написала размашисто: «Мюллер». Подпись была подделана безукоризненно.

Ушел Шпилькин, и Рая задумалась: значит, главный бухгалтер не только знает о недоборе денег, но и поощряет

Андрееву. И ей сегодня «удочку забросил» — не случайно про Ленинград заговорил. Зачем?

А что она о Шпилькине знает? Исполнителен. Вот и все. Маловато для оценки человека. Да, еще: относится к немцам без подобострастия, со служащими спокоен, ровен. Это уже что-нибудь значит. И все же...

Вечером Рая расспрашивала домашних о Шпилькиных. И многое узнала. До войны Иван Дмитриевич служил в конторе «Заготзерно» главным бухгалтером. Работал хорошо — премировали его путевкой на курорт в Сочи. Беспартийный. В семье четверо: он, жена, семнадцатилетняя дочь Мария и сын Ваня тринадцати лет.

— Ванька Шпиль — отчаянный человек, — рекомендовал младшего Шпилькина Юра, — и дружок его Корнер-младший — так ребята Олега Корнева зовут — тоже смелый.

— Известные сорвиголовы, — резюмировала Пелагея Тихоновна.

Юрины характеристики были более точными. Иван Шпилькин и его двоюродный брат Олег Корнев первыми из опочан, как только немцы захватили город, провели «партизанское действо» — перерезали в нескольких местах кабель фронтового значения.

То, что узнала Рая о Шпилькине-старшем, не могло стать основанием для контакта с ним. Гаврилова не получила никакой подготовки как разведчик, но какими-то врожденными качествами разведчика она, безусловно, обладала. Продолжая незаметно день за днем наблюдать за главбухом, она установила, что он симпатизирует кое-кому из служащих оккупационных учреждений, проявляя интерес к документам в бухгалтерии. Однако на откровенный разговор с ним не решилась.

И правильно поступила. Иван Дмитриевич Шпилькин при эвакуации Опочки дал чекистам согласие «помочь, когда потребуется», и мучительно ждал этого часа, обрастая кандидатами в помощники. Этот час наступил тогда же, когда подключилась к разведывательной работе Гаврилова. Связь со Шпилькиным была установлена по другому каналу. Объединять эти каналы не следовало.

Зимой Шпилькин настоял на переводе Андреевой на электростанцию. Как-то, оставшись с ней наедине, сказал:

— Не забывай, Андреева, ты — ленинградка. А сюда ходят не только за свет платить, а и торф возят из окрестных деревень. Людей бывает много, и для них сейчас правдивое слово что глоток кислорода больному.

С тех пор и пошло. Мария Федоровна, присматриваясь к посетителям, при удобном случае заводи́ла разговор о разгроме фашистов под Москвой, о стойкости ленинградцев. Когда удавалось кое-что узнать из сводок Совинформбюро (в хозкомендатуре иногда можно было получить доступ к радиоприемнику), говорила правду, в другой раз кое-что додумывала.

Гаврилова знала, что Андреева снижает плату за свет, незаметно для начальства увеличивает расценки на торф, привозимый крестьянами, но сблизиться с нею не торопилась. Помогли события под Ленинградом. Рая любила слушать, как Андреева рассказывает сотрудникам про город ее юности. А та не раз замечала, что во время таких бесед секретарша Мюллера становилась печальной. И однажды под вечер, сдав очередную ведомость Гавриловой, сказала:

— Знаешь, Рая, нехорошо мы живем, нечестно. Нужно как-то помогать нашим.

В глазах Гавриловой внезапно потух огонек сердечности. Девушка заторопилась домой и, прощаясь, сухо сказала:

— О хлебе насущном больше думать надо. А кто свои, кто чужие — не наше дело.

Через несколько дней после этого разговора заболел Игорь, и вечером Оленина забежала к Гавриловым узнать, не могут ли они достать для ее сына лекарство. Рая, глядя в окно, тихонько напевала...

Постояв незамеченной в дверях, Мария Федоровна решила́сь:

— Раечка, милая, чувствую, что ты не та, за кого себя выдаешь! И я не Андреева. Мой муж — советский генерал Оленин. Клянусь его добрым именем, сыном клянусь. Поверь мне!

Рая молча расцеловала Оленину.

«Да скроется
тьма!»

...Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

Александр Пушкин

Звездный тихий вечер опускается на гряды Синичьих холмов. В густеющих сумерках тают очертания Святогорского монастыря. И сразу же на улицах и в переулках Пушкинских Гор замирает жизнь. Поспешно запираются ставни, двери... Комендантский час.

Надвигается ночь. И с нею тишина. Тревожная. Зловещая. Чугунные шаги патрулей в темноте.

Но не спит поселок. Вот у монастырской стены мелькнули какие-то тени. Неслышная работа рук — и белыми заплатами ложатся на комендантские приказы с черными орлами тетрадные листы с рукописными сводками Совинформбюро.

Чуть позже у деревянного домика Дорофеевых, что примостился у подножия холма, приглушенно звучит:

— Кто идет к Пушкину?

В ответ горячий шепот:

— Дубровский.

— Русалка.

— Пугачев...

Пушкиногорское подполье — золотая, хотя и малоизвестная страница народной войны в тылу врага. И первое имя на этой странице — Виктор Дорофеев.

Высокого светловолосого парня со впалыми бледными щеками знали хорошо в поселке. Сердобольные женщины жадели, товарищи в присутствии Виктора старались о болезнях не говорить. Секретарь школьного комитета комсомола Дорофеев не переносил жалости к себе. Энергичный, всегда полный интересных задумок, веселый, общительный, Виктор был заводилой в кругу молодежи.

Туберкулез в первые дни войны дал новую вспышку, и Виктор с трудом поднимался с постели. О службе в армии, хотя бы в тыловых частях, он и мечтать не

мог, а горячее сердце комсомольца звало к действию. Особенно тяжело было по ночам: ни света, ни радио. Метался юноша в своей постели-клетке. Склонялась над сыном мать, шептала:

— Потерпи, Витенька, потерпи, милый. Вот намедни обещали мне барсучьего сала принести. Поешь с медом — полегчает.

— Спасибо, мама. Спасибо, родная. Все буду пить, что скажешь, лишь бы сил набраться. Они мне ох как нужны...

Фашисты ворвались в поселок Пушкинские Горы под вечер 13 июля... Сохранилось письмо Александра Сергеевича Пушкина из села Михайловского, датированное тоже этим числом. Поэт сообщал П. А. Вяземскому, что начал «романтическую трагедию» и не может вытерпеть, чтоб не выписать ее заглавия: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Ворониче».

Но та беда, которую к Вороничу принесли солдаты в мышиного цвета шинелях, была несравненно страшнее событий, легших в основу пушкинского «Бориса Годунова».

— Руссиш капут! — гоготала солдатня военной комендатуры, оскверняя русскую святыню — Пушкинский холм.

— Пушкин — дикарь. Ницше — бог, — философствовали за бутылками пшнэпса гитлеровцы рангом повыше.

И вдруг... Темной осенней ночью рядом с поселком раздалась пулеметная трель. Затем ухнула пушка.

Сигнал тревоги — строчка трассирующих пуль в небо с горы Закат — поднял на ноги весь гарнизон. Комендантский взвод занял оборону. Темень. Мелкий нудный дождь. Тишина... Нервы гитлеровцев не выдержали, и они открыли беспорядочную стрельбу из автоматов. Всполюшились и команды, расквартированные в Михайловском, Колоканове, Подкрестье. Всю ночь палили оккупанты, пугая неведомого противника и подбадривая себя.

Утром в поселке только и разговоров было, что про ночную стрельбу.

— Из окружения пробились наши, целый полк, — говорили одни.

— Партизанский отряд пытался ворваться в поселок, — утверждали другие.

Но офицеры комендатуры быстро установили истину: кто-то в полночь забрался в подбитые советские танки, стоявшие на летном поле бывшего аэродрома, и устроил переполох.

Происшествие насторожило коменданта. Была усилена патрульная служба, приняты и другие меры. Гестаповец Вильгельм Шварц поучал сотрудников комендатуры:

— Нужно беспощадно карать жителей за малейшее проявление неуважения к «новому порядку».

Вскоре после ночной стрельбы Дорофеев попросил младшего брата:

— У меня к тебе, Женья, дело есть. Важное. Ты как-то говорил мне, что видел Кошелева, который обычно у нас на школьных вечерах на баяне играл. Верно?

— Точно, видел, — подтвердил Женька.

— Ну так вот, разыщи его во что бы то ни стало и попроси к нам зайти. Затем найди Лешу Иванова и Малиновского Толю, скажи — брат обижается: забыли, мол. Пусть завтра под вечер забегут в подкидного сыграть. Ребята они надежные. — Последнее слово Виктор произнес тихо и значительно.

Сообразительный Женька радостно блеснул глазами:

— Есть, товарищ секретарь, собрать надежных ребят!

Степан Петрович Кошелев зашел в тот же день. Хотя он был намного старше Дорофеева, но относился к нему как к равному. Виктор уважал баяниста за дружбу со школьниками, знал, что для некоторых ребят с нелегкой судьбой Степан Петрович был добрым советчиком.

— Зачем звал? — без обиняков спросил Кошелев, входя в комнату к Виктору.

— Соскучился. Сиднем сию, а ты по белу свету бродишь, наверное, слышал что-либо правдивое да хорошее.

— А со мной Москва нет-нет да и поговорит.

— Так, значит, не сдал?

— Значит, не сдал. Только жердь, что антенну держала, в печке сжег.

— Молодец! Какой ты молодец, Степан Петрович! —

Глаза Дорофеева радостно сверкнули. — Теперь дело пойдет.

— Какое такое дело?

— Борьба подпольная с фашистами. Не на жизнь, а на смерть. Завтра ядро боевой группы собираю.

Настала очередь удивляться Кошелеву.

Собрались ребята открыто — за картами, благо игра в них поощрялась блюстителями «нового порядка».

Открыв козырную шестерку, Дорофеев улыбнулся и проговорил:

— Ко мне пришла. Мне и начинать игру. Начну с ругани. Стрельба из танков — баловство, а с оружием баловаться нельзя. Во-первых, своих пострелять могли, а во-вторых, как говорится, и просто пропасть ни за что. Ну да ладно, что было — то было. А сейчас давайте о серьезном деле поговорим.

— А что может быть серьезнее, чем стрелять фашистов? — вскипел Малиновский.

— Не горячись, Толя. Виноваты мы. Стрелять тоже с умом надо, — отпарировал Алексей Иванов.

— Самое главное сейчас, — продолжал Дорофеев, — у наших людей дух поднять, правду им рассказать. — Дорофеев улыбнулся и обнял товарищей: — Маловато нас, но ничего. Важно, что мы уже вместе. Пословица утверждает: две головешки курятся, а одна никогда. Пройдет немного времени, и нас станет больше. Помогать тоже будет. Объявятся партизаны. Это непременно. А вот мнение народа нужно укреплять. Многие сейчас в состоянии оцепенения, а кое-кто в силки фашистские попал. И наш комсомольский долг...

...Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?..

Молодые пушкиногорцы непреклонность гордой комсомольской юности отдали мужественной борьбе за восстановление родной Советской власти. Комнатка Виктора Дорофеева стала штабом подпольной организации. У постели своего вожака юные подпольщики писали и редактировали листовки. Отсюда уходили на

первые диверсии Алексей Иванов, Борис Алмазов, Геннадий Петров, Николай Хмелев.

Все вместе собирались редко. Соблюдали конспирацию. Приносили с собой колоду карт, мелкие деньги, фашистские газеты на русском языке, иногда самогон — вдруг нагрянут гитлеровцы? Недалеко от дома Дорофеевых ребят тихонько окликал кто-нибудь из руководителей тройки — Иванов или Кошелев, иногда младший Дорофеев, отчаянно храбрый парнишка, связанной подпольной организации. Звучал в темноте вопрос-пароль:

— Кто идет к Пушкину?

...Метелью скулит злой декабрьский ветер. Приглушенно звучат церковные колокола. А с амвона Успенского собора разглагольствует отец Владимир:

— Смиритесь, люди добрые. Помазанник божий Гитлер дарует нам землю, свободу. Его войска уже очищают от большевиков Москву. Сдастся и голодный Петроград...

Надо ж такое! Ведь рядом могила Пушкина, тут русский дух, тут Русью пахнет! И здесь же отпевают Россию...

Подавленные стоят прихожане. А бархатный голос увещавает, зовет к повиновению. Кто-то вполголоса роняет:

— На то, видно, воля божья...

И вдруг откуда-то сверху звонкий мальчишеский голос:

— Не верьте! Врешь, иуда! Не верьте!

Соборное эхо разносит: «Иуда-а-а!», «Не верьте-е-е!» Слова бьются в окна собора, напоминающие бойницы, точно хотят вырваться наружу и пронестись набатным призывом над Синичьими холмами.

Проповедь сорвана. Расходятся прихожане. Ночь по-прежнему дышит метелью, но нет уже лютого холода на сердце.

Свои подали голос. Значит, и впрямь не так страшен черт, как его малюют. Многие задерживаются у белой монастырской стены. На ней углем аршинными буквами начертано:

«Смерть оккупантам! Да скроется тьма!»

Это тоже сделали свои. Бесится агент гестапо в рясе. Фашисты ищут смельчаков, но десятки людей уже побывали у стены и затоптали следы.

Мерцает огонек коптилки у постели Виктора Дорофеева. Раскинуты на всякий случай игральные карты на столе. Возбужденные, с красными от мороза щеками, Борис Алмазов и Анатолий Малиновский громким шепотом, перебивая друг друга, говорят:

— Все сделано, как ты задумал, Виктор.

— А Женька-то как крикнул!

— Только бы по голосу не узнали.

Светятся глаза у Дорофеева. Дрожащими руками берет он мандолину.

— Любимую,— просит Алмазов.

— «Дан приказ ему на запад»,— начинает Малиновский.

— Тише вы, полуночники,— просит появившаяся в дверях мать Дорофеева.

— Мы тихонько, мама,— успокаивает ее Виктор и подхватывает:

— «Уходили комсомольцы на гражданскую войну...»

Как-то вскоре после Нового года в заповедном бору Михайловского застучал топор. Один из деревенских старост, подлец первостатейный, получил от офицера ортскомендатуры Рыбкхнуса (в поселке звали его Рыбке) разрешение на рубку леса для постройки нового дома. Ночью в окно фашистского холуя влетел камень. К камню была прикреплена записка:

«Будешь рубить пушкинский бор — будешь зарублен своим же топором». И подпись: «Дядька Черномор».

Перепуганный староста утром побежал к старшине поселка. Пожаловаться.

— Господин Шубин, меня убить собираются.

— Кто?

— Какой-то не местный, иностранец наверное. Фамилия Черномор. Вот читайте.

Шубин, в прошлом учитель, улыбнулся, но, прочитав угрозу из вырезанных газетных букв, сказал:

— Смотри сам, но Черномор, видать, следит за тобой, и... чем черт не шутит.

В тот же день Дорофеев, разговаривая с Алексеем Ивановым, посмеивался над приятелем:

— Видишь, Лешка, как хорошо все получается. В школе тебя Воробьем звали. А кончится война — будут Черномором величать. Черномор не чета воробью.

Стук топора в заповеднике в первую военную зиму больше не раздавался.

Прав был Дорофеев: объявились в пушкинском крае партизаны. В районе Новоржева, в трех десятках километров от Святогорского монастыря, рейдировал осенью и первой военной зимой отряд особого назначения, посланный к берегам Великой и Сороти из Ленинграда. Командовал им пограничник старший лейтенант Василий Силачев.

Особого назначения... Два емких слова.

Местонахождение отряда — это самая опасная зона. Там, где вражеские войска стоят густо.

Деятельность — разведка, и еще раз разведка (недаром в отряде три рации), и многое другое, о чем не всегда расскажешь.

В один из дней пришел приказ побывать на могиле Пушкина. И вот два бородатых «крестьянина» (это были Силачев и боец отряда Борис Колесников), возвращаясь с базара, как бы случайно оказались у монастырской стены. Посидели минуту-другую молча у могилы. Проходивший мимо подгулявший полицейай набросился:

— Чего расселись, мужичье! Встать надо, когда начальство проходит.

Поднялся Колесников. Поднес жилистый кулак с побелевшими костяшками к лицу фашистского холуя:

— А этого не хочешь, падаль? А ну марш отсюда, пока цел!

Встал и Силачев. Рука за пазухой привычно нащупала рукоятку нагана.

Оглянулся полицейай — никого, залепетал:

— Да вы чего, мужички? Пошутил я.

Смылся «шутник». Отругал Силачев товарища за горячность. А через несколько минут разведчики уже затерялись в суетливом многолюдье воскресного базара.

Вечером того же дня отрядный радист долго отстукивал точки — тире, и тайное, творящееся оккупантами в Пушкиногорском и Новоржевском районах, становилось явным для Смольного, для штабов советских войск. А потом ночь полыхала зарницей: горел вблизи Пушкинских Гор склад боеприпасов гитлеровцев, стреляя снопами искр в темное небо.

Партизанам первых отрядов, и прежде всего отрядам особого назначения, было очень трудно. На следу отряда Силачева все время были агенты тайной полевой полиции и подразделения охранных войск. Погибли в

начале 1942 года тверяк Петр Максаков, младший политрук Андрей Андриюшин, в прошлом запорожский сталевар. Не вернулся из разведки Александр Катин, служивший до войны в милиции пушкинского края. Схватили его жандармы.

Ни слова не сказал на допросе разведчик. Пытали. Не выдал ни явок, ни временную базу отряда. Комендант Новоржева приказал повесить Катина на дереве при въезде в город. Связанный, с петлей на шее, Катин ударил ногой в зубы гитлеровца, пытавшегося сфотографировать казнь.

Богата была метелями на берегах Великой и Сороти первая военная зима. Занесены до окон снежными наметами хаты. Огромные белые капоры на крышах. Надрывно шумит ледяной ветер, тревожа сердца людей, не знающих, что творится на белом свете. Как поступить? Чему верить?

Жгучие вопросы. И ответы нужны прямые, честные. В те дни Василий Силачев и его товарищи побывали во многих деревнях, беседовали с пушкингорцами и новоржевцами.

Силачев знал о начальных шагах подпольщиков Пушкинских Гор, но разрешения на контакт не имел. Вскоре новые задания увели особый отряд ближе к Пскову.

Первые нити к непокоренной юности пушкинского края протянули разведчики 2-й особой партизанской бригады штаба Северо-Западного фронта. Еще до получения радиограммы от начальника разведки полковника Деревянко с указанием уделить «особое внимание непрерывной разведке и действиям на дорогах, идущих на северо-восток из района Себежа и Опочки», майор Литвиненко направил разведчиков к берегам Сороти. Напутствуя их, говорил:

— В поле вашего зрения, хлопцы, должны быть, как всегда, посты у мостов и переправ. На воскресном базаре побывайте, а потом по двум адресам наведайтесь. К кому, Герман¹ скажет. И обязательно побывайте на могиле Пушкина. Есть сведения — цела, хотя и надругалась над нею фашистская мразь. Поклонитесь Александру Сергеевичу от всех наших хлопцев...

¹ Во время рейда 2-й особой бригады Александр Герман был заместителем комбрига по разведке.

Словоохотливого хромоногого старика в рваном рыжем полушубке и его поводыря, мальчонку лет двенадцати, видели в Пушкинских Горах и на базаре, и на монастырском дворе, и на окраине поселка, и на дороге к Михайловскому. После вспоминали: больно по-молодому у старика глаза блестели, когда про батьку Литвиненко рассказывал. Нашелся даже человек — видел: шли у Сороти нищие скороходью и хромоты у старшего как не бывало.

Но это было на второй и третий день после базара, когда стоустая молва уже разнесла по поселку и окрестным деревням весть о разгроме фашистов под Москвой и о появлении на берегах реки Великой «хлопцев батьки Литвиненко». А тогда о подозрительных нищих коменданту донесли лишь под вечер. Бросились искать, но их поминай как звали. А ночью вьюга разыгралась не на шутку, все смешалось в белом вихре: лес, земля, поселок.

Заунывное «Подайте милостыню, ради Христа» стало переводчицу военной комендатуры Аллу Шубину на крыльце. Никак не могла отпереть дверь — что-то не ладилось с замком. Девушка хотела достать кошелек, но старик нищий вдруг насмешливо сказал:

— Не надо, фрейлейн. Марками мы брезгуем. Ждем от вас другого подношения, барышня.

— Какая я вам барышня!

— Не нравится! Ну тогда, — нищий уже не горбился, смотрел доброжелательно, — зайдем на минутку в дом, товарищ Шубина.

Оставив мальчонку в сених, он вслед за Аллой вошел в комнату и неторопливо продолжал:

— За тебя, товарищ Шубина, один человек головой поручился. Вместе учились вы в средней школе в Опочке. Хочется верить — не по доброй воле ты в комендатуру попала. Пришло время доказать это. Небось слышала такое слово — разведданные? Сведения разные о неприятеле. Вот и собери их. В бумагах посмотри или на карте в кабинете у начальства. Эти сведения нам очень нужны.

— Кому — нам? — с замирающим сердцем спросила Шубина.

— Хлопцам батьки Литвиненко. Для Красной Армии...

Семья учителя Василия Шубина, как и большинство

семей пушкиноторцев, не сумела эвакуироваться летом сорок первого. Уходили из поселка пешком к железнодорожной станции Сущево. У деревни Буруны гитлеровцы-мотоциклисты обогнали беженцев. Пришлось вернуться.

Мысли о жене и дочерях (старшей, Алле, минуло семнадцать, младшей, Анфисе, шел пятнадцатый год) терзали душу Шубина. Слабым оказался человек... И когда осенью его вызвали в фельдкомендатуру и приказали стать старшиной поселка, он согласился.

Тяжелее всех в семье отцовское «старшинство» переживала Алла. Немногочисленные подруги сочувствовали ей. Каково же было удивление всех, когда стало известно о назначении Шубиной переводчицей военной комендатуры. Поведение ее объясняли по-разному. «Гнилая яблоня — гнилое яблоко», — утверждали одни. Другие судили нестрога: испугалась отправки в Германию. Вскоре, однако, стали находиться и такие люди, кто втайне благодарил переводчицу. То подскажет задержанному по подозрению или доносу, как выкрутиться из беды. То, зная, кто из помощников коменданта не понимает по-русски, переведет ответ допрашиваемого так, что у того появляется бесспорное алиби.

Шубина не была знакома с опочанкой Раей Гавриловой, но, как и она, поступила на службу к оккупантам с твердым намерением обратить ее против гитлеровцев. Девушка догадывалась о второй жизни Леши Иванова, навещавшего изредка Шубиных, но понимала: вряд ли поверят его друзья сейчас дочери старшины. Понимая, страшно мучилась. Забвение находила в ночных разговорах с младшей сестрой о школьных годах. Тогда все было просветленно, а на сердце вольно и легко.

Приход «нищего» поставил все на свои места. С огромным риском двое суток Алла добывала секретные данные (удалось даже снять копию со схемы размещения постов на Сороти и Великой), а на третьи сутки ровно в полдень она была на пятой версте по дороге к Новоржеву. Здесь ее уже ждали посланцы Германа.

...Растаяли снега. Зазеленели дубравы Тригорского и Михайловского. Легче стало отлучаться из поселка подальше, бывать в лесу. Деятельность подпольщиков группы Виктора Дорофеева с приходом весны оживилась.

Как-то за неизменной игрой в карты Дорофеев спросил Малиновского:

— Ты помнишь наш разговор про никчемную стрельбу из поврежденных танков?

— Кто старое помянет...— начал Малиновский.

— Да нет, Толя,— перебил его Виктор,— я не к тому. Пришло время за оружие браться. Только умненько поступать нужно. Давайте...

Озеро Тоболенец. Спокойная гладь воды и уходящие вдаль мыски камыша. Еще по-весеннему студена вода, а Алексей Иванов и Анатолий Малиновский уже ползут у прибрежного ивняка. Купаться не запрещено.

На берегу Тоболенца баня. Выбегают из парилки гитлеровцы. Пробуют воду. Холодна! Гогочут, глядя на плавающих подростков, но лезть в озеро не решаются. А те знай себе ныряют. Ну а разговор их до солдати не долетает.

— Ну как, Леша? — спрашивает Малиновский стуча зубами.

— Нащупал, Толя. Точно, ящик.

— Значит, вечером вытащим — и в тайник.

— Порядок. Рад будет Виктор.

При эвакуации из Пушкинских Гор кто-то из нерадивых милиционеров ящик с винтовками и боеприпасами спустил в Тоболенец. Узнали подпольщики — достали. Удалось и пулемет снять с застрявшего в пруду танка.

И вот снова ночная стрельба. Теперь не бесцельная — по казарме гитлеровцев. Малиновский, братья Хмелевы и Алексей Иванов обстреляли из засады автомобиль с фашистами. Подняты солдаты по тревоге. Разъярен комендант — опять нагоняй из штаба будет. А ребят и след простыл...

К Дорофееву изредка заходила врач Полина Ивановна Иванова, работавшая в открытой оккупационными властями платной больнице. С большим трудом доставала она лекарства, пытаясь спасти жизнь Виктора.

Однажды, когда Иванова, осмотрев его, собиралась уходить, Виктор подал ей пачку бумаг:

— Возьмите, Полина Ивановна.

— Что это, Витя?

— То, за что вам будет благодарна Советская власть. В больницу часто гоняют для колки дров военноплен-

ных. Дайте им эти листовки, пусть почитают. А то небось кое-кто думает, что и войне конец. Дайте всем, кому довериться можно.

Дорофеев закашлялся. Иванова с несвойственным для нее жаром схватила руки Виктора:

— Вот ты какой! Спасибо, дорогой, за доверие, спасибо!

Так было положено начало новой подпольной группе — «больничной», как ее называли Дорофеев и Кошелев. Полина Ивановна и ее помощники спасли нескольких красноармейцев, укрывшихся вблизи поселка, позже регулярно снабжали партизан медикаментами.

А вожак подполья угасал.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная...

Уходил из жизни Виктор мужественно. До последней минуты был мыслями с товарищами по борьбе.

— Жечь, взрывать теперь надо, Степан Петрович, — говорил он, задыхаясь, Кошелеву. — И главное — свяжитесь с партизанами. Лешку пошли на связь. Он отчаянный, наш добрый Воробей...

Умер Дорофеев от туберкулеза. Нет, не умер — комсомолец Дорофеев погиб на боевом посту. Это о таких, как он, писал Эдуард Межелайтис:

Мне не страшно. Мной завещанное пламя
Погасить уже никто теперь не властен.
Смерть и горе объявляю я врагами
И друзьями объявляю жизнь и счастье,

Сергей,
Дубняк
и другие

Кровлей их было звездное
небо, да грозовые тучи,
да хмурая шанка сосны.

Константин Федин

Молва не по лесу ходит, а по людям. Как волна морская, докатилась она и до поселка Нища. Оттуда переместилась в Полейковичи, в Улитино и дальше в сторону Россон — к земле белорусской. Рассказывали люди, будто появились в идрицких лесах боевые ребята. Подстрелили фашистского офицера, засады на гитлеровских фуражиров-грабителей устраивают. Командир у смельчаков не то артиллерист, не то кавалерист.

На молву суда нет, гласит русская пословица. Может, что и привирали люди, но бывшая девятиклассница Нищанской средней школы Ира Комарова твердо решила найти этих ребят, стать с ними рядом. Четыре месяца минуло с того июльского дня, когда фашисты ворвались в отчий дом Иры. Она хорошо запомнила те страшные (казалось — не наяву) минуты. Как истуканы шеренгой стояли у клуба девчата. А кругом носились солдаты с кудахчущими курами, запыленные, гогочущие.

Но вот раздалось грозное:

— Ком арбайт!

Здоровенный гитлеровец протянул руку в сторону Иры и ее подруг, показывая, что нужно ошипать кур. Шеренга дрогнула. Кто-то сделал нерешительные шаги к солдату. Ира от яростного гнева аж задохнулась (чтобы она, дочь знатной колхозницы, стала прислуживать грабителям!), но сказала спокойно, отрицательно мотнув головой:

— Не пойду.

Верзила удивленно посмотрел на худенькую, с косичками, девушку, осмелившуюся не подчиниться ему — солдату великого фюрера, приподняв автомат, пригрозил:

— Капут!

— Не пойду! — еще тверже и еще громче ответила Ира. Фашист покраснел, весь наливаясь злобой, шагнул к Комаровой. Но в этот миг за околицей раздались выстрелы. Гитлеровцы поспешно бросились к своим машинам.

От этого, еще по-настоящему не осознанного, первого шага потянулась цепочка: подобранная и прочитанная соседям листовка, горячая убежденность в разговорах о том, будут ли фашисты в Москве («Будут, когда медведь на корове женится, а рак на лягушке»), и, наконец, поиск товарищей для активного сопротивления оккупантам.

Раньше гордостью Нищанской школы были выпускники, ставшие летчиками, знатными трактористами, учителями. Осенью 1941 года ее воспитанникам пришлось делать другой выбор: быть беспрекословной скотинкой оккупантов и находиться в плену собственного унижения или поселить в своей душе одно нерассуждающее — бороться... Ира Комарова, Валя Дождева, Надя Федорова, Лена Кондратьева выбрали последнее.

Встречались часто, хотя жили в разных деревнях. Что стоит в шестнадцать лет пробежать два-три километра полем или кустарником! И в тот день, когда Комарова впервые услышала про ребят-смельчаков, она немедленно отправилась в Слободу к Наде Федоровой.

Ира не просто дружила с Надей, а была влюблена в подругу, иначе как «ненаглядной» не называла. Да и можно ли было не любить ее, олицетворявшую собой саму нежность! Стройная, с золотистой копной волос над черными как смоль бровями. Открытое сердце, не признававшее фальши и компромиссов. Чуткая душа, хранившая любовные тайны подруг. Не только девочки, но и многие ребята гордились дружбой с комсомольским секретарем 9-го «А» класса.

В те черные, страшные дни, когда фашисты впервые заповилили Нищу, Федорова спасла из школьной библиотеки собрание сочинений Владимира Ильича Ленина. Вынесла книги не таясь. Сунулся было один из пожилых полицаев:

- Куда прешь книги-то?
- На кудыкину гору, — отрезала Надя.
- Не дерзи, девка! Припомню...
- Камень за пазухой носить — рубашку порвешь.
- Больно умна ты. Молчи, а то враз прищучу!

— И на шуку острога найдется. Мы-то знаем,— Федорова насмешливо улынулась,— из какой деревни ваше благородие к нам пожаловало.

— Кто это — мы? — сбавил тон полицейский.

— Мы — это мы. И нас много. Ясно?

— Так тебе за эти книжки немец собачий поводок определит на удавку.

— Ну что ж, вместе на виселице болтаться будем. Скажу на допросе, что ваша светлость меня подбила спрятать ценные книги от новых хозяев.

— Тьфу, дура! — отвернул в сторону полицай. — С такой свяжешься — худа не миновать.

Надя встретила Иру радостно:

— Соскучилась без тебя, подружка.

— И я. А у меня, ненаглядная, весточка интересная.

— Выкладывай.

— Говорят, в Богомолове и Предкове ребята боевые объявились. Начали порядки фашистские тревожить.

— А командиром у них Сергей, — засмеялась Надя.

— Ты уже знаешь?

— На днях он был в нашей деревне. Познакомился.

— Понравился?

— Рассуждает смело. Сам полуместный-полуленинградец. В Богомолове мать у него.

— О чем толковали?

— О нашей группе намекнула, а так больше расспрашивала. Он ведь воевал на фронте. Ранили его. Говорил, что, когда очнулся после бомбежки, один у пушки остался.

— А еще что рассказывал?

— Обещал в воскресенье к нам со своими товарищами прийти на вечеринку.

...Деревенская вечеринка. В дни оккупации она была что отдушина в затхлом помещении: страх развеивала (в куче-то и черт не так страшен), душевных сил прибавляла. Не раз в танцевальной сутолоке звучало тихо, но твердо дорогое слово «товарищ». А однажды парень, подпоясанный армейским ремнем, сидя с подростками в углу, неожиданно запел:

Широка страна моя родная,
Много в ней...

Кто-то ахнул:

— Никак Колька Бабанов наш?

Замерла изба, но тут звонкий голос Вали Дождевой подхватил:

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

Кое-кто еще боязливо поглядывал на дверь, но песня уже крепла. И клятвой для многих звучали слова:

Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать...

Потом пели «Три танкиста», «Катюшу».

...Их осталось четверо: командир отделения башкир Разитдин Инсафутдинов, сержанты братья Борис и Николай Кичасовы с Алтая, Степан Корякин — уралец. С того первого боя, что принял их полк на рассвете 5 июля 1941 года в районе белорусского местечка Кохановичи, до того часа, когда очутились они в гиблом болоте, прошло не больше недели. Но если бы спросили у них, сколько минуло дней и ночей, они не смогли бы ответить точно. Все слилось в огненно-кровавый клубок: рытье окопов под рев пикирующих самолетов врага, яростное сражение, повернувшее фашистов вспять, слова команды: «Гранаты к бою!», потеря командиров, боевых товарищей, горечь отступления, окружение, прорыв из него мелкими группами.

Вражеские автоматчики, прочесывая заболоченный лес, миновали топь. Но еще четверо суток дороги у болота были забиты гитлеровцами. Красноармейцы провели это время без еды, без сна, имея на вооружении лишь штыки-кинжалы. Наконец под покровом ночи им удалось пересечь большак, контролируемый мотоциклистами, углубиться в сухой лес. Отдыхались. Жадно проглотили крупу, найденную в телеге, оставленной кем-то на лесной поляне.

Корякин предложил:

— Вот что, ребята, нужно решить, как быть дальше. Пусть скажет первое слово Инсафутдинов. Он у нас человек партийный.

Невысокий, плотно сбитый Инсафутдинов угловато повернулся к товарищам:

— Хорошо, скажу. И прежде всего напомним, что мы красноармейцы, хотя и находимся на оккупирован-

ной врагом территории. Мы давали присягу защищать Родину до последнего дыхания. А теперь партия требует создавать в захваченных врагом районах партизанские отряды, диверсионные группы для борьбы с вражеской армией, разжигать партизанскую войну, взрывать мосты, портить телефонную и телеграфную связь, поджигать склады оккупантов, громить их обозы. Мне думается, это имеет к нам прямое отношение.

— Точно! — поддержал Инсафутдинова Борис Кичасов. — Попытаемся догнать своих, не получится — будем партизанить.

...Шли и день, и два, но фронт уходил вперед быстрее. В Предкове решили задержаться. Правда, велика деревня — два десятка хат, укрыться трудно, но уж больно приглянулась она радушным приемом. Первой встретила их молодая учительница Евгения Мелихова. Узнав, кто перед ней, сказала:

— Можете мне довериться, товарищи. Поможем вам затаиться до поры до времени, это мой долг, я комсомолка. Вот комсомольский билет.

Так четверо сдружившихся стали «приезжими дальними родственниками» в крестьянских семьях: Борис Кичасов — в деревне Малеево, Степан Корякин — в Богомолове, Николай Кичасов и Разитдин Инсафутдинов — в Предкове. Трудное башкирское имя могло вызвать подозрение у оккупантов (по-русски Инсафутдинов говорил хорошо), пришлось ему «перекреститься» — стать Александром Ивановичем Мелиховым.

Переступили красноармейцы порог крестьянской избы, и ее хозяйка — вся семья Мелиховых прочно связала свою дальнейшую жизнь с их судьбой. Позже, когда пришла пора активных действий, Евгения Мелихова, ее отец Михаил Акимович, мать Екатерина Осиповна, тринадцатилетний брат, тоже Женя, стали «глазами и ушами» партизанского отряда: ходили в разведку то в Идрицу, то в Себеж, то в Долосцы. А тогда, при первом знакомстве, старший из Мелиховых посоветовал Инсафутдинову:

— Отдохни трохи, и наведайтесь в Малеево, к Андрею Лукичу Власову. Он голова колхоза нашего. Як скажет, так и поступайте. Лукич знает, что к чему в сегодняшней жизни.

Они встретились возле Предкова на лугу. Андрей Лукич с семнадцатилетним сыном Петром косили траву.

Поздоровались. Власов сразу понял: незнакомец — перодегый военный, но виду не подал, ожидая, пока Инсафутдинов сам начнет нужный разговор.

Среднего роста, широкий в плечах, быстрый в движениях, Андрей Лукич выглядел моложе своих сорока трех лет. Таилась в его фигуре какая-то приглушенная лихость. Это не ускользнуло от наблюдательного Инсафутдинова, и он спросил:

— А вы, Андрей Лукич, часом в прошлом не военный моряк?

Власов добродушно рассмеялся:

— Угадал, малец. Служил я на флоте. В Кронштадте, минером. А як была гражданская, довелось и повоевать трохи. На бронепоезде беляков громили.

— А мы к вам за советом, Андрей Лукич.

— Ну, коли за советом, то пошли до дому.

Нужный разговор состоялся. Власов посоветовал Инсафутдинову и его товарищам обжиться, завести в деревнях хорошие знакомства, намекнул, что поможет связаться, с кем надо. На прощание сказал:

— Дождь и прута не повернет, а ручей полено унесет. Так Александр Васильевич Суворов говорил. В кучу сбиться надо, мальцы, в кучу.

Было ли самому Власову все ясно в наступившей жизненной круговерти?

Было. Ведь не случайно защите и укреплению Страны Советов он отдал лучшие годы своей жизни. Вот и остался, выполнив последнее задание райвоенкомата, в родном колхозе поддерживать веру своих подопечных в скорое возвращение советских порядков, превращать слезы и горе людей в реку народного гнева.

Жаловались люди:

— Как же так, Лукич? Фашист нагрянул, а наша армия ушла от границы, бросила нас...

— А разве ушла без боя? Разве вы не слышали, как целыми днями гремела канонада? — на вопрос вопросом отвечал Власов. — Фашист сильнее сейчас оказался. Отступила наша армия, но вернется. Военные, что в окружение попали, — вы часто встречаете их — скрозь израненные, а идут, своих ищут. Привечать их нужно, прятать. Они свое покажут.

И крестьяне привечали окруженцев, оставляя в своих семьях, называли примаканами. Старинный дедевский обычай: стал жених в доме жить у невесты после свадьбы.

бы, — значит, «ушел в примаки». По-разному в первые послевоенные годы относились к тем, кто осенью сорок первого, выйдя из окружения, остался на оккупированной территории. Нередко слова «был в примаках» проносились с иронией, а то и оскорбительно. Конечно, в семье не без уroda. Находились и такие, кто не вставал в строй партизан или подпольщиков. Но то были единицы.

Люди, которым уже довелось понюхать порошу, такие, как Инсафутдинов, Корякин, братья Кичасовы, и деревенские парни, не попавшие в армию, девушки и подростки, рвущиеся к активной борьбе против оккупантов, составили прекрасный сплав — боевое ядро первых местных партизанских отрядов. Коммунист А. Л. Власов многое сделал, чтобы «сбить мальцов в кучу». С его помощью и семьи Мелиховых Инсафутдинов связался с семьей Терентия Максимовича Пузыни из села Долосцы, с учителем-комсомольцем Ильей Михайловым. Последний помог установить связь с Евгением Ильюшенковым, который спрятал в надежном месте пулемет. Михайлов побывал в белорусском местечке Юховичи, где договорился о встрече Инсафутдинова с Игнатовичем — организатором небольшой группы подпольщиков.

У Мелиховых Инсафутдинов познакомился и с Марией Николаевной Моисеенко. Эту пожилую женщину знали и уважали не только в Богомолове, где она жила, но и в окрестных деревнях. Одни ее называли «питерской», другие «ленинградкой», Верно было и то и другое. Жена питерского рабочего, она в 1920 году приехала в деревню с малыми ребятишками — голодно было в Петрограде, — да так и осталась на полтора десятка лет на Осынщине. Научилась пахать, сеять, косить. Муж, вернувшись с гражданской войны, умер. Первой в колхоз пошла. Выдюжила. Детей подняла. Незадолго до войны к старшим из них в Ленинград перебралась. А летом сорок первого потянуло дорогие сердцу места посмотреть. Здесь и застала ее война.

Фашисты оккупировали Богомолово. Кричали:

— Капут большевик! Рус капут!

Вздыхнула толпа одной грудью, а потом запричитали женщины. И тогда громко крикнула Моисеенко:

— Бабы! Да вы что? Неужто думаете, что чужаки здесь царствовать будут? Не верьте! Вы же меня знаете, разве я врала вам когда-нибудь? Не будут!

С той поры зачастили женщины к Марии Николаевне. Она, как и Андрей Лукич, не давала фашистской лжи опутать сердца напуганных людей. Возьмет, бывало, в руки принесенный кем-либо фашистский листок на русском языке да так прокомментирует, что заулыбаются женщины. А в заключение скажет:

— Что ж, бабоньки, сами убедились: красно, цветно, да линюче. Пусть Зуй да Перец читают. А мы матку-правду рано или поздно сами узнаем.

Зуем крестьяне прозвали долосецкого старосту Федора Орлова. Неказистый, с лицом одутловатым, он втайне давно злобствовал на все советское, а тут — на тебе — власть в руки немцы дали.

А Перец — Павел Бирюков — до А. Л. Власова председателем колхоза был. Не разглядели поначалу мужики гнилую натуру головы их артели. Как говорит пословица, казалось, из одной печи, да не в одной речи. Показались дела колхозные по вине председателя вниз. Прогнали колхозники Бирюкова. Хотели под суд отдать, да сумел отвертеться Перец. С тех пор пребывал он в состоянии угрюмого недовольства. А заявили в деревню гитлеровцы — ожил, в полицаи пошел.

Кто-то из них настроил донос на старшего Власова. Вызвали Андрея Лукича в волость, в Долосцы. А оттуда увезли в Себеж, в тюрьму бросили. Узнав об этом, поехала Пелагея Максимовна навестить мужа. Подкупила тюремщика, дали ей свидание. Привели Андрея Лукича. Весь синий от побоев. Не жаловался, ни слова о пытках. Когда уводили, сказал:

— Спасибо за все, старая. Сыновьям поклонись. Пусть помнят отца.

Расстреляли гитлеровцы колхозного вожака. В ту ночь передал Петр Власов Инсафутдинову и его друзьям отцовскую винтовку, патроны, бинокль, три кинжала. Пообещал, уходя:

— Еще достану. Всегда с вами буду.

Ждала со дня на день ареста и Мария Николаевна, а тут вдруг радость заполнила сердце: сын Сергей домой вернулся. Не узнала сначала — так осунулся, изменился он, всегда улыбочивый, веселый, до краев наполненный оптимизмом. И только когда заплакала, стал ее Сережка на минуту прежним: обнял и задорно, по-мальчишески сказал:

— Наша мама и слезы — так не бывает. А хочешь, я тебе спою любимую «Распрягайте, хлопцы, коней»? — И уже серьезно: — Не плачь, мама, все по-прежнему будет. Это я тебе точно говорю.

...Старший сержант Моисеенко очнулся у разбитого орудия. Тишина и неподвижность. Тишина давила слух, привыкший к грохоту битвы. Стало страшно. В сознании медленно возникали подробности последнего боя. Сергей приподнялся и вдруг увидел цепь гитлеровцев, идущих по полю. Выстрелов не было — солдаты штыками и прикладами добивали раненых красноармейцев. Превозмогая адскую боль в ноге, он пополз в кукурузу. Фашисты прошли мимо — к видневшимся вблизи постройкам. И сразу же село занялось огнем. Раздались крики, выстрелы. От запаха крови и гари Сергей опять впал в беспамятство.

Потом был кратковременный плен. Побег. Блуждания по лесам...

— Саша, я рад, что мнение у нас одно, — говорил Сергей Инсафутдинову (их познакомила Евгения Мелихова) на третий день после своего прихода в Богомолково. — Присяге мы не изменим. Создадим свой отряд. Будем партизанами. А потом присоединимся к своим частям. Я тут многих знаю. Завтра же отправлюсь искать довоенных друзей.

Жизнерадостного, остроумного, всегда готового прийти на помощь Сергея Моисеенко знали и помнили на Осынищине. Получив в Ленинграде специальность автомеханика, он вернулся в родной колхоз. Был жаден к работе, стал заводилой многих комсомольских дел. И в армии ему хорошо служилось. Мария Николаевна часто получала письма от командира части. То были письма-благодарности за ревностную службу сына.

Моисеенко быстро отыскал нужных людей.

Три записи из сохранившегося дневника Сергея:

«6.II. Знакомство с Федоровой Надей и Комаровой Ирой».

«7.II. Полное знакомство с другими патриотами: Дождевой Валею, Кохановым В., Проскиным, Бабановым Николаем, Суворовым Павлом».

«9.II. Крупное распространение советских листовок».

Текст первой листовки сочиняли сообща Моисеенко и Инсафутдинов, вторую переписывали со сброшенной с

самолета советской листовки. Нашел ее Николай Кичасов. Размножили в большом количестве.

А через неделю состоялось собрание красноармейцев и подпольщиков Нищанской школы. Проводилось оно тайно, в бане на краю деревни, где жила Надя Федорова. А вскоре в лесу неподалеку от Богомолова появилась первая партизанская землянка. Подсиненная солнцем лыжня бежала теперь от деревни к деревне. То начали свои походы «сергеевские ребята». Нередко по ночам появлялись они в деревнях, бесшумно приближаясь к пирующим или безмятежно спящим оккупантам.

Партизаны захватывали винтовки, патроны, уничтожали фашистских прихвостней.

Пуля Сергея настигла и Зуя, но живуч оказался предатель. Злоба теперь буквально распирала его. И он привел карателей. Гитлеровцы, сбивая автоматными очередями иней с деревьев, двинулись в лес. На месте стоянки «сергеевских ребят» они нашли грудку веток у пустой землянки, золу костра да убежавшую в чащобу лыжню. Фашисты арестовали мать Сергея. Семь дней ее допрашивали и избивали в Идрице, затем бросили в себежскую тюрьму¹.

В первые дни марта в шалаше «сергеевских ребят» появились Петр Власов и Евгений Ильюшенков. Моисеенко с товарищами жили теперь в шалашах, часто меняя «место прописки». Гитлеровцы в начале февраля заминировали покинутые партизанами землянки (о втором приходе карателей Сергея предупредила Женя Мелихова), надеясь на их возвращение. Те вернулись, аккуратно сняли мины (позже они были использованы для диверсий), а жить стали кочуя.

Власов сообщил: ночью через Предково и Долосцы прошел большой отряд красноармейцев, — очевидно, десантники. Утром был бой в Рудне. Гитлеровцы, прибывшие из Россон, понесли большие потери.

— Саша (так звали в отряде Инсафутдинова), надо немедленно связаться с десанниками, — предложил Моисеенко.

— Правильно, — согласился Инсафутдинов, — ночью махнем на лыжах в Рудню. Ты, я и Николай Кичасов.

¹ Спустя несколько месяцев Марии Николаевне удалось спастись. Она попала к белорусским партизанам, а затем была переправлена на Большую землю. Дожила до глубокой старости. Умерла в 1977 году.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба «сергеевских ребят», если бы весть о красноармейском отряде пришла чуть пораньше. Не состоялась встреча, ушел отряд к Себежу. А были то не десантники, а одно из подразделений 2-й особой партизанской бригады штаба Северо-Западного фронта. «Хлопцы батьки Литвиненко» и здесь, как под Опочкой, нагнали страху на оккупантов. Комбриг Литвиненко имел мандат Военного совета фронта, дававший ему право присоединять к себе любые воинские и партизанские отряды и группы на пути рейда. «Сергеевские ребята» явно припились бы ему по душе.

Разгром фашистов в Рудне ускорил переход отряда Моисеенко к более действенным формам борьбы с оккупантами. В дневнике командира теперь появляются записи: «Сожгли маслозавод», «Сожгли немецкую казарму», «Взорвали железнодорожный мост», «Сбили автомашину». Счет этот рос. Вместе с ним рос и отряд. Весной в него влилось ядро Нищанской подпольной организации. В лесу зазвенели голоса Нади Федоровой, Иры Комаровой, Вали Дождевой, Лены Кондратьевой. Пришли в отряд Павел Суворов — юноша из Ленинграда, приехавший на каникулы к родным перед войной, Таня Михайлова, Федор Дроздов. 30 бойцов — это уже настоящая боевая единица.

...Апрель. В лесах мокредь и залежи снега. На партизанских тропах хлюпающие болота и холодные лужи. Нелегко «кочевать» в такое время, спать на стылой земле. Но молодость брала свое. Не унывали «сергеевские ребята», песней у неярких костров скрашивали короткий отдых. А то пристанут, бывало, Ира и Надя к Дождевой:

— Прочти на сон грядущий «Цыган».

Наизусть знала Валя пушкинскую поэму, хорошо декламировала стихи Лермонтова. Где тут уснешь!

Пел у костра нередко и командир отряда. Задушевно звучали в его исполнении полные грусти слова:

Не для меня весна придет,
Не для меня Дон разольется.
И сердце девичье забьется
Восторгом чувств не для меня.

Шептала Ира на ухо Федоровой:

— Ненаглядная, а ведь это для тебя Сергей поет.
Любит он.

— Не придумывай, — краснея, отвечала Надя, — не время сейчас любить...

Весенние ветры принесли к бивуачным кострам «сергеевских ребят» крылатое имя Дубняк. О смелом партизанском вожаке из Россон рассказывали разведчики, побывавшие в белорусских деревнях. Замелькало оно и в разговорах жителей: «Коль совсем невтерпеж стало, ходи до Дубняка», «Полегчало трохи, як пугнул Дубняк немчуру на тракте».

— Порядок, комиссар, — говорил Моисеенко Инсафутдинову, слушая рассказ вернувшегося из-под Россон начальника разведки Степана Киселева, — значит, не одни мы на дорогах воюем. Сосед боевой объявился.

— Хорошо бы встретиться и...

— Объединиться, — перебил Сергей. — Угадал твою мысль, Саша?

— Она и твоя ведь.

Теперь они оба — и комиссар и командир отряда — уже не мечтали влиться в родные воинские части. Каждая удачная операция против оккупантов укрепляла их уверенность в важности партизанских действий. Этой точки зрения придерживались и первые партизаны — сержанты Степан Корякин, братья Кичасовы.

В начале мая на сторону «сергеевских ребят» перешла большая часть фашистского гарнизона из белорусского местечка Юховичи. Это были наши военнопленные из только что созданного гитлеровцами «добровольного украинского отряда». В гарнизоне побывали (ходили на танцы) Комарова и Дождева, основательно все разведали. В ночь на 1 мая Моисеенко с товарищами в течение получаса вели огонь по казарме. С близкого расстояния кричали «казакам»: «Бейте фашистов, переходите к нам!» Через трое суток 22 человека сделали выбор: в полночь бросили гранаты в комнату начальника гарнизона, уничтожили солдат-гитлеровцев и вышли на поиски партизан.

В мае фашисты предприняли еще одну попытку уничтожить отряд. Моисеенко смелым маневром увел его из-под удара. Обозленные неудачей, гитлеровцы расправились в Долосдах с семьей Ильи и Тани Михайловых. Они расстреляли в сарае их отца, мать, двенадцатилетнего брата Федю и восьмиплетнюю сестру Дусю, постройки пожгли... Велика отцовская любовь. В последний миг своей жизни Степан Егорович успел прикрыть

Федю. Мальчик выполз из горящего сарая, весь в отцовской крови... Ужас застыл в его глазах, когда он вечером у партизанского костра прижался к груди брата.

— В ружье! К бою! — подал команду Моисеенко. — Отомстим за Михайловых.

Сергей умело организовал засаду на большаке. Обоз карателей попал под кинжальный огонь. Яростно громили врага товарищи Ильи. «Лимонки», брошенные Ильей, вздыбили коней, повозки загородили дорогу. Партизаны теперь били карателей прицельно. Одним из первых возмездие настигло предводителя гитлеровцев — офицера, отдавшего приказ расстрелять семью Михайловых. Обоз был наполовину уничтожен.

То был последний бой героя-партизана старшего сержанта Красной Армии Сергея Борисовича Моисеенко. Через несколько дней он погиб в разведке.

Сергей любил сам разведывать силы врага. Нередко ему за это попадало.

— Негоже самому ходить в разведку, — убеждал его Инсафутдинов, — отряд у нас теперь большой — более сотни бойцов, командирских дел прибавилось.

— Не ворчи, комиссар, мне легче дышится, когда побываю в родных местах, — отшучивался Сергей. И уже серьезно: — Пойми, Саша, я ведь тут каждый кустик знаю, каждую ложбинку.

...Каратели остановились в Малееве, в здании школы. Оно стояло немного в стороне от деревни, на пологом холме. Ночь выдалась темная, и Моисеенко с двумя бойцами пробрались к холму беспрепятственно. Дальше Сергей пошел один. Часовой жался к стене здания. Ему страшны были темень и шорохи чужой земли. Но он не дремал, как показалось Сергею, и успел, отпрыгнув от прыгнувшего к стене партизана, дать короткую автоматную очередь.

Моисеенко бросился вниз по холму к болотцу. «Только бы добежать», — стучало в голове, но ноги неожиданно подкосились... Упал Сергей. Это случилось 19 мая 1942 года, в час, когда ночь соседствовала с рассветом.

Непоправимое непоправимо. Инсафутдинов, Николай и Борис Кичасовы, Степан Корякин ранним утром 20 мая стали в почетный караул. Пятый из первых «сержеевских ребят» лежал в гробу, утопая в полевых цветах.

Не было в эти минуты со всеми вместе лишь любимой Сергея — Нади Федоровой. Трагически сложилась судьба «ненаглядной». С небольшой группой партизан Надя возвращалась из разведки. Нарвались на гитлеровцев. Отстреливаясь, стали отходить к болоту. И тут Федорова потеряла своих... Приступ аппендицита заставил Надю добраться до родной деревни. Матери не было дома. Пьянчуга сосед заметил девушку и привел гитлеровцев. Больную Надю фашисты увезли к себе в гарнизон. Били, допытываясь, где отряд Сергея. Молчала «ненаглядная» и только раз разжала губы. На вопрос: «Сколько бойцов в отряде?» — гордо ответила: «Нас много». Офицер выстрелил Наде в ухо...

Похоронили Сергея в глухой боровине¹. Прощаясь с другом, Инсафутдинов рассказал бойцам о желании командира слиться с отрядом Дубняка, спросил:

— Согласны ли, товарищи?

В ответ раздались голоса:

— Да!

— Согласны!

— К Дубняку!

Дубняк. И это имя из того славного племени, что зовется по праву «люди легенд». У голубой чаши лесного озера, у ночного охотничьего костра, довелось мне однажды слышать из уст рыбака рассказ:

«...И был у Сереги-партизана напарник, дружок, значит. Высокий, кряжистый, как дуб могучий. Его так и звали — Дубняк. Оба они из военного сословия были. Ироды фашистские, иуды местные, полицаи, значит, мора их побери, дюже боялись Серегу и Дубняка. За головы их тысячи сулили. Сразила пуля шальная Серегу. Молния — та не в осину метит, в дубы бьет. А Дубняк жив остался. Много еще гитлеров разных побил в Белоруссии своей».

Я не стал говорить старику о том, что в его рассказе порядочно неточностей. Сергей и Дубняк не могли быть друзьями, не довелось им по-братски обняться, встретиться друг с другом. И если один из них, Сергей, был сержантом-сверхсрочником, то есть кадровым военным, то другой, Дубняк, имел самую мирную профессию — преподавал в школе физику и математику. И еще ростом

¹ После войны останки героя-партизана были захоронены в братской могиле поселка Идрица.

бог Дубняка не обидел, а вот полнотой обошел. «Кряжистый», «могучий, как дуб» — так исстари герои — защитники родины живут в полубылях-полулегендах, в сказаниях народных. В главном же рассказ идрицкого старожила был верен.

По Дубняку, как и по Сергею, перед тем, как стал он партизанским вожаком, прокатилось немало лиха. В тот раскаленный небом и войной июль сорок первого шагал учитель-белорус Петр Машеров в колонне военнопленных. Накануне с отвагой отчаяния небольшая группа безоружных бойцов истребительного отряда местечка Россоны пыталась пробиться за линию фронта. При переходе в районе Невеля Ленинградского шоссе, густо забитого немецкими войсками, Машеров и его товарищи были схвачены фашистами.

— Комиссар! Большевик! — кричал по-русски офицер, тыкая в пуговицы со звездочками гимнастерки Машерова...

На шоссе Пустошка — Себеж — огромная колонна военнопленных. По бокам — овчарки и конвоиры с автоматами на изготовку. Гортанные властные голоса:

— Шнель! Шнель!

Злобный собачий лай. Выстрелы. Короткая расправа с пытавшимися броситься в лес или ранеными, упавшими от изнеможения.

— Не оглядывайся, парень, — советует Машерову пожилой красноармеец, — долговяз ты больно, заметят, что головой вертишь, — пальнут. Им, гадам, это просто. Шагать еще долго. Успеем наострить лыжи, утечем.

Но убежать по дороге не удалось. В Себеже колонну распахали по товарным вагонам, заколотили окна, двери... Гудит паровоз, сыплет искрами в темень ночи. Мчится состав на запад. Колышутся вагоны. Задыхаются люди от зловония, спертого воздуха. Натыкаются друг на друга, падают на раненых. Ноги свинцом налились, а присесть негде. Стоны, вопли. Ругань. И вдруг бодрый голос:

— Потеснитесь, товарищи. Ломать решетку в окне пужно. Прогать будем.

Кто-то из пожилых крикнул:

— Да что вы, хлопцы! На такой скорости и ночью — смертушка верная.

— Косая и здесь с нами, — силло закашлял раненый, отодвигаясь от стенки, — удачи вам, ребята!

Машеров (это он уговорил рискнуть двух красноармейцев и одного бедолагу земляка) протиснулся к стенке вагона первым. Затрещала решетка в сильных руках.

— А ну-ка проверь, парень, не дремлет ли пулеметчик в хвосте эшелона, — предложил командир с забинтованной головой, подавая Машерову кусок толстого картона.

Нет, не дремал гитлеровец. Сразу же раздалась длинная очередь. Прошла минута, другая.

— Высовывай еще раз, — одновременно раздалось несколько голосов.

Теперь выстрелов не было. Видимо, решил часовой, что пленные высунули доску или картон для усиления тяги в вагон свежего воздуха, поленился наблюдать.

— Первому прыгать менее опасно, — сказал Машеров, — пулеметчик не успеет дать очередь. Я помоложе всех, буду замыкающим.

Ему возразили:

— Ты предложил, тебе и пример показать.

— Пусть будет по-вашему. Коль не разобьюсь, по свисту найдете. Спасибо, товарищи.

Высунувшись в окошко, Петр повис на руках и метнулся вперед строго по ходу поезда, стараясь угодить на междупутье. Получилось. И сразу с полотна. Отдышавшись, прошептал: «Аж искры с глаз». Усмехнулся, вспомнив, что так обычно говорил приятелям, таким же, как и сам, подросткам, рассказывая о прыжках с товарных платформ. В школьные годы приходилось частенько «зайцем» добираться в районный центр — и обратно.

Долго еще после того, как замолк стук колес, оставался Петр в кустах вблизи железнодорожной насыпи. На свист никто не отзывался. То ли товарищи по неволе пошли в лес в противоположную сторону, то ли так и не решились прыгать. Было тихо. Пахло разогретой сосной.

— Ну что ж. Значит, один. В путь, товарищ Машеров, — усмехнувшись, вполголоса сам себе приказал Петр.

Он шел, избегая дорог, темными коридорами лесных просек. Таился в несжатой ржи, где-то рядом двигались танки с крестами на броне. Прятался под вывороченными деревьями-великанами в часы, когда нарушал ветер предосеннюю задумчивую тишину бора, а небо начинало сильно греметь, расчерчивая все окрест пиками молний.

Преодолеть недельный опасный путь по литовской земле помогали мысли о близких людях, о заветном, что хранится в памяти, о прошлом. Во время двухдневного пребывания в пересыльном лагере в Пустошке, в часы кошмарного марша по шоссе в колонне военнопленных воспоминания не давались Петру, хотя он и пытался заставить себя думать о чем-то добром, мирном, чтобы обрести хоть на миг душевное равновесие. В голове беспрестанно стучало тогда одно — бежать. Теперь перед тем, как забыться в коротком сне, он отдавался полностью во власть воспоминаний.

Каждому настоящему человеку в час тяжелых испытаний нужна антеева земля. Петр горячо, по-юношески был влюблен в места, где родился и вырос. Деревушка Ширки, привольно раскинувшая свои сады на берегу речки Оболенки, казалась ему самой красивой и живописной на земле. А Россоны, с чудесным видом на безбрежное озеро...

Соловьиною песней увиты
Твои нивы, леса, Беларусь...

Строгий, но справедливый отец — бескомпромиссный в своих взглядах и решениях сельский активист (рано ушел из жизни Мирон Машеров), малограмотная, но с живым крестьянским умом мать, Дарья Петровна, неробевшая перед бедой женщина, из тех, кто «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Брат Павел, тоже сельский учитель, младшие сестры Оля, Надя — они теперь были с ним, с Петром, рядом — в сердце, в мыслях. Они незримо звали его к действию. И он убыстрял шаги. Что делать — знал твердо...

— Петенька, родненький! Да откуда же ты? — обняла сына Дарья Петровна.

— Издалека, мама. А чего плачешь?

— И от радости, и от горя. Прознают про тебя враги — не пощадят. Пока в местечке нет еще власти фашистской, а солдаты их полно кругом.

— А я, мама, таиться не буду, пока то да се. А там поглядим.

На другой день, 6 августа, Петр жал руку старому товарищу. Сергей Петровский, бывший заведующий районным парткабинетом, не эвакуировался из Россон. Разговор был коротким, деловым. Договорились гото-

вить людей к борьбе в подполье с дальнейшим уходом в лес для партизанских действий.

В Россонах хорошо знали учителя Машерова. Петр не умел жить и не жил буднично. Окруженный молодежью, учениками-старшеклассниками, он всегда что-то затевал, организовывал: то постановку в местном клубе, то поездку агитбригады в колхозы района. Руководил несколькими кружками. Новая власть в лице назначенного фашистами бургомистра не могла не ведать о популярности Машерова (ставленник гитлеровцев был завучем одной из школ), и Петру было приказано явиться в городскую управу.

Предатель встретил Машерова любезно. С наигранным простодушием заговорил:

— Ну что ж, коллега, власти меняются, а наши профессии остаются. Хочу предложить вам директорский пост.

Когда-то в детстве по босой ноге Петра скользнула гадюка. Чувство омерзения долго не покидало его. Предложение предательства вызвало такое же ощущение. Усилием воли сдержавшись, он вежливо отказался. Прощаясь, сказал:

— Попробую на земле в общине поработать.

— Ну как знаете, как знаете, — уже без патоки в голосе ответила «новая власть».

Вечером того дня Машеров рассказывал Петровскому о бургомистре, возмущался:

— Мерзавец стопроцентный, а ведь русский.

— Мерзавец — понятие интернациональное, — усмехнулся Сергей, — ну да дьявол с ним. У меня есть новости...

К этому времени в Россонах сложилось ядро подпольной организации. Кроме Машерова и Петровского в него вошли учитель Прошкинской школы Виктор Езутов и три комсомолки-медики — Маруся Михайловская, Маруся Маркова и Полина Галанова. В них Петр не сомневался. А одна из комсомолок была по-особому дорога ему...

За два года до войны прибежала однажды сестра домой, позвала:

— Петь, а Петь!

— Чего тебе? — оторвался Петр от книг.

— Петя, а в Соколище новая зубная врачиха приехала. Так лечит, так лечит — сразу боль проходит. Красивая.

И надо же, не болели зубы, а пошел, хотя и не близко было.

— В порядке у вас зубы, молодой человек, — холодно сказала Галанова, осмотрев Машерова. — Вот когда сильно заболят — приходите.

Зубы у Петра не заболели, а вот сердце начинало стучать беспокойно при встречах с «зубным доктором» — так звали крестьяне Галанову.

У Полины была своя «одиссея». Работала в первые недели войны в военном госпитале. При отступлении попали в окружение. Затем плен. Побег по дороге в Полоцк.

Россоны — не Минск, не Киев. Здесь не скроешься после удачной диверсии в лабиринте руин и разрушенных зданий. В местечке все на виду. И подпольщики в целях конспирации устроились на работу. Галанова — в больницу. Езутов — в паспортный стол. Счетоводами стали Машеров и Петровский. Задачу организации Машеров определил четырьмя словами:

— Оружие. Агитация. Подбор людей.

А люди вокруг и сами тянулись к активным действиям и рано или чуть позже выходили, как корабли на свет маяка в штормовую погоду, на Дубняка. Кто скрывается под этим именем, знали лишь несколько человек.

— Так вот ты какой, Дубняк, — удивленно говорил Машерову при встрече на явочной квартире руководитель группы подпольщиков в деревне Пирого Владимир Хомченковский, — думал — этакий могучий дядька с бордой.

— Да и я пироговского Ворона представлял себе не в комсомольском облике, — отвечал, улыбаясь, Машеров. — Рассказывай, как с оружием?

— Шесть пулеметов. Винтовки. Гранаты.

— На каждого подпольщика по пулемету?

— Точно.

— Молодцы.

От Ворона Машеров узнал о гибели замечательного человека Павла Антоновича Куксенка, старого большевика, депутата Верховного Совета республики, начавшего сколачивать партийное подполье, о казни семьи Самусенков за то, что спрятали у себя командира Красной Армии. Не рассказал только Володя про свои боевые дела. А действовал Ворон лихо и смело. Однажды вез он на телеге станковый пулемет, найденный на бе-

регу речки у старой мельницы. Только выехали из леса — и (надо же!) прямо на обоз гитлеровцев.

— Пропали, Володя! — горестно воскликнул Егор Иванов, хромоногий колхозник из соседней деревни, указавший Хомченковскому место, где брошен был пулемет.

— Держись, Егор! — приказал Володя. — Ковыляй поболе. Кляни лошадь. Матери весь свет белый. А я дурачком прикинусь.

Поравнялись фашисты с телегой. Видят, сидит парень с открытым ртом, глаза в небо пялит, а возница еле ноги переставляет. Загототали:

— Русиш дурень!

— Дурень Иван!

Пронесло.

Когда январский колкий снег запорошил проволочные заграждения, опутавшие здания в Россонах, где размещался фашистский гарнизон, нити от центральной группы подполья уже протянулись в Клястицы, Соколище, Юхновичи, Альбрехтово, Миловидово, Ровное Поле и другие селения района. Связь с Машеровым осуществляли постоянные связные. Одной из явок был зубопротезный кабинет Галановой. Когда «больной» жаловался: «Болит верхний правый зуб мудрости», Полина вместо щипцов брала в руки карандаш и бумагу.

Явочной квартирой россонского подполья стал и дом лесничего Дерюжина. Сам он незадолго до начала войны умер. На руках у его жены Прасковьи Яковлевны осталось трое малых ребят, но молодая женщина, не задумываясь, вступила на путь борьбы с оккупантами.

В последние зимние дни Россоны полнились слухами о неуловимом Сергее, действовавшем поблизости, в идрицких лесах, о десантниках, сброшенных с самолетов где-то под Пустошкой. Особенно много разговоров было после того, как в поселок привезли двенадцать гробов из Рудни с останками гитлеровцев, уничтоженных «хлопцами батьки Литвиненко».

Машеров понимал горячее желание товарищей скорее начать боевые действия и на одном из сборов центральной группы подполья (он проводился под видом вечеринки у Петровского) предложил план организованного выхода в лес на заранее подготовленную базу. Предполагалось, что сам Дубняк уйдет из поселка открыто (переводчик военной комендатуры — студент-ленингра-

дец оформил Машерову пропуск на возвращение в район, где он родился), а большинство подпольщиков будут «арестованы» партизанами. Первые «аресты» должны были произвести пятеро военнопленных, бежавших из концлагеря. Укрывались беглецы недалеко от Россон. Оружие им дали подпольщики.

План осуществить удалось. Но при этом погибла Маруся Михайловская. Погибла по вине двух бывших военнопленных. Получив оружие, они не выполнили распоряжение Машерова, а решили... перейти линию фронта. Были схвачены у Дретуни фашистами. На допросе признались: место, где хранится оружие, им указала медицинская сестра Маруся и высокий человек в шляпе. Имя Машерова не было известно. Михайловскую расстреляли.

Гулко зашумели реки, сбрасывая ледовые оковы. Зачуфыркали на лесных полянах тетерева. Приспустили навстречу солнечным лучам ветви раскидистые березы. А на дорогах окрест Россон загрели в эти первые весенние дни выстрелы и взрывы. Это начали вооруженную борьбу с оккупантами Дубняк и пятьдесят его товарищей.

Начало было успешным. Отряд выиграл бой на шоссе Юховичи — Клястицы, совершил удачный налет на немецкую экономию в деревне Черепето. Захваченное там на складах зерно и скот, собранный немецкими фуражирами с разных деревень, Дубняк приказал раздать крестьянам.

2 мая 1942 года Машеров с четырнадцатью бойцами отправился на операцию к Клястицам. Засаду сделали днем на шоссе под носом у гарнизона. Долго лежали в придорожных кустах в ожидании груженных машин из Полоцка. Шли пустые грузовики. По одному из них пулеметчик дал очередь без команды. Засада была обнаружена.

— Надо уходить, — предложил Петр Гигилев.

— Отойдем поближе к Россонам, — приказал Машеров, — устроим еще раз засаду. Возвращаться безрезультатно на стоянку отряда нельзя.

Так и поступили. Не успели залечь на новом месте — на шоссе показался легковой автомобиль.

— Огонь!

Петр Гигилев и Дмитрий Шелепень из ручных пулеметов буквально изрешетили машину. Солдат-шофер

и три офицера были убиты, но один из них успел, падая смертельно раненным в канаву, выстрелить в бросившегося к машине Машерова.

— Посмотрите, нет ли в автомобиле портфелей или сумок с документами,— распорядился Машеров, перевязывая раненую ногу.— Судя по мундирам, гуси попали нам важные.

Командир оказался прав. Один из убитых офицеров был начальником ГФП в Дретуни. В его портфеле, набитом разными документами, партизаны обнаружили список людей, подлежащих аресту тайной полевой полицией. Бегло просмотрев его, Машеров увидел свою фамилию, Езутова и некоторых других товарищей, ушедших в лес. Усмехнулся: опоздали фашистские ищейки.

Со стороны Полоцка раздался шум мотора. Предполагая, что фашисты, найдя убитых офицеров, начнут сразу же преследование, Машеров приказал группе немедленно следовать на базу отряда.

— А вы, товарищ командир? — спросил Гигилев.

— И рад бы в рай, да грешная нога не пускает,— пошутил Машеров.— Двое товарищей пусть побудут со мной, помогут дойти до деревни. Укроюсь у подпольщиков. Подлечу ногу — вернусь в отряд. За командира остается Петровский.

Расчет был верен: фашисты вряд ли стали бы искать партизан у шоссе. И все же Дубняк попал в почти безвыходное положение. Когда вблизи кустов, где, рассредоточившись, лежали Машеров и сопровождавшие его бойцы, показалась цепь гитлеровцев, один из партизан не выдержал и убежал. Второй по малоопытности решил догнать группу и привести подмогу. Не догнав, а вернувшись, не нашел командира на месте.

Рана кровоточила. Нестерпимая боль бросала на землю. И тогда он полз. Поднимался и снова шел. Но не в лес, где можно было укрыться, а к поселку. Петр знал: до Россон в два раза ближе, чем до любой деревни. Рискованно? Очень. А выход? «Главное — не потерять сознания», — мысленно приказывал он себе.

На пути попался ручей. Машеров жадно прильнул к нему и пил долго, полузакрыв веки. Сил прибавилось.

К вечеру он доковылял до поселка лесхоза — своеобразного пригорода Россон. Чуть на отшибе стояла хата, где жили Масальские, мать и дочь. Польки. Ядвига учи-

лась у него в девятом классе. Девушка милая, способная, но не очень находчивая, как казалось учителю математики. Почему-то была вне комсомола. Мать Ядвиги, Франтишка Иосифовна, хорошо знала семью Машеровых.

Постучал в дверь. Никто не подходит. Еще раз, уже сильнее. На всякий случай руку в карман — там пистолет. Дверь распахнулась.

— Петр Миронович! — в глазах девушки испуг.

— Ядя, я ранен. Зашел только перевязать рану. Можно?

— Конечно. — Ученица подставила плечо под руку шатавшегося учителя и горячо зашептала: — Никуда я вас не пущу, пока не вылезаетесь. И мама так скажет. Ведь я думала — немцы стучат.

Ни малейшего колебания. Нет, Машеров не ошибся и здесь. Чересполосица человеческих отношений на оккупированной территории не коснулась своей плохой стороной семьи Масальских. Франтишка Иосифовна и Ядвига были и остались советскими людьми.

Трое суток пробыл Петр Миронович в их семье. Поместили его за узкой девичьей кроватью, завесив домо-танной занавеской. Зорко берегла Ядвига покой своего учителя. В хату Масальских заходили соседи, заглянула зачем-то Дарья Петровна, Петр слышал голос матери, но и ей ничего не сказала Ядвига о сыне — жадные до наградных денег полицаи следили за Машеровой.

А вечером третьего дня — требовательный стук. В дверях — два гитлеровца. Офицеры. И вот тогда Ядвига блеснула талантом артистки. Посадив гитлеровцев спиной к занавеске, девушка лихо кокетничала с ними, давая понять, что она не против близких отношений, но в другой раз — сейчас придет мать. Надо было видеть, как палили глаза на красивую «фрейлейн» два одураченных кавалера. Вот тебе и ненаходчивая ученица!

Следующей ночью Машерова перевели в дом матери. Полина Галанова привела туда напуганного врача из военнопленных. Сделав профессиональную перевязку, он изрек:

— Десять дней пролежите и поправитесь, товарищ, — замывшись, сдавленным голосом добавил: — Молодой человек.

— Десять — много, хватит шести, — сказал Петр матери, когда врач ушел, — только бы не обнаружили гитлеровцы.

— Не бойся, я их до тебя не допущу.

Теперь дом Машеровых днем и ночью был на замке, а Дарья Петровна на людях. Партизаны уже искали своего командира. Побывали ночью на окраине Россон, обменялись выстрелами с патрулем. Выбрав ночь потемнее, Машеров, опираясь на палку, ушел из Россон на мельницу — условленное место встречи с боевыми товарищами. Перед уходом сказал матери:

— Пришлю за тобой бойцов. Будем вместе.

— Нет, Петя, не присылай, — ответила Дарья Петровна, — остаются же матери других партизан, зачем для меня исключение делать?

С возвращением в отряд Машерова было решено идти на соединение с «сergieвскими ребятами». Их предложение о слиянии передала комсомолка подпольщица Маша Матвеева из деревни Гуйды. Маша держала связь с россонской группой через Пашу Дерюжину. В деревне Мыленки Себежского района встретились Инсафутдинов, Машеров, Петровский. Вечером на берегу озера пылали партизанские костры объединенного отряда, которому по единодушному решению было присвоено имя Сергея Моисеенко.

Отряд имени Сергея в последние дни мая и в первые дни июня 1942 года заявил о себе весьма ощутимо для врага. Партизаны уничтожили несколько автомашин гитлеровцев на большаках Клястицы — Юховичи, Клястицы — Полоцк. На засаду, в которой находились разведчики Владимира Хомченовского и бойцы отделения Василия Серкова, нарвался черный закрытый «оппель» немецкого генерала. «Оппель» шел в сопровождении мотоциклистов. За ним двигались грузовики с солдатами. Михаил Булавский остановил генеральскую машину гранатой. Началась перестрелка. Стрелял по партизанам и генерал из своего «вальтера». Хомченовский подобрался с фланга к засевшим в кювете офицерам и метким выстрелом сразил наповал генерала. Судя по документам, захваченным в машине, генерал ехал инспектировать тылы группы армий «Центр».

В ночь с 11 на 12 июня отряд Сергея провел совместную операцию с отрядом партизан Освейского района. Последний был организован недавно, весной. Командовал им Иван Кузьмич Захаров, посланный в тыл врага Витебским обкомом партии. В рядах освейцев действовала группа молодых латышей. За старшего у них был

Александр Гром. Он часто появлялся в белорусской деревне Прошки, искусно минуя кордон, созданный «айзсаргами»¹ на старой латвийской границе. В Прошках у него были друзья — комсомолец Василий Лукашенок и другие юные подпольщики.

Молодые латыши и предложили смелый план разгрома гарнизона гитлеровцев в Латвии, в местечке Шкяуне, расположенном вблизи Освеи. Подходы к гарнизону были невыгодными: озеро, болота, узкая полоса открытой местности. Успех решили точные разведданные, добытые группой Грома, внезапность удара да темная ночь. Итоги налета: наполовину перебит, наполовину рассеян крупный гарнизон, сожжены три склада, перестали существовать волостное и полицейское управления, уничтожены телефонная станция, телеграф. В числе трофеев — боеприпасы, около 20 тонн сахара, табак, медикаменты.

Поначалу приняв партизанский налет за нападение десанта красноармейцев, гитлеровцы утром разобрались, что к чему. В погоню за партизанами были брошены крупные силы карателей, устроены засады в проходах между озерами Лисно, Негерица, Белое. Партизаны обошли засады и у деревни Лисно дали открытый бой врагу. Продолжался он свыше двух часов. У фашистов были минометы. Прилетели чуть позже на помощь три самолета. Но народные мстители не упустили из своих рук инициативу.

Исключительно отважно действовали в бою руководитель прошкинских подпольщиков Василий Лукашенок и широкоплечий молодой латыш. Их ручные пулеметы яростно, непрерывно стучали у моста через болотистую речку Свольну. Звали латыша Имантом Судмалисом.

Вспоминая тот бой, Герой Советского Союза Захаров рассказал:

«Позиция Иманта находилась у церкви, метрах в пятнадцати от дороги. Ему была поставлена задача — не пропускать врага по дороге. Не обращая внимания

¹ «Айзсарги» — военно-фашистская организация на территории Латвии, созданная в 1919 году для борьбы с революционным движением. В период оккупации «айзсарги» были карателями и палачами. После изгнания немецко-фашистских захватчиков с советской территории часть оставшихся в подполье «айзсаргов» совершала диверсионно-террористические акты против населения Латвии и Красной Армии.

на разрывы мин и свистящие пули, Судмалис стрелял, прильнув к пулемету. Атаки следовали одна за другой, хотя после каждой из них на подступах к Свольне оставались вражеские трупы.

— Патроны, патроны! — изредка выкрикивал Имант, и его пулемет хлестал по врагу очередями горячего свинца».

О Судмалисе в отряде Захарова мало что знали. Секретарь уездного комитета комсомола, появившись в Прошках, умолчал о своем активном участии в героической обороне Лиепай в первые часы фашистского нашествия.

На партизанскую тропу накануне Первой 1942 года вышли подпольщики деревни Межево. Возглавил их «окруженец» Родион Артемьевич Охотин. Вскоре в этот отряд прибыл первый секретарь Россонского подпольного райкома партии Варфоломей Яковлевич Лапенко.

...Сергей, Дубняк и другие. Других становилось все больше и больше. Вместе с запоздавшим весенним половодьем разливалось по оккупированной территории северо-запада страны полноводной рекой партизанское движение. Это была война возмездия, война за восстановление родной Советской власти.

Палят партизанские пушки

Преследовать их значило бы гоняться за ветром, а окружать их было бы то же, что стараться удержать в решете воду.

Вальтер Скотт

Когда собутыльники Вилли Шутта, заместителя коменданта Себежской ортскомендатуры, собирались на лоно природы, кто-либо из них обычно спрашивал у хозяина:

— А шофер твой — надежный человек?

Майор, посмеиваясь, отвечал:

— Мой Иван проверен в разных передрягах.

А компания у Шутта собиралась отменная. Приходил абверовец Алекс — выпускник разведшколы под Кенигсбергом. Завсегдатаями были сотрудники контрразведки — поляк Шкреба и русский Игнатенок. Оба пожилые. Оба бывшие белогвардейцы. Шкреба — разговорчивый, готовый по любому поводу сыпать анекдотами. Игнатенок — молчун, почти всегда под хмельком.

Заглядывал по субботам к Шутту и начальник тайной полевой полиции капитан Венцель. Специалист по провокациям и вербовке предателей, он в абвере-3 (контрразведка) работал давно. В 1941 году в Белоруссии была провалена одна абверовская акция, порученная Венцелю чуть ли не самим Канарисом. Капитан попал в немилость и был рад, получив спустя некоторое время назначение в Себеж — в «тихие палестины», как выразился его шеф.

...Коньячные бутылки с французскими этикетками. Шутт знал об этой слабости Венцеля, и к его приходу на стол выставлялись лучшие вина. Пили гости в присутствии начальника фронтового гестапо, коим фактически являлась тайная полевая полиция, много, говорили мало. Даже Шкреба придерживал свой язык. Кому охота попасть в полевые войска или и того хуже — угодить в подвалы берлинского дома по Принц-Альбрехтштрассе, восемь...

Уходил Венцель — языки развязывались. Обычно Шкреба предлагал:

— Господа, на свежий воздух.

Шутт кричал по-русски в соседнюю комнату Елисееву:

— Иван, машину!

Себеж издавна называют русской Венецией. Гористой стрелой вонзается город в воды огромных озер — Орона и Себежского. В ветреные дни волны плещутся в фундаменты домов себежан. Знойным летом утюжками застывают на голубом озерном просторе лодки рыбаков, причудливо очерченные берега полны отдыхающих.

А в те времена живописные прибрежные уголки были пустынные. Компания Шутта в тот субботний августовский день, с которого начинается наше повествование, встретила на берегу Орона лишь старика с ведерком и удочкой. Заметив гитлеровцев, рыбак свернул леску и поплелся в город. Проходя мимо Елисеева, разжигавшего костер в кустах, он с презрением бросил:

— Покарает бог твое холуйское усердие.

...С озера потянуло вечерней прохладой. Пикник окончен. Елисеев, доставив гостей в укромные квартиры, медленно ведет машину по улице, носившей раньше название «7 ноября». Восемь часов вечера. Комендантский час. Город замирает. Лишь из открытого окна ортскомендатуры льется нежная музыка:

Спи, моя радость, усни,
В доме погасли огни...

Этим фашистское радио обычно заканчивало свои передачи на русском языке. Музыка Моцарта и мертвая тишина оккупированного города.

Елисеев не торопится: все равно поспать как следует не придется. Майор совершенно пьян. Раздеть его, уложить в кровать, поднести по первому требованию, пока не утомонится окончательно, стаканчик сухого вина, разбудить при звонке от дежурного военно-полевой комендатуры — это главные «передряги», на которых Шутт многократно проверял «своего Ивана». Подвести хозяина нельзя, и Елисеев в соседней комнате долго не смыкает глаз.

Как удивился бы старик рыбак, как ужаснулись бы Шкреба и Игнатенок, когда увидели бы «преданного Ивана» переписывающим номера и численность воинских частей из накладных и других документов комен-

датуры, составляющим краткое донесение о последних разговорах гостей Шутта на пикнике и до него...

Окончится война. Пройдут годы, а многие из себежан все еще не будут знать, что под личиной ревностного шофера фашистской хозкомендатуры скрывался советский разведчик... В студеную ночь декабря сорок первого привел верный человек Ивана Елисеева на Ясининскую мельницу. Под завывание бесновавшейся метели его неторопливо расспрашивал хорошо известный себежанам старший лейтенант погранвойск Пантелеймон Конопаткин.

— Говоришь, в комендатуру вызывали, а ты не хочешь на службу к фашистам идти? А ты иди, парень. Ну что вскипел? Что уставился мне в глаза? Они синие, и ничего в них не прочтешь.

Пограничник поднялся и подошел к окну. Постоял, помолчал, а затем, будто сверился с кем-то там, в метельной мгле, резко повернулся и предложил:

— Считаю это боевым заданием. Говорю тебе от имени командования Красной Армии и подпольного райкома партии. Будешь не просто служить вражине, а старательно, холуйствовать будешь. Мы знаем: парень ты толковый, с ходу схватишь, что может повредить фашистам. И тогда — сюда.

— Разведка? — поднялся со скамьи Елисеев.

— Да. Разведчик — это не только спецподготовка. Это и яркое озарение, и природная сметка. Но, конечно, ежечасно, ежеминутно смертельная опасность.

— Не без этого.

— Ну вот и договорились. На первых порах связь через мельника Ивана Осипова...

Как используются данные, добытые им, Елисеев поначалу не знал. Но вот однажды из болтовни Шкребы (с Игнатенком он разговаривал по-русски) Иван понял: группа советских военнослужащих, оставшаяся на оккупированной территории, зная пароль и маршрут автоколонны с горючим, пробралась на стоянку, перебила охрану, подожгла машины. Сердце радостно забилося: в налете была и его лепта. А вскоре он встретился на мельнице с Федором Ивановичем. Под этим именем в начале 1942 года был известен людям командир группы партизан-красноармейцев старший лейтенант Александр Степанович Володин.

Вторым военным летом Себеж перестал быть спокой-

ным местом. Участились крушения поездов на дороге Резекне — Себеж — Новосокольники. Стало небезопасно появляться в деревнях без надежной охраны. Непокойно было и в самом городе: поджоги, случаи замаскированного саботажа. Активизацию сопротивления оккупационным властям Венцель и начальник отделения СД Шпиц связывали (и не без основания) с приходом в район из-за линии фронта партизанского отряда Марго.

В те дни из советского тыла в верховье реки Великой, к берегам Синеи и Сороти, к Ленинградскому шоссе, на участок между городами Невель — Пустошка — Опочка Калининский обком ВКП(б), командование Северо-Западного и Калининского фронтов направили несколько партизанских формирований и спецгрупп. Больше месяца на оккупированной территории рейдировала небольшая молодежная партизанская бригада под командованием старшего лейтенанта Георгия Арбузова. Два раз приводил к Опочке спецотряд Алексей Гаврилов, командир Красной Армии, совершивший дерзкий побег из плена с горсткой храбрецов-красноармейцев.

Отряд Владимира Марго был небольшим — семь десятков бойцов, но состоял целиком из коммунистов и комсомольцев. Жизненный и боевой опыт пожилых соседствовал в отряде с гордой отвагой и спецподготовкой молодых. Коммунист Василий Николаевич Никонов участвовал в гражданской войне, штурмовал мятежный Кронштадт в 1921 году и за проявленную воинскую доблесть был награжден орденом Красного Знамени. Комсомолец Рэм Кардаш впервые в своей жизни взял в руки оружие, но в первые же дни войны проявил исключительное мужество... Фашистские самолеты бомбили станцию в родном городке Рэма. Огонь подобрался к цистерне с бензином. Рядом стояли вагоны со снарядами. Минута, другая — и пламя метнется к ним. В ужасе отпрянули железнодорожники и охрана. И лишь Кардаш и один из красноармейцев бросились к цистерне, охваченной пламенем, отцепили ее. Смелчак машинист увел состав в безопасное место.

Летом 1942 года пересекать линию фронта без боя, без потерь стало почти невозможно. И все же партизаны и группы специального назначения просачивались сквозь фашистские заслоны. Разведчики и проводники из местных жителей отыскивали потаенные тропы и

проходы. Особенно славился среди них проводник, известный под именем деда Симона. Здесь необходимо сделать небольшое отступление от хронологической канвы повествования...

— Доннер веттер! Дьявол он или леший — его нужно хватать. Он должен иметь виселица. Красный зольдат не должен ходить больше железная дорога. Ни один! Ты понимайт?

Так в один из осенних дней 1941 года комендант военно-полевой комендатуры, прибывший из Новосокольников на станцию Локня, коверкая русские слова и брызжа слюной, распекал агента тайной полевой полиции Агамбекова.

В прошлом деникинец, злобный враг, затаившийся под маской разбитного продавца пива, Агамбеков выдал фашистам многих советских активистов. Он знал, что в районе станции Насва какой-то дед переправляет в тыл немецких войск разведывательные группы, но полагал, что поскольку место переправы ближе к железнодорожному узлу Новосокольники, то и ловить проводника должны другие агенты. Однако, видя, как закипают бешенством глаза коменданта, подобострастно пообещал:

— Изловим, господин майор. В любой берлоге сыщем. Для приманки женку его, бабу, значит, и дочку заарестуем.

— Гут, Агамбеков, гут, — похвалил комендант. — Хватайт бабу. Жги хата. Все — огонь!

Чуть раньше в поселке Долгий Брод, что недалеко от Валдая, велся другой разговор. Начальник штаба Северо-Западного фронта Николай Федорович Ватутин спрашивал начальника разведки полковника Деревянко:

— Не могли ваши люди, Кузьма Николаевич, перепутать что-то в донесении? Уж больно как-то неправдоподобно.

— Все абсолютно верно, товарищ генерал-лейтенант. Более сотни красноармейцев и командиров — остатки окруженной части — переведены через линию фронта дедом Симоном,

— И без единого выстрела?

— Точно. И к тому же под самым носом охраны полустанка Киселевичи.

— А как отреагировал противник?

— Усилил патрулирование дороги. За голову провод-

В. И. Марго

П. П. Конопаткин

В. Я. Федорова

А. У. Михайловский

Рая Гаврилова

Аня Чугурмина

Оленины

В. М. Орехов

Виктор Дорофеев

Алла Шубина

В. И. Силачев

П. М. Машеров

П. А. Галанова

Р. Инсафутдинов

Ира Комарова

Сергей Моисеенко

Ф. Т. Бойдин

А. И. Петраков

П. Я. Дерюжина

П. В. Бобрусъ

Иван Елисеев

Маргарита Ляшкевич

Рэм Кардаш

С. Г. Соколов

Мария Евдокимова

Полина Тихомирова

Татьяна Киселева

Е. Г. Рощупкин

А. В. Назаров

Одна из групп детей, вывезенных на самолетах с оккупированной территории

ника объявили награду — деньги и хутор. — Полковник улыбнулся и добавил: — Вражеская агентура ищет чертов мост.

— А это что еще за штука?

— У деда Симона есть присказка. Знакомясь со своими подопечными, часто повторяет: «Ну, а чертов мост мы перейдем, как говорил Суворов».

Ватутин засмеялся.

— Занятный старик.

— Достоин награждения.

— Бесспорно. Передайте, Кузьма Николаевич, благодарность командованию партизан за лихого проводника. Наградной на орден Ленина для деда сам подпишу.

Был такой случай. Вел дед Симон разведгруппу из-за линии фронта. У станции Насва обстановка за короткое время его отсутствия резко изменилась. Группа нарвалась на крупную засаду. Стали прорываться. Командир разведчиков был ранен в грудь разрывной пулей. Проводник вытащил его из-под яростного огня и доставил на партизанскую базу.

Фашисты сожгли дом деда Симона. Агамбеков со своими присными схватил младшую дочь его, Анну. Более месяца провела девушка в одиночке, подвергаясь ежедневным допросам и побоям. Из локнянской тюрьмы ей удалось бежать...

Кем же был легендарный проводник в довоенной жизни?

Дед Симон — русский крестьянин Семен Арсентьевич Арсентьев. Коммунист. Один из организаторов первых колхозов на берегах Ловати. Долгое время председательствовал в сельскохозяйственной артели «Красный льновод». В начале Великой Отечественной войны стал бойцом кавалерийского партизанского отряда под командованием Андрея Петрова. Шел ему тогда седьмой десяток.

Отряд Марго пришел не на голое место. Семена, брошенные в деревнях Себежского района осенью сорок первого группой Виноградова — Кривоносова, дали хорошие всходы. Оставленные в подполье учителя Семен Маслов, супруги Федоровы, Александр Устинович Михайловский, колхозники Никита Никифоров (гитлеровцы все же выследили его и расстреляли), братья Кузнецовы, Голубевы, а также военные — старшие лейтенанты Конопаткин, Володин, Леонов создали очаги борьбы

с оккупантами. Все это в значительной мере предопределило успехи отряда Марго.

Владимир Иванович Марго и комиссар отряда Андрей Семенович Кулеш (тоже член партгруппы Виноградова — Кривоносова в сорок первом) быстро восстановили старые связи. Не успел отряд остановиться в одной из лесных деревушек, как в штабе появилась Мария Пынто. До войны девушка работала заведующей избой-читальней в деревне Дубровка. Изба-читальня славилась на всю округу. Интересные гулянья молодежи в воскресные дни. Увлекательные беседы на научные темы. Яркие политические доклады. Хороший подбор книг. И ко всему этому приложила руки и сердце Мария Пынто. Веселая, остроумная, она всегда находилась в окружении парней и девушек. Не мудрено, что в дни фашистской оккупации многие из них обратились к Пынто с вопросом: «Что делать?»

Ответ для всех звучал одинаково: бороться. Но каждый получал персональное задание: один — собирать и прятать в сенных сараях и баньках оружие; другой — распространять листовки; третий — день за днем наблюдать за гарнизонами врага. Мария пришла в отряд с ценной разведывательной информацией. Выслушав рассказ о расстановке сил ее агентурной цепочки, Марго изумленно воскликнул:

— Непостижимо! Как только ты сумела!

Как небольшие ручейки стремятся слиться с быстрой рекой, так и мелкие партизанские группы потянулись к отряду Марго. Когда западные ветры бросили на себежские курганы первые опавшие листья, у Марго уже была бригада, прочно осевшая у старой латвийской границы. Конопаткин, став заместителем комбрига по разведке, представил командованию свою агентуру, в первую очередь Елисеева. Свидание было коротким. Марго посоветовал энергичнее обрести помощниками, особенно в учреждениях гитлеровского «нового порядка», а прощаясь, сказал:

— Для нас ты, Иван Петрович, будешь не Елисеев, а разведчик Надежный. — И, хитро улыбнувшись, спросил у Конопаткина: — Подходит такая кличка твоему подопечному, Пантелеймон Петрович?

— Абсолютно, — ответил старший лейтенант.

Нелегко было Надежному. Нужна была огромная выдержка. Осуждающие взгляды, угрозы видел, чувст-

вовал и слышал Иван Елисеев на каждом шагу. Вспыхнул пожар в хозкомендатуре. Десятки глаз наблюдали, как усердно участвовал в его тушении шуттовский шофер. А вскоре стало известно, что приказом коменданта Елисеев награжден. Но никто из себежан не ведал о том, что приказом командира партизанской бригады объявлена благодарность за поджог фашистской комендатуры человеку с кличкой Надежный.

Свое рождение бригада Марго ознаменовала серией ударов по врагу. Запылали мосты на шоссе Томсино — Дубровка. «Приказали долго жить» гарнизоны гитлеровцев в населенных пунктах Борисенки и Томсино. Рожки да ножки остались от полицейского гарнизона в деревне Ручьево. 42 фашиста нашли свой конец на большаке Себеж — Глембочино — таков был финал боя роты охранных войск с партизанской засадой.

С каждым днем бригада расширяла зону своих действий. Незримые нити от партизанских биваков протянулись к Ленинградскому шоссе, к Опочке. В начале октября в отряд, которым командовал Никонов, пришел юный опочанин Николай Алексеев. Паренек люто ненавидел фашистов, помог бежать из лагеря нескольким военнопленным, участвовал в диверсии на шоссе, организованной одним из них — Михаилом Цукановым. С помощью Алексеева были привлечены к разведке его сестры Люба и Тоня, а также Маша Кузьмина — медицинский фельдшер из деревни Букино. Сестры бесстрашно появлялись на дорогах, когда по ним шли военные машины. С корзинками ягод и грибов подолгу задерживались среди солдат, останавливавшихся на привал во время марша.

Люба привлекла к сбору разведывательной информации соученицу — комсомолку Надю Литвиненко. Девушка в год начала войны окончила педагогическое училище, довольно сносно говорила по-немецки. Работала прачкой в воинской части.

Так сложилась «разведывательная цепочка» в Опочке. Не хватало лишь одного важного звена — своего человека в комендатуре. Кандидата на эту опасную роль подсказала Надя Литвиненко пришедшему к ней на связь Рэму Кардашу:

— А что, если поговорить с Гавриловой? — предложила она. — Мы учились с ней в одной школе. Красивая, умная. Неужто забыла, что комсомолкой была?

Не по летам наблюдательный, отважный, умеющий расположить к себе собеседника, непримиримый к фальши и лжи, Кардаш стал в бригаде одним из помощников Конопаткина. О своем намерении поговорить с Раей он сказал комбригу. Тот решил:

— Отдохни часок-другой и снова в путь. Поговори на чистоту с Гавриловой. Вербуй, но будь осторожен. И в красивом сосуде может быть отрава. — Марго вынул из планшетки карту. — Ждать с комиссаром будем тебя вот здесь — у лесного ручья, вблизи мельничной запруды...

Кардаш появился в назначенном месте поздним вечером, когда полоска предзакатного неба окрасила все окрест в свинцово-коричневые тона. Вымокший до нитки под дождем, но радостный и возбужденный, доложил:

— Удача. Как и рассказывали Литвиненко и Алексеев, служит Гаврилова в хозкомендатуре. Пользуется авторитетом у немцев. Но наша, до мозга костей наша. Умница. Осторожная. Не сразу открылась. Рассказала, что давала разведданные для бригады батки Литвиненко и какому-то еще спецотряду. — Кардаш замялся и, покраснев, добавил: — Красивая.

— Уж не влюбился ли часом? — усмехнулся Кулеш.

— Что вы, товарищ комиссар. Это я так, к слову. У меня любимая девушка в нашем тылу осталась.

— А почему задержался? — спросил Марго.

— Гаврилова обещала принести интересные сведения через два-три часа.

— Принесла?

— Да. Вот они.

Не документ — клочок бумаги, свернутый в трубочку... Сколько боев, удачных налетов авиации, партизанских засад помогли осуществить вот такие клочки, где каждая строчка, каждая цифра добывалась с риском для жизни советскими патриотами, бойцами невидимого фронта — разведчиками, подпольщиками!

Спустя некоторое время Кардаш вручил Гавриловой на явке в деревне Шаблавино документ о принадлежности к славному партизанскому племени. Вручая, передал наказ комбрига:

— Спрячь хорошенько, но, когда выезжать будешь, имей при себе: не ровен час, на партизан нарвешься — пригодится, а то ты для них приближенная Мюллера и

только. Владимир Иванович говорил, что документ выдается только потому, что ты вне подозрений у немцев¹. И еще сказал, чтобы все донесения с сегодняшнего дня подписывала кличкой Абсолют. — Кардаш улыбнулся и по-мальчишески задорно добавил: — А называли тебя здорово! Мы ведь твои первые сведения перепроверили, и все в акурат.

— Ладно, Рэмка, не захваливай. А то нос задеру. Спасибо за добрые слова, а комбригу передай вот эту бумажку. Только, — Рая блеснула глазами и вынула карандаш из кармашка кофты, — я ее сначала подпишу своим новым именем.

В донесении, переданном Кардашу, ставшем ныне музейным экспонатом, разведчица писала:

«1. Командующий армией, расположенной в Опочке, — Хандель (он находится в военном городке).

2. Положение в городе:

а) 10-го ожидают прибытия армии в Опочку.

б) Кругом Опочки роют окопы. Ход установлен только до 4 часов дня.

в) Рабочие, имеющие пропуск, имеют право ходить только по определенным улицам, указанным в пропуске...»

Разведчица Абсолют... Такой псевдоним в начале века носила Елена Дмитриевна Стасова, видный деятель большевистской партии. И дал ей это имя в целях конспирации Владимир Ильич Ленин за абсолютную точность в подпольной работе. Гаврилова не знала этого, но то, что она сообщала по цепочке в бригаду, всегда было абсолютно достоверным.

Имея добротную информацию из гарнизона Опочки, Марго стал чаще направлять на дороги, ведущие туда, диверсионные группы. Опочечские блюстители «нового порядка» получили нагоняй. Раздался звонок из штаба охранных войск группы «Север»:

— К нам поступают донесения о взрывах на дорогах во вверенном вам районе. Сообщают, что действует какая-то Марго.

— Простите, не какая-то, а какой-то, — решил уточнить капитан Демайт, помощник коменданта.

В трубку прорычали:

¹ Мать Гавриловой зашила справку в плечо рукава Раиноного жакета. Документ ныне хранится в семье Гавриловых.

— Баба это или казак, генерала не интересует. Но если, господин капитан, взрывы на Ленинградском шоссе не прекратятся, вам и вашим коллегам придется покинуть город и кое-чему поучиться в частях действующей армии.

Были неприятности и у начальника отделения СД гауптштурмфюрера Крезера. Правда, он их удачно переправил в адрес «старой калоши» — Скульптуса (генерала вскоре отозвали в Германию), но самолюбие матерого контрразведчика было уязвлено.

Активные действия отрядов Марго вызвали новую серию диверсий в районе Красногородска. Их совершала «восьмерка» — так в народе называли партизанскую группу старшего лейтенанта Алексея Андреева, добавляя к названию слово «неуловимая». Среди восьми отважных находился человек, которого Крезер считал своим личным врагом. Это был бежавший из-под расстрела коммунист Василий Орехов. О нем гауптштурмфюрер рассказывал псковскому гестаповцу на новогоднем вечере в казино.

Полгода ищейки Крезера травили Орехова, как дикого зверя. Однажды, еще в предзимье, жандармы окружили деревню, где укрывался раненый беглец. Перерыли в хатах все верх дном — не обнаружили. Последним осматривали бывший колхозный скотный двор. Староста деревни ткнул вилами в небольшую кучу старого сена и почувствовал — зубья вошли во что-то мягкое. Вынул вилы — закапала кровь. Обрадовался (большую награду сулил Крезер за поимку Орехова) и только раскрыл рот, чтобы позвать гитлеровцев, как услышал сзади шепот:

— О красном петухе ночью подумал?

И чуть громче сбоку:

— И об остром топоре тоже.

Оглянулся и такое увидел в глазах крестьян, что едва выдавил:

— Господин охвицер, никого нетути. Бежал, видать.

По весне третий раз был Орехов на краю гибели. Совершив поджог склада, он пробирался в лес. Гитлеровцы по его следу пустили двух овчарок. Одну Орехов успел застрелить, вторую легко ранил. Захрипев от ярости, собака бросилась ему на спину. Напрягая последние силы, Орехов сбросил овчарку на землю и задушил ее. Весь в рваных ранах, он ушел от преследователей.

Черные мысли мучили теперь гауптштурмфюрера каждую ночь. Он прекрасно понимал, что никто его не поддержит в случае крупного провала. В арсенале средств, коими Крезер пытался предотвратить такой провал, были и провокации, и яд, и подкуп, и угрозы смертью. Своих агентов он пытался засылать в отряды партизан под видом бежавших из плена советских воинов. Большинство из них быстро проваливалось. Советские же разведчики, даже попадая в руки службы безопасности, предпочитали смерть предательству.

Казнь их Крезер пытался использовать в гнусных целях. После казни распускался слух: подпольщик-де выдал своих, за что помилован и отправлен на работу в Германию.

Поздней осенью 1942 года в стане врага в голубом озерном крае, в гарнизонах Пустошки, Опочки, Идрицы, Себежа, Пушкинских Гор, опять, как и в дни рейда 2-й особой бригады штаба Северо-Западного фронта, начался переполох. Однажды на магистральном шоссе раздался сильный взрыв. Нет, это были не разрывы гранат, брошенных из придорожных кустов «фанатиками большевиками» (такое объяснение часто встречалось в донесениях командиров подразделений охранных войск), это рвались снаряды — один, второй, пятый... В кюветы полетели автомобили, бронемашинны из колонны, двигавшейся в сторону Ленинграда. По ней били партизанские пушки.

В тот же день вечером по проводам понеслись грозные приказы за подписью самого командующего охранными войсками: «Обстрел солдат фюрера в глубоком тылу из орудий — неслыханное дело. Найдите, окружите и уничтожьте виновных...»

«Уничтожьте». Легко приказать. А выполнить? Партизан немало. Да и умением «распылиться», когда требует обстановка, владеют прекрасно. Крезер, Венцель, Шпиц, коменданты фельдкомендатур имели возможность убедиться, как прав был английский писатель Вальтер Скотт, отмечавший, что преследовать герильеров (партизан) — все равно что гоняться за ветром.

На этот раз виновником переполоха была бригада калининских партизан, которой командовал комсомолец Федор Бойдин. В первые дни войны Бойдин окончил Пензенское артиллерийское училище. И сразу — на фронт. Под Смоленском принял боевое крещение.

Огнем полубатарей встретил девятнадцатилетний лейтенант фашистские танки. Неравным был этот бой: два орудия против десятка бронированных машин, но подошли пехотинцы, и советские воины гранатами отбили яростную атаку.

...Их было двенадцать, вырвавшихся из окружения. К берегам Ловати вышли вдвоем. А потом из разведки не вернулся и последний товарищ.

Путь Бойдина лежал через родные края. На исходе метельного декабрьского дня Федор подошел к Осиновому Рогу — небольшой деревушке, примостившейся на глухом полуострове меж двух озер. Здесь, в семье Тимофея Бойдина, организатора первого колхоза в округе, Федор родился и вырос. Отсюда, счастливый (сбылась мечта), уехал он в военное училище.

Со смешанным чувством радости и горечи переступил Бойдин порог отцовского дома. Вот она, встреча, долгожданная и неожиданная. Слезы матери. Жадные расспросы родных. До боли знакомые уголки родного гнезда... И вдруг ненароком оброненная фраза: «А в Успенском какие-то военные вроде тебя волостную управу разогнали».

В ту же ночь Бойдин ушел в село Успенское. В небольшом отряде Федора Зылева он быстро освоился с партизанской тактикой. Когда отряд вырос в бригаду, Бойдин возглавил в ней штаб. А осенью 1942 года уже командовал бригадой. Влюбленный в артиллерию, молодой комбриг разыскал три орудия. Нашлись среди партизан и артиллеристы.

После артналета на колонну машин с военной техникой партизаны уничтожили отряд карателей-автоматчиков. Случилось это так. Оседлав три дороги на Дубровку, бригада выбила гитлеровцев из населенного пункта. Бойдин и находившийся в бригаде командир партизанского корпуса капитан Разумов заметили: к одному из домов тянется провод полевого телефона. Зашли в помещение. На столе несколько аппаратов. Разумов начал крутить ручки. Первый телефон молчит. Второй — тоже. Покрутили третий — ответила Идрица. Недовольный голос спросил на ломаном русском языке:

— Почему беспокоят неположен время?

— Нас атакуют партизаны. Скорее шлите помощь, — жалобно прохрипел Разумов и повесил трубку.

Теперь настойчиво заверещал идрицкий телефон.

Партизанские вожаки улыбнулись и вышли на улицу. Бойдин распорядился немедленно послать в помощь отряду Задерина, находившемуся в засаде на дороге в Идрицу, группу бойцов с ручными пулеметами... Большой немецкий фургон с четырьмя десятками автоматчиков, направленный в Дубровку комендантом станции Идрица, был встречен у деревни Алатовичи кинжальным огнем. Никому из карателей спастись не удалось.

Захватив в Дубровке большие трофеи: зерно (оно сразу было распределено среди населения), средства полевой связи, боеприпасы, бригада под вечер двинулась дальше. Не успели партизаны отойти и на километр от деревни, над колонной появился фашистский самолет. Беспорядочно сбросив бомбы, улетел. Потерь отряды не понесли.

Штаб бригады разместился в просторном, добротном доме в деревне Артюхово. Бойдин с начальником штаба Дмитрием Халтуриным «колдовали» над картой, готовя план налета на гарнизон в селе Щукино. Данные конной разведки о щукинском гарнизоне фашистов полностью подтвердились. В поселке имелись школа и больница с крепкими каменными подвалами. Вокруг этих зданий гитлеровцы соорудили восемь дзотов, соединенных между собой ходами сообщения. Лобовой штурм такого укрепленного пункта мог привести к большим потерям, и на командирском совете решено было выманить гарнизон из поселка, попытавшись запугать его.

Ровно в полдень 14 октября по укреплениям гитлеровцев ударили партизанские пушки и минометы. Упорно сопротивлялся гарнизон, но партизаны неудержимо рвались вперед и дом за домом занимали село. Вскоре в руках гитлеровцев остались только сильно укрепленные здания больницы и школы. И тут Бойдин приказал приостановить штурм. Партизаны залегли. Когда солнце стало клониться к западу, они на глазах у изумленного противника начали отходить к лесу.

Не прошло и часа, как из Щукина показалась колонна гитлеровцев. Не выдержали нервы оккупантов: побоялись остаться на ночь в поселке, двинулись на соединение с гарнизоном села Красное. На это и рассчитывал Бойдин. Гитлеровская колонна нарвалась на тщательно замаскированную засаду.

И опять по проселкам, мимо деревьев, сорящих по-

следней листвой, по зыбким мхам непроходимых болот двигались к новым боям партизаны. Звенели в сухом октябрьском воздухе слова песни: «Партизанские отряды занимали города...»

А отрядов в этом походе было немало. Бригада Бойдина шла в авангарде нового крупного формирования калининских партизан — корпуса. Созданный по решению обкома ВКП(б) и военного совета 3-й ударной армии, он ввел в намеченные районы для боевых действий несколько бригад. Во время месячного рейда они провели более пятидесяти успешных боев против полевых и охранных войск вермахта, разгромили полтора десятка вражеских гарнизонов, уничтожили 16 волостных управ, подорвали 52 воинских эшелона. Правда, одну из задач (массированными ударами разрушить основные железнодорожные узлы) выполнить удалось лишь частично. Но время для масштабной битвы на рельсах еще не пришло.

Тактика гибкого маневра диктовала поотрядные и побригадные действия. Всем скопом (полным составом корпуса) вести бои обстановка не позволяла, и корпус в конце осени был расформирован, но роль свою, особенно в моральном плане, его рейд сыграл. По дорогам к открытым боям против оккупантов двигалось целое партизанское войско. У народных мстителей своя артиллерия. Крылатая молва «снабдила» их и своей авиацией. Залпы бойдинских пушек отзывались многоголосьем эхом. Загремели выстрелы «канадок», «трехлинеек» там, где оккупанты чувствовали себя в полной безопасности. В пустошкинских лесах, в Красногородском и Опочечком районах появились новые партизанские группы. В глухом белорусском селе началось формирование бригады калининских партизан с символическим названием «На запад».

Сильным накалом партизанской борьбы была отмечена осень 1942 года и в районах Белоруссии, граничащих с Латвией и Калининской областью. Наши старые знакомые — «сергеевские ребята», Дубняк и его товарищи находились в это время в составе бригады «За Советскую Белоруссию». Ее создание было подготовлено работой подпольного райкома партии, партизанскими действиями отдельных групп советских патриотов. В это же время в Россонском районе появился спецотряд капитана Петракова.

...Спецотряды Красной Армии. Посылая их в глубокий вражеский тыл, командование советских войск ставило перед ними многие задачи. Разведка. Диверсии на важнейших коммуникациях. Помощь партизанам оружием, специалистами подрывного дела. Доставка в оккупированные районы советских газет, листовок... Инженер москвич Андрей Петраков, прежде чем появиться в белорусских лесах, прошел добрую «обкатку» — 62 дня рейдировал во главе спецгруппы в районе Андреаполя и Нелидова, участвовал в сражении за Калинин. Бои на границе в первые дни войны, плен, побег, снова бои были за плечами у комиссара отряда старшего лейтенанта Александра Романова. Да и у каждого из фронтовиков (такое название утвердилось за бойцами спецотряда) имелась добротная военная биография.

Петраков, Романов и возглавили бригаду «За Советскую Белоруссию». Но объединить отряды еще не значило сплотить их. У «фронтовиков» своя тактика, свой уклад жизни. У местных отрядов многое выглядело иначе, демократичнее. Большой такт, выдержка, решительность и твердость, присущие характеру на первый взгляд мягкого, типичного столичного интеллигента, комбрига, сыграли немаловажную роль в создании крупного боеспособного соединения. Линия Петракова нашла горячую поддержку у Дубняка, ставшего командиром отряда имени Щорса, у ветеранов — «сергеевских ребят», Инсафутдинова, Корякина, братьев Кичасовых, Киселева, Комаровой, Дождевой.

В один из тех летних дней Ира и Валя обрели себе новую подругу. Небольшого роста, худенькая, беленькая, с длинными косами, семнадцатилетняя Оля Паршенко из деревни Горяни вызвалась провести группу «сергеевских ребят» в лагерь партизан отряда Охотина. Девушки понравились друг другу. Когда пришло время расставаться, Ира предложила:

— А то пойдем вместе с нами.

Большие глаза Оли застыли на какой-то миг.

— Хорошо, — решительно сказала она. — Только подождите немного. Схожу за Верой Михайловой. Она тоже хочет быть партизанкой.

Так в партизанском лагере сошлись пути-дороги учителя Петра Машерова и его ученицы Оли Паршенко. Оля (в отряде ее звали Люсей) стала разведчицей... Когда листаешь в архиве приказы по бригаде имени

Рокоссовского (так впоследствии стала именоваться бригада «За Советскую Белоруссию»), часто после слов «Объявить благодарность» встречаешь рядом стоящие фамилии Комаровой, Дождевой, Паршенко, Михайловой...

Формируя бригаду, Петраков понимал: ничто так не сплотит людей, как участие в крупной наступательной операции. Решено было взорвать важный железнодорожный мост через реку Дриссу в районе разъезда Бениславский. На него не раз покушались советские летчики. Бомбы разворачивали полотно, настигали вражеские эшелоны. Мост же оставался целехоньким. А по нему ежедневно проходили десятки поездов с воинскими грузами.

— Уж вы добудьте мне, лейтенант, — говорил Петраков своему заместителю по разведке Георгию Казарцеву, — полные, повторяю, полные данные и о гарнизоне, и о системе охраны моста, и о рельефе местности. Постарайтесь не упустить ни одну, самую мелкую, деталь. Да ведь вы пограничник, знаете цену на первый взгляд неприметному. — Комбриг улыбнулся. — Считайте, что идете в наряд по охране государственной границы.

В разведку Казарцев взял Владимира Хомченовского и еще нескольких человек. К мосту подкрались попластунски, скрываясь в высокой траве. Был полдень. Солнце палило как на экваторе. Гитлеровцам и в голову не могло прийти, что в трехстах метрах от вооруженных пулеметами дозорных постов на вышках лежат партизанские разведчики.

Перепроверить данные дневного наблюдения помогла жена командира Красной Армии. Она жила в деревне по соседству с немецким гарнизоном и была знакома с Хомченовским... На стол Петракову легла подробная схема фашистских укреплений на подступах к мосту. А через несколько дней в походном дневнике Андрея Ивановича появилась запись:

«1 августа. Усиленно готовлюсь к нападению на Бениславский мост. Уже почти все есть: около четырехсот килограммов тола, артиллерия — три 45-миллиметровые пушки... Тол в ящиках решаем спустить к мосту на плотках...»

Разрывая белесый туман, ранним утром 4 августа 1942 года впервые по вражеским укреплениям на Ви-

тебщине ударили партизанские пушки. Начался тяжелый бой. А вскоре застонала Дрисса. Плот сделал свое дело. Огромной силы взрыв разметал мостовые конструкции.

Героями штурма были бойцы отрядов имени Щорса (командир Машеров), имени Сергея Моисеенко, группа подрывников Петра Мандрыкина. Хватило дел и другим отрядам (в их числе был и освейский — «Захаровский»), находившимся на заградительных и отсекающих позициях.

Более чем на две недели вышел из строя участок железной дороги, имевший стратегическое значение. Взрыву на Дриссе и бою у платформы Бениславская высокую оценку дал маршал Рокоссовский в послевоенное время. В Георгиевском зале Кремля Константин Константинович, разговарившись с Георгием Ивановичем Казарцевым (оба они были делегатами съезда добровольного оборонного общества), спросил:

— Так сколько, говорите, суток тогда не работала дорога?

— Примерно шестнадцать-семнадцать, — ответил бывший разведчик.

— А составов сколько проходило до этого по ней в день?

— Не менее двадцати пяти — тридцати в сутки.

— Знатная работа. — Маршал задумался, будто что-то подсчитывая в уме, затем тихо добавил: — Мне для такой операции потребовалось бы ввести в дело много войск, — и повторил: — Знатная работа.

Второй военный сентябрь. Россонский, Дриссенский, Освейский районы Витебщины в пламени народной войны. Основные гарнизоны гитлеровцев блокированы отрядами бригады «За Советскую Белоруссию» и другими партизанскими формированиями. Пытаясь оборвать связь жителей Россон с партизанами, фашисты проводили арест за арестом. Были схвачены родные партизан: мать Машерова, Петровская, Езутовы, подпольщицы Дерюжина, Масальская.

Не успела уйти в лес и молодая учительница Нина Шалаева — связанная двух партизанских отрядов. Утром 6 сентября дом Шалаевых окружили фашисты с овчарками. Нину избили плетью и погнали через болото в

поселок. В помещении тайной полевой полиции при повторном обыске девушка заметила: ее фамилия записана под номером тридцать шесть. «Неужели взяли всех наших?» — мелькнула страшная догадка. В камере она подтвердилась.

Россоны жили теперь по законам прифронтовой полосы. Комендантский час определен намного раньше обычного. Едва сентябрьское солнце уйдет за горизонт, сразу же затихают все звуки на обезлюдевших улицах. Ни одного луча света в окнах.

Никто из жителей поселка не спит в этой зловещей тишине. Не спят и следователи тайной полевой полиции, размещившейся в доме, принадлежавшем некогда помещику Глушко. Красивое здание, напоминающее своими башенками и зарешеченными окнами средневековый замок, превращено гитлеровцами в дом пыток.

В комнате за столом семеро. Старшему, майору, за пятьдесят. Два следователя. Остальные — офицеры вермахта: обер-лейтенанты и лейтенанты. Пришли позабавиться. В углах еще двое: переводчик и молодой эсэсовец с фигурой спортсмена. Голубые глаза, женские, мягкие черты лица. В руке резиновый жгут.

— Машерову! — приказывает майор.

Охранник ввел в комнату Дарью Петровну.

— Вы Машерова?

— Да, вам ведь это хорошо известно.

— Молчать! Руссиш швайн. Отвечайт только вопрос.

К Дарье Петровне подошел следователь.

— Где сын Петр?

— Не знаю.

— Где его лагерь?

— Не знаю.

Майор поднял руку, и над Машеровой взвился жгут.

— Где сын?

— Не знаю...

Из-за стола поднялись офицеры вермахта. Стали в круг... Как легко ударом отбивать от себя податливое тело... Опомнитесь, негодяи! В таком же возрасте и ваши матери...

Устали. Отошли к окну. К избитой, лежавшей на полу жертве подошел эсэсовец. Кровавых дел мастер знал, что делать. Тампон с нашатырным спиртом, ко-

лодная вода на грудь... Бил неторопливо, оголяя нужные места...

— Шалаеву! — распорядился майор.

— Шалаева?

— Да.

— Ты носила документы в лес?

— Нет.

Удар жгута свалил Нину на пол...

Когда после третьего допроса Машерову втолкнули в общую камеру, Дарья Петровна не могла подняться.

— За что? За что? — раздался чей-то вопль.

И тогда Машерова встала и подняла кофту. Вся спина Дарьи Петровны была иссечена. В камере замерли, а она тихо проговорила:

— Вы знаете за что? За то, что мы — советские. За то, что мы русские люди...

Из письма Нины Сергеевны Шалаевой автору¹:

«...Пытки Дарья Петровна переносила как-то спокойно. Сказать, героически — это будет не совсем верно. Лучше сказать — как-то по-крестьянски мудро. Голос ее был всегда ровный, особенный... Как она любила своих сыновей Павла и Петра — трудно передать. Как сейчас вижу: мы лежим на нарах вниз лицом, а Дарья Петровна говорит. Временами стучит пулемет на крыше дома, а она все рассказывает... Вот Петенька окончил институт... Вот Павлуша стал директором школы...»

Когда зарделась заря, в подвал бросили полуживую Пашу Дерюжину. И сразу у окна раздался детский голос:

— Mamочка, мы пришли за тобой.

То следователь-гитлеровец подвел к решетке детишек Дерюжиной. Старшей девочке было лет семь, меньшей — три годика. Сам дьявол не додумался бы до такой пытки.

— Встань, встань, Пашенька. Встань, милая, — подошла к Дерюжиной Дарья Петровна, вытерла кровь, сочившуюся изо рта молодой женщины, приподняла ее. — Пойдем к детям.

И они пошли, обнявшись и... улыбаясь.

«Восславим женщину-мать!» — призывал Максим Горький. Восславим же трижды мать, подвергшуюся неслыханному злодейству!

¹ Вскоре Шалаева была переведена в полоцкую тюрьму, откуда бежала. Стала партизанкой. Ныне проживает в г. Борисове в Белоруссии.

Из письма Нины Сергеевны Шалаевой автору:

«...Дети умоляли мать пойти с ними, говорили, что боятся без нее, что хотят кушать... Паша отвечала: «Приду скоро, а вы не расставайтесь никогда...» Эта картина не исчезнет с годами из моей памяти. Нет сил писать об этом...»

В 4 часа утра 9 сентября 1942 года жандармы с фонарями ворвались в камеру. Грубо стащили с нар Машерову. Затем взяли Дерюжину, Масальскую, тринадцатилетнюю Глашу Езутову. Загремел засов в соседней камере.

— Прощайте, дорогие мои,— успела крикнуть Дарья Петровна.— Передайте нашим: мы были и остались людьми!

Их расстреляли недалеко от тюрьмы, на берегу озера.

А через десять дней в Россоны вступили партизаны. Гитлеровцы не выдержали блокады гарнизона и бежали в Полоцк.

Район боевых действий бригады ширился. Немалая заслуга в этом принадлежала подразделению Георгия Казарцева. Сам он и его разведчики проникали к Себежу, Идрице, появлялись в Латвии. Казарцев встретился с Конопаткиным. Бывшие пограничники быстро нашли общий язык.

В начале второй военной зимы начальник полиции безопасности и службы безопасности на оккупированных территориях СССР в донесении № 38 о действиях партизан Белоруссии сообщал в центр: «За декабрь 1942 года партизанами совершено на железных дорогах 147 диверсий». Значительная часть их приходилась на долю бригады имени Рокоссовского. Командовал ею в это время Александр Васильевич Романов. Андрей Иванович Петраков был отозван в Центральный штаб партизанского движения. Несколько позже «комиссарские бразды правления» принял Петр Миронович Машеров. В одном из первых зимних боев погиб храбрейший ветеран бригады, Владимир Хомченковский¹. Были и другие тяжелые потери.

¹ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года Владимиру Антоновичу Хомченковскому было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В декабре к старой латвийской границе пришел из-за линии фронта отряд партизан-латышей. Был он небольшим, но добротнo вооруженным. И люди как на подбор: физически сильные, крепкие духом — фронтовики, добровольцы, прошедшие специальную подготовку. Командовал отрядом Вилис Самсон — смелый, волевой человек.

Шли латыши к Себежу с боями. На высотах села Поддубья разгромили роту карателей. Вместе с бригадой калининских партизан (командир Лисовский, комиссар Вакарин) отбили несколько вражеских атак вблизи деревни Тимохино. В Освейском районе в отряд влились мелкие партизанские группы, в их числе группа Александра Грома.

Целенаправленные и согласованные действия белорусских, калининских и латышских партизан на стыке трех республик летом и осенью 1942 года привели к освобождению от оккупации многих деревень. К предзимью образовался край, где гитлеровцы утратили власть или удерживали ее лишь в некоторых населенных пунктах, главным образом у железных дорог. В народе он получил доброе имя — Братский. Край немалый: с востока на запад около ста километров, да от северных границ до южных более восьмидесяти. В него входили земли Россонского, Освейского, Дриссенского районов Белоруссии, южная часть Пустошкинского, Себежского, Идрицкого районов и западная — Невельского района Калининской области.

В отличие от некоторых других партизанских краев и зон Братский край соседствовал с важнейшими коммуникациями врага. В одном из донесений фашистской службы безопасности, перехваченном партизанами, говорилось: «Движение по дорогам из прифронтовой зоны в зону гражданской администрации вследствие перекрытия шоссе между Идрицей и Себежем, а также Полоцком и Дриссой фактически прекращено. В ходе действий партизанам удалось настолько овладеть районом, что они превратили его в неприступную оперативную базу».

Точнее не скажешь. Не случайно грядущий 1943 год сразу ознаменовался несколькими наступательными операциями партизан.

В последние часы 1942 года над себежскими озерами пронесли снаряды. Они разорвались в районе ка-

зарм охранных войск. То палили по гитлеровцам пушки 4-й Калининской бригады под командованием Лисовского и орудия белорусских партизан из бригады Романова. Затрещали телефонные звонки. Прозвучал сигнал:

— Алярм! Тревога!

Гарнизон Себежа был поднят на ноги. Новогоднее пиршество оккупантов превратилось в тягостное ожидание на морозе, в снегу возможного «визита» партизанских отрядов.

4 января 1943 года отряды калининской бригады «На запад» неожиданно для оккупантов заняли несколько деревень Красногогородского района. Вблизи находилось синьозерское имение рейха. Управляющий им оберлейтенант Иогансон, ничего не подозревая, распорядился устроить рождественский бал.

— Бал так бал,— сверкнул улыбкой заместитель комбрига Николай Вараксов, выслушав рассказ крестьян деревни Столбово.— Поможем хозяевам и гостям поселиться, устроим фейерверк.

В точно назначенный час над рекой Синей вздыбился сорокаметровый мост. Огромной силы взрыв всполошил гостей Иогансона. Но было уже поздно. Над Синьозерьем полыхало пламя, на улице хозяйничали люди с красными звездочками и лентами на шапках.

Фашисты попытались с ходу разгромить бригаду крупными силами. Три дня кипели бои. Начинались с серым рассветом и прерывались в сумерки. Зрелым командиром показал себя в этих боях великолукский железнодорожник коммунист Вараксов. В бою за деревню Масловку он заменил тяжело раненного комбрига Лебедева.

Это был жестокий бой. Гитлеровцы мчались по снежному полю на санях, поливая высоту, на которой расположились партизаны, пулеметным огнем. Шли в полный рост в белых халатах, непрерывно стреляя из автоматов. Били по высоте из орудий и минометов. И каждый раз откатывались, неся большие потери. Выдержав многочасовую свинцовую метель, израсходовав боеприпасы, партизаны под покровом ночи совершили многокилометровый марш-бросок в Себежский район.

А спустя три дня багровое зарево зарумянило облака над соседней латышской землей. В заиндевшей тишине ночи в волостном центре Вецслабада (в 35 кило-

метрах юго-восточнее города Лудза) раздавались взрывы гранат и выстрелы партизанских пушек. Началась операция, в которой участвовало свыше семисот русских, латышских, белорусских и литовских партизан. Одним из героев налета был Вилис Самсон. Кроме оружия трофеями партизан стали крупные склады оккупантов.

Разгром гарнизона Вецслабады имел помимо боевого большое политическое значение. Впервые на территории Латвии заявили о себе крупные партизанские силы. Туда, в восточные районы оккупированной республики, устремились патриоты из Риги, Даугавпилса и других городов и сел Латвии.

Новогоднее радио донесло до Братского партизанского края канонаду с берегов Ловати. Советские войска ворвались в Великие Луки, уничтожили остатки частей вермахта, разбитых в многодневном сражении за город.

Получив эту радостную весть, секретарь подпольного Пустошкинского райкома партии Васильев собрал комсомольских активистов, которые должны были проводить беседы с населением деревень Пустошкинского и Невельского районов, на границе которых находились в те дни отряды 2-й калининской бригады.

— А что, если мы, Яков Васильевич, собрание молодежи проведем? — обратилась к нему Валя Карасева. — А после собрания песни и танцы, как до войны.

Кое-кто из ребят засомневался:

— Опасно все-таки. Фашисты рядом. И их немало.

Большинству собравшихся предложение Карасевой понравилось. Его поддержал и заместитель командира отряда коммунист Спиридон Калинин. Пошли все к комбригу Петру Васильевичу Рындину.

Он спросил:

— А сколько думаете пригласить народу?

— Человек двести, — ответила Нина Салазко, инструктор Калининского обкома комсомола.

— Это значит, люди будут из двух-трех десятков деревень?

— Да, примерно.

— Получается, с учетом своих ребят, целая молодежная конференция, — улыбнулся Рындин. — Заманчиво, но следует подумать. Фашисты, узнав о таком сборе, могут на нас авиацию бросить, не говоря уже об охран-ных войсках.

— А мы оповещение о собрании сделаем тайно и быстро,— заверила комбрига Нина Салазко.

К вечеру разрешение было получено. В зимнюю ночь поскакали комсомольцы в дальние деревни с приглашениями на молодежное собрание двух районов. А Рындин приказал направить на дороги бойцов в засады, усилить посты охранения на случай появления карателей.

...Низко стоит неяркое январское солнце, но в тот день оно сверкало искристыми блестками на поседевших от инея ветках. А может быть, это так казалось молодым партизанам и партизанкам, столпившимся в радостном ожидании у клуба деревни Морозово. Шутки. Смех. А где-то в глубине души тревожное сомнение: «А вдруг не приедут, побоятся?»

— Едут! Едут! Вижу сани,— закричала Нина Салазко, не сводившая глаз с пологого взгорья.

Вторые сани вырвались из соснового урочища. Третьи показались на берегу озера Язно. Баянист заиграл «Катюшу»... Гости все прибывали и прибывали. К полудню число их перевалило за двести пятьдесят. Не хватало мест — рассаживались на полу, на подоконниках.

Жадно выслушали собравшиеся доклад Васильева «Наступление Красной Армии и задачи молодежи оккупированных районов». О партизанской жизни, о своих боевых товарищах рассказали Лена Подрезова, Валя Карасева, награжденная медалью «За отвагу». Последней выступила Таня Васильева, бежавшая из эшелона, который увозил советских людей в фашистское рабство. Клятвой звучали слова: «Нет в мире краше нашей Родины. В неволе наш родной край сейчас. Но скоро придет освобождение. И мы не должны бездействовать. Бороться до победы — вот наш девиз. Никогда не склонять головы перед лютым врагом — вот долг всех честных русских людей. Никогда я не подчинюсь проклятым фашистам! Никогда!»

Горячо, страстно говорила девушка. А память воскрешала страшную картину недавнего прошлого... Поезд идет на запад. Медленно тянется, пропуская к фронту воинские эшелоны. К зарешеченным окнам прикикли заплаканные лица. Первая партия пустошан и невеличан, угоняемых в неметчину. В Брест-Литовске нужно было погрузиться в другой товарняк. А тут воздушная тревога. Растерялись конвойные. Вот тогда Таня и крикнула: «За мной, девчонки!» — и первой нырнула

под вагон пассажирского поезда... Шли ночами. Дневали в заброшенных постройках. Питались тем, что подадут добрые люди. Измученные, еле живые добрались до родных мест. И сразу в лес, к партизанам.

Собрание представителей молодежи тридцати деревень. Советские песни, исполняемые хором в триста с лишним человек. И это на оккупированной территории, в трех десятках верст от Пустошки, где размещался в те дни батальон полевых войск! Такое стало возможным только после образования Братского партизанского края.

«Красным бельмом» называли край в штабах охранных войск и направляли в его пределы отряды карателей. Они выжигали партизанские деревни, зверски расправлялись с населением.

В начале 1943 года командование фашистских войск приняло решение любой ценой ликвидировать Партизанский край. В январе — марте на его защитников обрушились две крупные карательные экспедиции: «Заяц-беляк» и «Зимнее волшебство». В первой участвовали четыре полка (один — охранных войск и три — полевых) и сводные отряды из десяти гарнизонов. У карателей были орудия, танки, авиация. Первый удар наносился по районам, контролируемым калининскими партизанами.

Две недели шли непрерывные бои на фронте в несколько десятков километров. Кульминационным пунктом стал бой за шоссе Себеж — Полоцк в районе села Павлово Россонского района. Здесь партизаны, трепавшие экспедицию по частям с флангов и с тыла, приняли открытый бой.

Основной удар враг обрушил на отряды бригад Бойдина и Гаврилова. Трудно пришлось отряду Ботова, когда в село ворвались танки, а за ними егеря, но смелой контратакой враг был отброшен. Дрались до последнего патрона. Вот смолк огонь на рубеже, обороняемом отрядом латышей. Туда помчался начальник штаба бригады Халтурин. «В чем дело?» — кричит. Первый попавшийся ему автоматчик протянул пустой диск.

В ход пошли гранаты.

К шоссе каратели не вышли, но Павлово заняли на... несколько часов. Когда сгустились сумерки, Бойдин скомандовал своему артдивизиону:

— Огонь!

Ночью 10 февраля каратели вынуждены были уйти из Павлова. «Заяц-беляк» обернулся для врага крупными потерями. Теснимые с флангов белорусскими и латышскими партизанами, гитлеровцы поспешно покидали Братский партизанский край.

Бой за Павлово был для объединенных партизанских сил весьма успешным. А для комбрига-комсомольца Бойдина особо памятным: вскоре после этого боя он был принят в ряды Коммунистической партии.

Провалилась и карательная экспедиция «Зимнее волшебство», несмотря на то что в ней участвовало вдвое больше оккупантов, чем в первый раз, и главным «волшебником» был сам обергруппенфюрер СС и генерал полиции Еккельн. Каратели наступали теперь с запада, со стороны Латвии. Латышские, калининские и белорусские партизаны скоординировали свои действия через объединенный штаб. Отряды защитников края заняли твердую оборону на западной границе свольненских лесов. Общее руководство боями было поручено уполномоченному ЦК КП Белоруссии и Белорусского штаба партизанского движения А. Ф. Бардадыну.

Жестокие бои развернулись на реке Свольне, на подступах к железнодорожным и шоссе магистральям. В тыл экспедиции партизанское командование забросило несколько спецотрядов. Грозой карателей стал отряд Вилиса Самсона. Неожиданно появляясь и внезапно исчезая, он минировал дороги под самым носом наступающих батальонов карателей, уничтожал подразделения боепитания, курьеров, рвал телефонную связь.

Карателям удалось наконец окружить отряд латышей. На деревни Красово, Потино, Василевщина, где находились партизаны, полетели бомбы. На штурм двинулось более двух батальонов гитлеровцев. Но тщетно. Самсон и его товарищи неожиданно дерзко контратаковали боевые порядки карателей и прорвали вражескую цепь. Семьдесят фашистов остались навечно в снегах Василевщины.

В последних боях понесли немалые потери и партизаны-латыши. В числе раненых оказались парторг спецотряда Имант Судмалис и сам командир. Под яростным огнем гитлеровцев санитарка Велта Апсит вывезла Самсона с поля боя и спасла ему жизнь.

Попытки карателей зажать защитников Партизанского края в кольцо продолжались до 20 марта. Парти-

заны не только устояли, но, получив с Большой земли боеприпасы, перешли в наступление. А тут подоспела оттепель — гитлеровцы окончательно лишились маневра. И тогда под прикрытием авиации начали отходить к своим крупным гарнизонам. Отступая, каратели неизменно придерживались тактики «выжженной земли». Горели деревни, хутора, лес. На многие версты посерел от пепла и дыма мартовский снег. Только в Освейском районе фашисты сожгли 158 населенных пунктов.

В период последней карательной экспедиции отделения СД и ГФП провели в Себеже, Опочке, Пустошке, Идрице, Красногородске и в Пушкинских Горах так называемую «мартовскую чистку» городского населения и жителей пригородных деревень с целью разгрома подпольщиков и разведывательной сети партизан. Но и эта карательная акция не принесла им успеха. Надежный, Абсолют, Алла Шубина и другие разведчики в стане врага сумели предупредить многих о возможных арестах.

Разведчика-информатора на станции Себеж Дмитрия Трофимова схватили в деревне у родителей утром 23 февраля. И прямо в город. Допрашивал помощник Венцеля. Ober-лейтенант размахивал плеткой, требовал:

— Укажи явки разведчиков Марго.

— Скажи, с кем связан в Себеже комиссар Кулеш.

Трофимов молчал. Его били плеткой, кулаками, сбивали с ног, пинали сапогами. Полураздетого выбросили на снег. Через полчаса все повторилось сначала: допрос, побои. На исходе третьего допроса в помещение вошел Венцель. Постоял, послушал крик своего помощника, затем, ехидно улыбаясь, сказал Трофимову:

— Гут. Ты есть красный зольдат. Тебя не будут виселица. Будет кугель, пуля по-руссиш.

И тогда арестованный впервые разжал искусанные губы:

— Стреляй, шкура фашистская!

...По узкой дорожке кладбища шагают трое. Впереди — босой, в исподнем белье Трофимов. За ним солдат с автоматом и ober-лейтенант. «Последние шаги в жизни... Буквально до смерти четыре шага... Видно, у одинокой сосны... А донесение так и не передал... Отец, конечно, догадался — не вернусь...» Эти мысли одна за другой мелькают в голове, а глаза зорко осматривают

местность впереди. «Только бы не выстрелили в спину. Хорошо, что свободны руки, просто так убить себя не дам».

— Ты будешь мишень. Станешь у сосны. Я буду стрелять в твои руки, потом глаз.

Это говорит скороговоркой обер-лейтенант. «Ишь как насобачился лопотать по-нашему», — думает Трофимов и, чувствуя толчок автомата в спину, неторопливо шагает по целине к сосне.

Солдат ставит приговоренного к дереву. Движением автомата приказывает поднять руки и на какой-то миг загоразживает его от офицера, вынимающего парабеллум. Собрав остаток сил, Трофимов толкает солдата в снег и прыгает в сторону, к кустам. Выстрелы. Крики. Пули задели плечо, руку, а он бежит, бежит...

Окровавленный, с обмороженными ногами ввалился Трофимов в избу к партизанскому связному Пахомову, пробежав болотом и лесом более пяти километров. Только и сумел выговорить:

— Выручай, Федор...

— Да ты, никак, с того света, Дмитрий? — изумленно проговорил Пахомов и подхватил падающего Трофимова.

Долго лежал разведчик в лесном госпитале, а поднявшись на ноги, стал лихим партизаном-подрывником. Позже в наградной лист «расстрелянного» Д. И. Трофимова было вписано:

«...Подорвал 31 рельсу на железной дороге Рига — Москва... На шоссе Опочка — Мозули уничтожил телефонно-телеграфную связь... Участвовал в разгроме двух немецких гарнизонов».

Еще дымились пепелища, оставленные карателями на месте белорусских деревушек, еще не зачуживали на лесных полянах косачи, возвещая торжество весны, а по зачерневшим дорогам уже скакали партизанские гонцы. Штаб партизанского движения Калининской области разработал операцию «Савкинский мост». Уполномоченные штаба майоры Алексей Иванович Штрахов и Иван Иванович Веселов собрали на совет командиров и комиссаров нескольких бригад.

Неширока речка Неведрянка у деревни Савкино, да оба моста через нее повисли на десятки метров. А железнодорожная ветка Себеж — Новосokolьники стратегического значения, до тридцати воинских эшелонов про-

пускала в сутки. Орешек крепкий: проволочные заграждения в четыре кола, дзоты, минные поля у самой насыпи, сильная круглосуточная охрана. Но партизанские комбриги уже созрели для больших, масштабных операций. И на совете на вопрос Штрахова: «Сможем ли одновременно с налетом на мост громить и блокировать пять крупных гарнизонов противника?» — все ответили однозначно: «Да».

...Пасмурно. Сыро. А на обочинах раскисшей дороги все до единого жители села Чайка. По дороге идут партизаны. Их много, очень много. Впервые за годы оккупации крестьяне видят столько людей с красными звездами на шапках. Истоиво крестят старухи молодых бойцов, шепчут:

— Помогите вам бог одолеть супостата.

Улыбаются партизаны:

— Спасибо на добром слове. Бог-то бог, да сам не будь плох.

22 отряда из пяти калининских бригад и отряд белорусов стали на марш в полдень 30 марта 1943 года. Ночью партизаны заняли исходные рубежи для штурма. В четыре часа утра 31 марта в небо взвились две зеленые ракеты...

Лаконичен язык документов. Оперативная сводка штаба партизанского движения сообщала 3 апреля:

«В ночь на 31 марта 1943 года на железнодорожной линии Идрица — Пустошка, в районе Савкино, уничтожено 2 крупных железнодорожных моста через р. Неведрянка. Дорога выведена из строя. На шоссе на дорогах Идрица — Пустошка, в районе Могильно, разрушены оба моста через р. Неведрянка. Движение транспорта по обеим дорогам приостановлено.

На шоссе Пустошка — Сутоки уничтожено 2 крупных моста, движение по дороге также прервано.

На подступах к району основного удара — Савкино — по обеим сторонам разрушено железнодорожное полотно в 16 местах. Разгромлены охрана всех мостов и гарнизоны Савкино, Могильно и Нащекино. Разгромлены и сожжены 3 немецких склада с продовольствием и фуражом. Уничтожено немецкое скотоводческое подсобное хозяйство. Разгромлены 2 волостные управы. Обстреляны гарнизоны противника в Сутоках и Горы...»

Завершающим аккордом операции «Савкинский мост» было уничтожение в ночь на 14 апреля 1943 года

фашистского гнезда в селе Сутоки — форпоста мелких гарнизонов на стальной магистрали Себеж — Пустошка. Успех обеспечили внезапность и умелые действия отрядов бригады под командованием Николая Михайловича Вараксова.

Враг ожесточенно сопротивлялся даже тогда, когда партизаны преодолели проволочные заграждения и ворвались в траншеи. Засев в каменных зданиях школы, больницы и аптеки, гитлеровцы губительным огнем отсекали бросавшихся на штурм бойцов. Пожар демаскировал партизан. Окончательную победу принес смелый бросок к зданиям, где засели гитлеровцы, гранатометчиков во главе с балтийским моряком Сергеем Шувачевым. Гранаты и термитные шары сделали свое дело.

Лишь два десятка фашистов выбрались на лед Сутоцкого озера. Известно, что лед русских озер и рек еще со времен разгрома немецких псов-рыцарей на Чудском озере всегда был непрочным для иноземцев-захватчиков. Таким он оказался и на этот раз.

На побуревший хрупкий лед легла последняя автоматная очередь.

«А озера тут голубые...»

Кто вырастил тебя, гордое
и мужественное племя? Где
ты нашло такую силу гнева
и ярость такую?

Леонид Леонов

Июнь. В древней Руси этот месяц назывался «изок» (кузнечик) и считался концом предлетья. Чудесная пора — теплые ливни, ясные зори.

Рита Ляшкевич любила в такие дни заплывать на лодке далеко-далеко от берега и любоваться отсюда тающими очертаниями прибрежных зданий. Себеж казался ей сказочным градом Китежем, поднявшимся из озерных пучин. Остановит, бывало, лодку, опустит длинные каштановые косы в воду и смотрит, как отражается в ней небо.

Рита мечтала парить в воздушном океане. Приехав на каникулы в родной город в июне сорок первого, она безапелляционно сказала закадычной подруге Кате Крыковой:

— Все равно полечу. Вот посмотришь: вернусь на берега Невы — и сразу на занятия в клуб. Медкомиссию я уже прошла, с парашютом знакома.

А любимому — молодому авиатору писала:

«...Прощаюсь с юностью. Часто, взяв гитару, отправляюсь в плавание. А озера тут голубые...»

Письмо в Ленинград отправлено не было. Себеж заняли фашисты. Загадили, осквернили все, что было до боли дорого. Рита еще не успела по-настоящему осознать происходившее — обрушилось неожиданно. Она, мечтавшая подняться в небо, не расстававшаяся с томиком любимого Пушкина и декламировавшая стихи Маяковского, — дочь частного торговца. Заискивающий перед врагами отец. Безропотная мать с ее мольбой о терпении. Мальчишка брат, прельстившийся формой полиция... Тяжело переживала девушка предательство близких, не жила, а пребывала в каком-то мутном, грязном тумане. Даже о самоубийстве подумывала. Но однажды, в первые дни 1943 года, пришла в ортскомендатуру. Тебя свои чудесные косы, потупив взор, тихо сказала:

— Хочу помогать новой власти.

— Гут, гут,— расплылся в улыбке помощник коменданта и, мешая русские и немецкие слова, затараторил: — Ваш фатер говорит нам. Ви умный, красивый фрейлейн...

Теперь нередко, идя на службу, Рита слышала позади себя осуждающие голоса:

— И эта тоже... Девка продажная...

Нет! Комсомолка Ляшкевич не продала ни свои идеалы, ни свою мечту. И девкой фашистской не стала, хотя многие офицеры гарнизона добивались ее благосклонности. А пошла работать в управу Рита по совету Ивана Елисеева — разведчика Надежного.

«Я,— докладывал позже Елисеев комбригу Марго,— давно за ней наблюдал. Девчонка тряслась вся, когда гитлеровцы к ней приставали. Стал и я «ухаживать». Как-то подошел к ней, а она мне:

— Чего зенки пялишь, холуй фашистский?

— Выбирай выражения,— говорю.— Сама-то...

Вскипела пуще прежнего:

— Подстилка фашистская, хочешь сказать?

— Нет,— отвечаю.— Ты настоящая. А вот вид бы следовало делать, что такая же, как я.

Опешила. А я повторяю:

— Вид только, а служить — нашим.

Уже засомневалась:

— Кому — нашим? Шутту твоему, что ли?

— Дуреха. Нашим — Конопаткину, Марго. Небось, слышала такие фамилии?

Повернулся и ушел. Риск, конечно, был, но дело выгорело. Дня через три сама меня разыскала. Спрашивает:

— Иван, а ты и вправду меня свяжешь с нашими?

Стоит бледная, в глаза смотреть жутко. Ну я и пообещал».

Так в списках служащих учреждений «нового порядка» появилась запись: «Маргарита Ивановна Ляшкевич». А в партизанских штабах имя новой разведчицы — Жданова.

Точно и быстро выполнила Жданова первое задание: сняла копии с документов, характеризующих налоговую политику оккупантов. Затем второе — передала в штаб бригады список сотрудников городской и районной управ с краткой характеристикой каждого. А дальше было такое, что вызвало удивление даже у Надежного.

...Лесник Иван Ананьев собирался в Себеж — зачем-то вызвали в хозкомендатуру. Неожиданно дверь распахнулась, и в избу вбежала запыхавшаяся девушка. Спросила:

— Вы Ананьев Иван Васильевич?

— Я, госпожа Ляшкевич, — ответил лесник, узнав в пришедшей сотрудницу городской управы.

— Немедленно уходите с семьей в лес! Через час здесь будут жандармы. Да не госпожа я, — с укором бросила девушка и покинула избу.

«Не провокация ли?» — подумал Ананьев. Но уж очень искренне взволнована была принесшая тревожную весть.

Поверил и был спасен. В тот день несколько человек, связанных с партизанами, получили различными путями предупреждение: немедленно в лес! Всю ночь не спали сотрудники Венцеля и солдаты подразделения охранных войск — рыскали по близлежащим деревням. Операция не принесла ожидаемых результатов.

Не спала в ту дождливую и хмурую ночь и Маргарита Ляшкевич. Побывав у лесника, она впервые реально ощутила, какую помощь может оказать делу, с недавних пор ставшему главным в ее жизни. Рита даже рассмеялась про себя, вспомнив, как все это было. Не больше трех минут отсутствовал в кабинете бургомистра помощник Венцеля, уточнявший адреса некоторых жителей, но ей было достаточно этих минут, чтобы запомнить фамилии людей, которым угрожал арест.

С упоением, необычайно смело действовала Ляшкевич летом и осенью 1943 года, чтобы добыть разведывательную информацию. Трижды передавала она через Елисеева сведения о прибывших в Себеж новых воинских частях, несколько раз предупреждала партизан о карательных экспедициях, узнавала пароль, пользуясь которым в город проникали связные партизанской бригады, подрывники.

Надежный был настоящей опорой партизан в стане врага. Он не стал разведчиком-одиночкой (что, конечно, тоже бывает оправданно), а сколотил небольшую группу информаторов. В нее входили: Анна Чайкис из городской больницы, Григорий Сенченков со станции Себеж, Семен Дмитриев из гражданской полиции, Маргарита Ляшкевич из городской управы. На железной дороге у него были два смелых разведчика: Рыбин (Иван

Биццоко) и Войтин (Александр Иванов). Как ремонтные рабочие, они имели доступ к некоторым важным объектам. Помог Надежный установить контакт Конопаткину и с переводчиком фельдкомендатуры по кличке Вальтер — Леонидом Андреевым. Одновременно имел с ним полезный контакт и начальник разведки белорусской бригады Романова — Машерова старший лейтенант Казарцев.

В 1943 году в столицу озерного края — Себеж протянулись нити не только от бригады Марго — Кулеша, но и от других партизанских формирований. В городе действовала подпольная группа Артема (Квича), связанная с 4-й Калининской бригадой, подпольщики, выполнявшие задания Казарцева, спецгруппы Подгорного. Конспирация не всегда соблюдалась. Относительная на первых порах неуязвимость породила некоторую неосторожность и непредусмотрительность. Все это было чревато бедой.

И она пришла. Тайная полевая полиция внезапным ударом разгромила группу Лапшова. Все ее члены были отправлены в Идрицу, в гестаповский застеночек «Воркующий голубь», где и погибли. Спаслась лишь жена Лапшова — Степанида Корнеевна. С четырьмя детьми (старшему, Саше, было восемь лет) она укрылась в урочище Лоховня, где в то время находился один из отрядов бригады Марго.

Вынуждены были уйти в бригаду супруги Голубевы — незаменимые связные, помогавшие Конопаткину с сорок первого года. Подался в лес и Надежный. О возможности ареста его предупредил Вальтер. Но разведывательная и другая информация из Себежа в бригаду Марго по-прежнему поступала регулярно. Ее добывали, подвергаясь ежедневно смертельному риску, Жданова, Еж, Крокодил, разведчики группы Валентины Сергеевой, бывший колхозный счетовод Захар Дмитриевич Шутов.

Еж. Нет, не колючий, а добрейшей души человек скрывался под этой кличкой. Скромный служащий Себежского райпотребсоюза Василий Платонович Березкин был уже тяжело больным человеком, когда в город ворвались фашисты. Пришло время делом оправдать слова, которые он часто повторял детям: «Главное в жизни — быть чистым перед совестью и людьми». И Березкин стал бойцом невидимого фронта.

Начал Василий Платонович с листовок. Их перенисывали и распространяли его дети Валентина, Леонид, Вадим. Затем занялся сбором разведывательной информации, устроившись работать в хозкомендатуру. Дом Березкиных весь 1943 год был явочной квартирой разведки бригады Марго. Жена Березкина — Домна Константиновна занялась портновским делом. Связные партизан приходили к Василию Платоновичу под видом казачиков.

Почему молодая себежанка — учительница Нина Васильева получила в разведке кличку Крокодил, сейчас никто не помнит. Но, судя по эпизоду, о котором будет сейчас рассказано, кличка за ней закрепилась.

Зона наблюдений у Нины была весьма важная — станция Себеж. Разведчица довольно часто появлялась там. Веселая, смешливая, она держалась свободно среди гитлеровцев, всем своим видом и поведением давая понять: «Я молода, симпатична. Ну и что же из того, что идет война. Хочется веселья, увлечений...»

И пожилой офицер, инженер-железнодорожник «клюнул», пригласил «фрейлейн Нину» погулять на лоне природы. Васильева, потупив глаза, спросила:

— Удобно ли?

Офицер стал настаивать. Сверкнув улыбкой, Нина согласилась. О! Она понимает: у господина офицера так много хлопот и забот, нужен, бесспорно, и отдых.

И «отдых» состоялся. В густом кустарнике, куда увел гитлеровец Васильеву, он попал в могучие объятия богатыря в морском бушлате.

— Черная смерть, — прошептал в ужасе незадачливый ухажер.

«Черной смертью» был один из лучших разведчиков бригады Марго старшина первой статьи Сергей Черевков. Участник героической обороны Таллина в августе сорок первого, Черевков, оставшись после ухода кораблей в Кронштадт в тылу врага, около года воевал с фашистами в одиночку, пока не нашел группу Володина. Балтиец неудержимой отвагой завоевал любовь новых товарищей. В боях и походах он никогда не расставался с бушлатом и бескозыркой.

«Железнодорожный язык» оказался после знакомства с «черной смертью» разговорчивым, и новый заместитель комбрига по разведке Петрович не мог нахвалиться Васильевой.

— Ну разве не крокодил? Живьем немца заглотила. Целиком и с оружием, — говорил он Марго, докладывая о результатах допроса.

Марго везло на заместителей. Павел Никитович Петрович, сменивший Конопаткина (Центральный штаб партизанского движения направил Пантелеймона Петровича командиром спецгруппы в Белоруссию), был из племени солдат Великого Октября. Он слушал Владимира Ильича Ленина в 1917 году у дворца Кшесинской в числе делегатов конференции фронтовиков. В октябрьские дни нес дежурство у орудий на Пулковских высотах. Шел с винтовкой в руках на тупомордые броневики интервентов под Каховкой и Луганском, штурмовал Перекоп. А все двадцать лет мирной жизни трудился вблизи латвийской границы. Знал хорошо леса и себежские, и белорусские, и в Латгалии. Почти в каждой деревне у старого коммуниста были верные друзья, надежные люди.

Авторитет Петровича среди партизан (и не только бригады Марго) был исключительно высоким. «Командир у нас Марго, комиссар Кулеш, совесть бригады — Петрович», — говорили бойцы о Павле Никитовиче. К нему шли за советом, с просьбами, рассудить спор. С его мнением, как и с мнением погибшего в весенних боях Никонова, всегда считался и комиссар бригады.

Петрович много сделал для упрочения связей с подпольщиками и разведчиками Опочки. Город на Великой после прорыва советскими войсками блокады Ленинграда приобрел особое значение. Здесь проходил один из основных участков пресловутой линии «Пантера», которую фашисты начали усиленно возводить летом 1943 года.

Весь год партизаны, а с их помощью и армейское командование получали из Опочки надежные сведения о противнике. Главным «поставщиком» их была группа разведчицы Абсолют. Горбился лед на Великой, и на ее протоках бурлило весеннее половодье. Наступило лето, и с заливных лугов тянуло хмельным запахом буйно разросшихся трав. Расстилала золотые ковры по земле осень. Шли дни — менялись краски природы. Рая Гаврилова жила, не замечая всей красоты, всего того, что раньше радовало и заставляло трепетно биться девичье сердце. Теперь ее занимали и интересовали только циф-

ры, обозначавшие либо номера воинских частей, либо количество солдат в них.

Цифры. Номера. О как они умели говорить, когда попадали на стол в штаб воинской части или в землянку партизанских командиров! Разведчица Абсолют только в одном из донесений сообщила в бригаду Марго следующие номера воинских частей: 34607, 20401, 12498, 24494, 66068, 07803 и 24371. Это были войска, проследовавшие в ленинградском направлении. И около каждого номера стояла другая цифра — количество солдат в части.

Добывать такие сведения становилось с каждым днем все труднее. Части вермахта теперь в большинстве случаев проходили через Опочку, не задерживаясь в городе. А на отдых останавливались и того реже.

Появилась и дополнительная опасность для Гавриловой. После казни в декабре 1942 года группы молодых подпольщиков в соседнем городе Острове Рая не могла не обратить внимания на то, что Райхерт стал к ней особенно внимателен. Некоторое время она не могла понять, в чем дело. Но один случай заставил Гаврилову насторожиться. Однажды Раю вызвала в коридор знакомая. В кабинете Мюллера в этот момент никого не было, а Райхерт шел туда. Кокетливо раскланявшись с ним, Гаврилова быстро выпроводила посетительницу и, подойдя к двери, заглянула в замочную скважину. Гестаповец рылся... в ее сумочке.

И тогда Абсолют приняла контрмеры. В хозкомендатуру часто приезжал за пайком старший полицейский волости Иван Максимов, известный в то время под фамилией Чемоданова. Вместе со своим братом, уголовником Михайлом, Максимов предал многих советских патриотов. В один из его приездов в Опочку Гаврилова слышала, как он, будучи под хмельком, что-то говорил своему односельчанину о карательном отряде. Рая, еще утром сообщившая Кардашу о готовящемся выходе карателей в направлении села Глубокого, как только отряд вышел за пределы города, доложила Райхерту о «непростительной болтовне» Максимова-Чемоданова. Последний пытался отпереться, но солдат-кладовщик подтвердил слова Гавриловой. Так Рае удалось вернуть расположение и доверие гестаповца.

Петрович строго соблюдал правила конспирации и на связи с Гавриловой держал только Раю Кардаша,

который встречался с ней, как правило, с глазу на глаз. В одну из таких встреч Кардаш был удивлен, увидев рядом с разведчицей незнакомую, лет тридцати пяти женщину. Гаврилова не дала ему и рта раскрыть.

— Рэмка, знакомься: наш новый товарищ. Фамилия — Андреева. Это для нас. А для вас — разведчица Олень. Передай начальству: товарищ верный, ручаюсь за нее.

Как по-разному обрадовались бы два человека, если бы узнали тайну Оленя! Одним из этих двоих был бы гестаповец Райхерт, искавший ту ниточку, которая связывала партизан с подведомственными ему учреждениями «нового порядка» в Опочке. Вторым — советский генерал Василий Максимович Оленин, в начале войны получивший сообщение о гибели семей военных из Осовца, среди которых была и его семья. В душе Оленина теплилась надежда (ведь всякое бывает): вдруг чудом спаслись его близкие?

Став разведчицей, Мария Федоровна Андреева теперь не только рассказывала крестьянам, возившим торф, о положении на фронте, но и интересовалась, в каких деревнях дислоцируются подразделения строителей. Нередко, якобы с целью уточнения нарядов на сдачу торфа, Андреева и сама появлялась у объектов «Пантеры». Однажды ей удалось сделать набросок плана расположения складов горючего и одного из участков оборонительного плацдарма гитлеровцев. Через несколько дней наша авиация бомбила этот район.

Кардаш не только охотно, но с особым удовольствием выполнял поручения Петровича, отправляясь на явку к Абсолют. Он восхищался смелостью и предусмотрительностью девушки. Ему нравился голос Рая — то нежный, то гранитно твердый, то немножко насмешливый, когда, окончив официальный разговор, она вдруг просила:

— Рэмка, прочти на прощание стихи. Как это там у тебя?

Теперь ты наш: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле.

Пытаясь скрыть смущение (Рэм понимал, на что намекает Рая), он нарочито грубо говорил:

— Эх ты, физмат несчастный! Это же Пушкин.

И в тот раз, когда Гаврилова пришла на явку с Андреевой — Олениной, Рая, провожая Рэма лесной тропой, попросила:

— Рэмка, как всегда — стихи. Жду.

В глазах девушки таилась печаль. Рэм заметил это и тихо произнес:

Твой взгляд — да будет
Тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

— Блок?

— Да, Блок.

— Спасибо, Рэмка. Блок прав:ждемся мы, будет все прекрасно. И поезд понесет тебя к твоей Людмиле.

— Миле, — поправил Рэм и, улыбнувшись, добавил: — А самолет доставит к тебе твоего Николая.

Постояли молча. Солнечный диск склонился к синелиловой полоске бора. Неожиданно раздалось: «Ку-ку!»

Рая встрепелулась.

— Кукушка, кукушка, божья птушка, сколько мне лет ходить по грешной земле?

«Ку-ку!» — тревожно замирая, прозвучал ответ из чащи.

— Плохи мои дела, — грустно рассмеялась Гаврилова. — Один год. Маловато...

— Ерунда. Кукушкам верить можно только по весне.

— Почему?

— В июле все они давятся колосом, — безапелляционно заявил Рэм. — Ну, я пошел.

— Ни пуха ни пера.

— К черту!..

Катилось по земле лихо. Шли бои. Гибли люди. Горели города и села. Земля горела, но... Как был прав поэт:

Огонь войны не сжег в душе, не выжет
Ни нежных чувств,
Ни дорогих имен.

Нежно, по-дружески относилась Рая к Рэму, по-рыцарски вел себя Рэм. Но они еще и любили — горячо, верно. Ее Николай был где-то на фронте. Девушка с длинными русыми волосами и голубыми глазами, которую Рэм иначе как Мила не называл, — в эвакуации, в глухой деревушке где-то на средней Волге.

Любили и их.

Вот строки из писем¹:

«...Я с 23 июня 1941 года все время нахожусь в боях. Не знаю, где ты, что с тобой, но я уверен, что ответ придет. Жажду получить весточку... Остаюсь по-прежнему Вас любящий Николай».

«...Случается, ночью вертишься, вертишься с боку на бок, а потом вскочишь с кровати, выбежишь на улицу и ходишь, ходишь по деревне из одного конца в другой... Рэм, хороший мой. Я до сих пор была не совсем искренна с тобой. Я скрывала не только от тебя, но и от самой себя чувство, которое я питаю к тебе... Я впаду в безграничное отчаяние, если ты не получишь этого письма... Любящая тебя Людмила».

Нет! Не получили ни Рэм, ни Рая этих писем. Вышло, что оказалась права кукушка. Но об этом позже...

Самоотверженно выполняли задания партизанских штабов летом и осенью 1943 года сестры Алексеевы и Надя Литвиненко. Надя знала немецкий, и это помогло ей устроиться на работу в зенитную часть оккупационных войск, которая стояла в городе. Изредка она встречалась с Раей. Это были минуты душевной разрядки: разведчицы вспоминали довоенную жизнь, потихоньку пели советские песни.

— Надюша, пожалуйста, давай «Сулико», — просила Рая. — Впрочем, сначала спой про Янку, одна. Никто лучше тебя не поет эту песню.

Надя никогда не отказывала подруге. Чуть слышно начинала:

У субботу Янка
Ехал вдоль реки,
У реки Алена
Мыла рушники.
У маркоте Янка
Головой поник.
Упустила девка
Беленький рушник...

Пятеро отважных снабжали партизан не только разведывательной информацией. Самолеты с Большой земли были не частыми гостями у калининских партизан, которые постоянно испытывали нужду во взрывчатке и медикаментах. На вес золота ценились махорка, соль. А йоду и другим лекарствам цены не было. Через Опочку проходило много воинских частей, что делало неза-

¹ Личный архив автора.

метным исчезновением с гитлеровских складов медикаментов, табака и соли. Рэм Кардаш и Николай Алексеев уходили теперь с явочных квартир нагруженными до предела.

Со второй половины 1943 года в Опочке начала активно действовать новая группа подпольщиков. Ее организатором был Николай Васильевич Васильев, в прошлом скромный работник Опочецкого райпотребсоюза, получивший во время советско-финляндского вооруженного конфликта тяжелую контузию. Васильеву удалось войти в доверие к оккупантам, и в его ведении оказался склад зерна на железнодорожной станции. Помощниками Васильева стали жена командира Красной Армии Ольга Давидович, приехавшая перед самой войной погостить к родным в Опочку, и комсомолка Галя Тихомирова. Обе они работали у Васильева на складе. Несколько позже членами группы стали Люся Царенок (работала в бане), ее мать — член партии Анна Царенок, пятидесятилетняя уборщица станционной столовой Ефросинья Андреева и две Зины — Кучерова и Константинова. Отдельные задания Васильева выполняли его племянница Тоня Васильева (чертежница-геодезист) и отчаянно смелый паренек Юра Федоров.

Группа Васильева была тесно связана с партизанской бригадой Гаврилова. Подпольщики передали партизанам много патронов, медикаментов, зерна, регулярно снабжали отряды разведывательной информацией. Мать и дочь Царенок переправили в лес к партизанам более десяти бежавших из плена красноармейцев.

Весь год поступала разведывательная информация в партизанские штабы и от Ивана Дмитриевича Шпилькина, сдержавшего слово, данное чекистам. А вскоре к дому Шпилькиных протянулась и вторая ниточка связи с партизанами: младший Шпилькин стал разведчиком-информатором спецотряда. Связь с отрядом осуществлялась через Тоню Уразову — приемщицу хлебопункта.

И, конечно, рядом с Ванькой Шпилем был его неразлучный друг Корнер-младший — Олег Корнев. Подружки составили и передали в спецотряд план города с точным указанием размещения вражеских зенитных орудий, дотов, складов боеприпасов. Получив антифашистские листовки на немецком языке, Олег разбросал их у входа в солдатскую казарму, а одну даже рискнул показать пожилому немцу ефрейтору Альберту, который

был старшим в гараже, где Корнев работал учеником слесаря. Паренек знал, что ефрейтор неплохо относится к рабочим автомастерских. Альберт прочел листовку и, пряча ее в карман, сказал Олегу:

— Я оставляйт этот бумаг себе. Ты нитчего не даваль, я нитчего не браль.

В спецотряде Корнев имел кличку Мороз, а Шпилькин — Огонь. Ребята гордились этим. Олег в своих донесениях после подписи Мороз часто рисовал новогоднего Деда Мороза.

Основные боевые действия советских партизан направлялись и планировались, что являлось одной из важнейших особенностей партизанского движения в период минувшей войны... Оперативная группа при штабе армии. Штаб партизанского движения области, республики. Ежедневно, ежечасно шла здесь кропотливая работа: готовились отряды и спецгруппы для заброски во вражеский тыл, довооружались и снабжались боеприпасами действовавшие бригады, координировались совместные действия с частями Красной Армии. Велась такая работа подчас малыми силами в сжатые до предела сроки. «Дирижерами» партизанских дел были люди энергичные, побывавшие в боях. И сердцем горячие.

Старший батальонный комиссар Соколов, расставаясь с родным полком, сражавшимся с фашистами в верховьях Волги, знал: его ожидает новое назначение. Но что ему придется возглавить группу, а затем и штаб партизанского движения, он не предполагал. Выслушав возражения Соколова, командующий армией генерал-лейтенант Курасов сказал:

— Военный совет уверен, что справитесь. Дело это, Степан Григорьевич, новое, но весьма важное для нас. Беритесь за него и всегда помните: партизаны — родня солдатская.

Солдатскую службу Соколов знал хорошо. В незабываемом девятнадцатом году, когда империалисты обрушили на молодую республику Советов свинцовую метель, вместе с тысячами и тысячами красных бойцов взял оружие в руки и шестнадцатилетний комсомолец, сын калужского плотника.

Соколову было что защищать. Отец умер, когда Степану едва минуло пять лет, а в семье — двенадцать душ. В восемь лет — подпасок, а в тринадцать — «мальчик» в булочной купца.

Великий Октябрь зачеркнул купца, перед Степаном открылась дорога в жизнь.

В начале двадцатых годов Соколов — член Московского уездного комитета комсомола. В 1924 году Степан Григорьевич вступает в партию, а в следующем году его призывают на срочную службу. По возвращении из армии Соколов становится во главе партийной организации крупнейшего судостроительного завода. Затем — секретарь райкома, учеба в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, работа в МК ВКП(б), секретарь парткома большой стройки, позже — секретарь парткома завода высококачественной легированной стали.

И вот Соколов — «дирижер» боевых дел калининских партизан в дни, когда в Братском партизанском крае началась подготовка к участию в операции «Рельсовая война».

Операция «Рельсовая война» была разработана Центральным штабом партизанского движения. Продолжалась она весь август и половину сентября 1943 года. Одновременный налет на стальные магистрали осуществлялся на территории протяженностью около 1000 километров и в глубину до 750. Первый удар наносили белорусские, орловские, смоленские, калининские, ленинградские, латышские и литовские партизаны, объединенные в 541 отряд. Главной целью операции было вывести из строя путевое хозяйство, взорвать как можно больше рельсов.

Подготовка этой операции потребовала от подполковника Соколова и его помощников огромных усилий. В бригады и отряды калининских партизан было заброшено около 15 тысяч килограммов тола, большое количество капсюлей, бикфордова шнура, медикаментов, питания для раций. Для оказания помощи участникам операции на оккупированную территорию отправился офицер опергруппы Ковальчук, а 22 июля туда вылетел и Соколов.

Поначалу у карты, с комбригами, а затем в отрядах был отработан ряд вариантов «грозы на чугунке» на магистралях латвийского направления Резекне — Ново-сокольники и белорусского Невель — Клястицы. Эти дороги были разбиты на 12 участков, и каждый участок закреплен за определенной бригадой или отрядом.

И «гроза» разразилась. В одну ночь было подорвано

5500 рельсов! Отдельные участки дороги представляли собой нагромождение поваленных телеграфных столбов, покореженного металла.

Владимир Иванович Марго, вспоминая начало операции «Рельсовая война», рассказывает:

— Ночь с 3 на 4 августа выдалась теплой и темной. Тишина необычная — не верится, что справа, слева, сзади притаились сотни подрывников и бойцов охранения. Ребята даже радовались, когда тишину вдруг нарушал выстрел, — так были напряжены нервы. Стрелял кто-нибудь из патрулирующих солдат-гитлеровцев для бодрости духа.

Мы ждали сигнала. И вот зеленый огонек ракеты. Все бросились к полотну железной дороги. Тол быстро и ловко укладывали под блестящие рельсы. Дуги трассирующих пуль расчерчивали небо. Это вели огонь блокированные партизанами в будках, казармах, стационарных зданиях подразделения гитлеровцев. Другого им ничего не оставалось.

Еще ракета. Красная. Для нас это означало: быстро в укрытие, горит бикфордов шнур. И наконец взрывы.

Операция «Рельсовая война» всполошила генералов вермахта. В дневнике ставки немецкого главнокомандования появляются записи:

«4 августа. Восток. Движение по железным дорогам на востоке часто прекращается из-за подрывов рельсов. В районе группы армий «Центр» 3.8 произошло 75 больших аварий и 1800 взрывов. Движение поездов... прекращено с 4.8 на 48 часов».

«6 августа. Восток. За последние ночи существенно изменилось положение на железных дорогах из-за молниеносно проведенной серии взрывов, которая парализовала все движение в тылу группы армий «Центр»».

Не лучше выглядели дела гитлеровцев и на железных дорогах в тылах группы армий «Север». Только калининские партизаны за август подорвали 25 тысяч рельсов, то есть более половины всех рельсов, уложенных на дорогах Новосокольники — Резекне, Невель — Клястицы.

Начальство строго наказало комендантов пристанционных гарнизонов и руководителей различных служб оккупационного аппарата. Одни были сняты, другие направлены на фронт. В районы Зилупе, Себеж, Идрица, Клястицы прибыли 1-я бригада СС, 475-й рабочий

батальон, бронепоезда, 263-й и 495-й батальоны полевых войск. Через каждые 500—700 метров вдоль полотна железной дороги появились дзоты, пулеметные и минометные ячейки, был вырублен лес, близко подходивший к железной дороге.

Не успело немецко-фашистское командование наладить охрану стальных магистралей, как 19 сентября Центральный штаб партизанского движения начал новую операцию под кодовым названием «Концерт». К участию в ней были дополнительно привлечены спецгруппы и отряды партизан Эстонии, Карелии, Крыма, Украины. Численность участников «Концерта» перевалила за 120 тысяч человек. И нельзя не согласиться с английским буржуазным историком Джоном Фуллером, писавшим позже в своей книге «Вторая мировая война», что партизаны «вселяли ужас в сердца немецких солдат, разбросанных вдоль бесконечной линии сообщения». Любопытен вывод, который сделал Фуллер: «На огромных пространствах, через которые проходили коммуникации, партизанские отряды играли такую же роль, как стаи подводных лодок в Атлантическом океане».

Название сентябрьской операции на железных дорогах понравилось партизанам. Осенью 1943 года каждый групповой выход на «чугунку» стал именоваться «концертом». Замелькало это слово и в радиограммах. У партизанских костров распевались частушки:

Мы, ребята, партизаны,
Любим скромные дела:
Ежедневно на «Варшавке»
Кувыркаем поезда.

«Кувыркались» фашистские эшелоны не только на главной магистрали, ведущей к Ленинграду, — Варшавской железной дороге, но и на дорогах Латвии, Белоруссии, на границах Братского партизанского края. Летопись войны в тылу врага хранит имена многих отважных и искусных партизан — участников «концертной деятельности» во второй половине 1943 года. В латышском отряде Вилиса Самсона прославились подрывники Волдемар Паэглис и Василий Кононов, пустившие под откос более десятка вражеских эшелонов каждый. В 4-й Калининской партизанской бригаде первенство держала подрывная группа Ивана Лукина.

Лукин был мастером на всевозможные сюрпризы. Однажды он изготовил мину замедленного действия — влил в тол химический замедлитель с детонатором. Мина была заложена вблизи станции Посинь с расчетом, что ее обнаружит патруль. Так и получилось. Фашисты сняли с мины наружный взрыватель и привезли ее в гарнизон — не пропадать же добру. Положили в минный склад в подвале казармы. Через два дня казарма взлетела на воздух.

...Эшелон шел из Латвии к линии фронта. На платформах — зачехленные орудия, бочки с бензином. В отряде об этом узнали поздно, и все же командир решил: надо успеть.

— Постарайтесь, ребята, — обратился он к подрывникам Боровкову и Ермакову. — Нельзя пропустить гадюку дальше. Спешите наперехват. И как можно быстрее.

Молодые ноги быстро донесли подрывников к полотну железной дороги. А выйти на насыпь нельзя: усиленное патрулирование. Залегли ребята в кустах.

— Петро, давай переберемся на другой участок, — предложил Ермаков.

— Не успеем, Антон. Смотри! Смотри!

Из редкого березника, подхотившего почти вплотную к железнодорожной колее, вынырнул паровоз. За ним серая череда платформ и вагонов. Тяжелый состав.

— Уползет, гад, — прошептал в отчаянии Ермаков.

— Нельзя упустить, Антон, нельзя, — крикнул, услышав гудок, Боровков.

Вскочил. Взрывчатку на грудь. Гранату в руки.

Поднялся и Ермаков.

— Не надо, Антошка. Я сам. Прощай.

— Нет, я. Прощай, друг...

Два русских парня с огненным сердцем Данко... Они не слышали, как хлопнушками рвались бочки с бензином. Не видели, как горели платформы и летели с насыпи немецкие пушки...

Пламенным советским патриотом был и Андрей Семенович Портнов — станционный служащий из Пустошки. Гитлеровцы заставили его работать стрелочником, пригрозив, что в случае отказа расправятся с его семьей. Портнов согласился.

...Та ночь выдалась холодной и темной. Солдаты, обычно конвоировавшие ночью русских стрелочников,

на этот раз остались в здании вокзала. А со стороны Идрицы вот-вот должны были прибыть два воинских эшелона — один за другим. Направление — к фронту.

Портнов шел к стрелкам. Уже выходя из будки, он решил: пришел час расплаты с ненавистным врагом... Фонариком дал сигнал первому эшелону остановиться. Залязгали буфера. Вот и хвостовой вагон. Сигнальных огней на нем не было. Это облегчало задачу.

Ухо Андрея Семеновича уловило едва доносившийся шум второго поезда. В висках тяжело стучало от прилившей в голову крови, но мысль работала четко, укреплялась решимость... Из-за поворота показался паровоз. Сигнал фонариком — путь свободен. Эшелон, не снижая скорости, промчался мимо Портнова. Когда машинист заметил стоявший на пути первый поезд, было уже поздно.

Удар! Со скрежетом и треском вздыбились вагоны. Стали рваться снаряды. На станции и в городе поднялась паника.

Это произошло накануне 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Скрыться Портнову не удалось. Он был схвачен фашистами и расстрелян.

Битва на рельсах летом и осенью 1943 года вызвала новый подъем партизанского движения. В качестве ответной меры ставка Гитлера приказала усилить карательные акции. Кроме того, по настоянию командующего группой армий «Север» Кюхлера были смещены начальник тылового района генерал-лейтенант Рокк и коменданты тыловых районов 16-й и 18-й армий.

Чтобы обеспечивать всем необходимым засевшие в бетонных норах под Ленинградом войска и дать им возможность, если это потребуется, о.ойти за линию «Пантера», командование вермахта решило изгнать все население от Гатчины до Пскова. В связи с этим новый командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Север» генерал фон Бот издал 21 сентября 1943 года специальный приказ. В этом чудовищном документе (подлинник его хранится в архиве) говорилось:

«Эвакуация должна быть проведена немедленно и с использованием всех средств и возможностей... Эвакуированные используются частично на работах для предприятий «Пантера», частично в оккупированных обла-

стях и на территории рейха. Считается, что 50 процентов людей в каждой колонне работоспособны. Дети в возрасте от 10 лет считаются рабочими...»

И запылили большаки и проселки, прилегающие к шоссе Ленинград — Псков — Остров — Опочка. Тысячи людей с котомками за плечами двинулись к сборным пунктам. Дети, подростки, женщины, старики шли как военнопленные, под охраной автоматчиков и овчарок. У эвакуируемых отбирали зерно, скот, последнюю курицу, теплую одежду.

Запыляли вдоль дорог гигантские факелы. Десятки деревень, жители которых отказались подчиниться приказу фон Бота, были преданы огню. Сентябрьская акция вандализма была той каплей, которая переполнила чашу терпения. За оружие теперь взялись и стар и млад. В трех зонах оккупированной Ленинградской области началось всенародное восстание против немецко-фашистских захватчиков.

Широко развернулось партизанское движение на берегах Сороти, в пушкинском крае. Грозой для оккупантов здесь стала бригада под командованием Александра Викторовича Германа.

Девиз Германа «Искать! Преследовать! Истреблять врага!» нашел горячую поддержку у непокоренных пушкингорцев. В бригаду к Герману шли целыми семьями. Теперь за Сороть фуражиры фашистской армии прибывали не иначе как в сопровождении танкеток или бронемашин. На переправах, на перекрестках дорог пестрели надписи на немецком языке: «Внимание! Партизаны!»

К штабу и особому отделу летучей бригады Германа тянулись нити от всех подпольных групп пушкинского края. Первыми отправились за Сороть посланцы подпольщиков завода «Подкрестье» Дементьев и Михайлов. Завод этот поставлял большое количество кирпича для «Пантеры» и оборонительных сооружений непосредственно под Ленинградом.

На другой берег реки подпольщики перебрались на пароме на виду у солдат, охранявших переправу. Ехали на велосипедах нарядные, как и положено быть дорогим гостям «на свадьбе» — так значилась цель поездки в справке, выданной администрацией завода. Возвращались под хмельком, хвастались солдатам:

— Гульнули — аж дым коромыслом! Скоро и у себя гульнем!

И «гульнули». Темной ночью на территории завода, снабжавшего фронт строительным материалом, громыхнули взрывы. Были уничтожены два локомотива, гофманская печь, паровой котел, несколько электромоторов.

Подпольная организация на заводе «Подкрестье» существовала с лета 1942 года. Руководила подпольем выборная «тройка»: коммунист Петр Михайлов, учитель Василий Дементьев, ученица Пушкиногорской школы Вера Гагина. Все они работали на заводе. Связь с бригадой Германа держали через Андрея Копырина — командира диверсионной группы.

Среди тех, кто доставил взрывчатку на тщательно охранявшийся гитлеровцами завод, была и шестнадцатилетняя Вера Воронина, ленинградка. На дне корзины с ягодами, которую везла девушка на пароме через Сороть, находился тол.

— А мину я спрятала в буханку хлеба, — вспоминает Вера Никитична, проживающая ныне в Ленинграде. — Пришлось попросить маму перепечь ее.

— Не страшно было?

— Немножечко. А вот хлеб жалко. Ведь отец на муку променял свое единственное пальто.

Архивные документы. Скупые строки донесений: «...квадрат 22-16. Сожжен автогараж военной комендатуры», «Взорван склад боеприпасов с патронами и противотанковыми снарядами...» Эти диверсии — дело рук Анатолия Малиновского, Григория Завьялова и других друзей Виктора Дорофеева.

По-прежнему смело шагала по краю пропасти разведчица Шубина. Это она передала в штаб бригады Германа донесение: «Сегодня по маршруту Каврино — Алтун — Соболицы — Залужье — Выбор каратели выехали на партизан. Здесь они должны перегрузиться с подвод на машины. В обозе — военное имущество». Вечером того же дня отряд Андрея Мигрова, перехватив гитлеровцев на полпути, наголову разгромил их.

Это «фрейлейн Алла» переслала в бригаду Германа пропуска и паспорта, которые позволили разведчикам проникнуть в Псков. Она же предупредила подпольщика Валентина Шамина о грозящем аресте, и тот с Алексеем Ивановым ушли к партизанам.

Осенью 1943 года советскому командованию срочно потребовались разведданные о работах, которые враг вел в районе Острова, где проходил один из основных

участков «Пантеры». Подпольщики древнего города дать их не могли: гестапо напало на след организации. Начались аресты. В руках врага оказалось ядро островских молодогвардейцев, руководитель подполья Людмила Филиппова.

И тогда в Остров едет «лечиться» Шубина. Не прошло и суток, как хорошенькая переводчица пригласилась капитану из комендатуры. «Фрейлейн» не против близкого знакомства. После увеселительной вечеринки захмелевший капитан приглашает Аллу в свой служебный кабинет выпить «еще по рюмочке коньяку». Рюмка, вторая... И мертвецки пьяный капитан засыпает на диване. В руках разведчицы ключи от сейфа...

В связи со строительством оборонительной линии «Пантера» на берегах Сороти появились дополнительные гитлеровские войска. В Пушкинские Горы прибыл новый начальник тайной полевой полиции Карл Вагнер. Руки этого матерого гестаповца были по локти в крови советских патриотов Пустошки, Идрицы. Вагнер превратил подвал школьного здания в застенок. Пытали здесь и днем и ночью. Кого не удавалось сломить, отправляли в овраг. Здесь каждую ночь раздавались автоматные очереди. Погибли Григорий Завьялов, Михаил Александров, Илья Иванов и другие подпольщики. Был схвачен и отправлен в концлагерь Степан Петрович Кошелев. Чудом спасся Анатолий Малиновский. В лес к партизанам ушли Анатолий Пашков, Ольга Иванова.

Но погасить пламя народного гнева на берегах Сороти гитлеровцы были не властны. И в самих Пушкинских Горах оккупанты не имели покоя. Ежедневно в поселке появлялись советские листовки и газеты. В учреждениях пропадали важные документы. Партизанам переправлялись медикаменты, оружие. Постоянно кто-то рвал телеграфные провода. Это действовали юные пушкиногорцы Нонна Крылова, Анфиса Шубина, Мария Карпова, Тоня Столярова, Клава Дмитриева, Нина Крылова, Женя Шабохина, Клава Судьина, Лидия Аввакумова, Дия Михайлова, Таисия, Ольга и Валентина Никоновы, Мария Фомина...

— Слыхали ль вы, как кричат цапли, гнездящиеся по берегам озера Маленец?

— Слыхали ль вы тишину заречных далей, открывающихся с крутого берега Сороти?

— Сидели ли вы на скамье Онегина в старом Тригорском парке?

На эти вопросы выдающегося скульптора Сергея Коненкова те, о ком сегодня наш рассказ, могли бы ответить:

— Да, слышали!

— Да, сидели!

И еще они (и живые, и мертвые) могли бы сказать:

— Мы сделали все, что было в наших силах, дабы грядущие поколения могли восторгаться рощами на берегу голубой Сороти, парками Тригорского, Михайловского.

Росли и силы защитников Братского партизанского края. Летом и осенью 1943 года в лесах под Идрицей действовала бригада Ивана Константиновича Никоненко, на границах с Латвией — бригада Александра Владимировича Назарова, под Невелем — «девичья ватага» Татьяны Киселевой.

Эта «ватага» — единственное в своем роде формирование в летописи народной войны. Отпочковалась она от бригады Рындина. В один из летних дней Петр Васильевич вызвал комсомолку Киселеву в штаб.

— Обстановка на нашем участке фронта тебе, Киселева, известна, — начал разговор комбриг. — Со дня на день можно ждать нового наступления наших войск. Разведданные нужны позарез. А фашисты создали гарнизоны чуть ли не на каждом хуторе. Всех мужчин задерживают. Вот я и думаю — нужно действовать, помня при этом суворовские слова: там, где олень не пройдет, русская девушка проберется.

— А насчет девушки это уже не Суворова, а ваши слова, — рассмеялась Киселева.

— Но и Суворов бы так сказал, будь у него такие чудо-девчата, как у нас в бригаде, — парировал Рындин. И уже серьезно добавил: — Формируй отряд. Отдельный, девичий.

...Нелегким было детство Тани. Родилась она в семье крестьянина-бедняка в деревушке Ольховке. С ранних лет пришлось работать на чужих. Радостью озарилось лицо девочки, когда однажды отец решительно сказал:

— Хватит пасти скот у богатеев. Завтра пойдешь в школу. Перебьемся без твоих заработков.

Вскоре Борис Амосович (он вернулся с первой мировой войны тяжело раненным) умер, но Татьяна не бросила школу. Училась в старших классах и работала — к труду ей было не привыкать.

Умирая, Борис Амосович завещал дочери:

— Мать береги. Людей люби...

Девушка старалась выполнить отцовский наказ. Не потому ли ее, молоденькую сельскую учительницу, накануне Великой Отечественной войны избрали комсомольским вожаком большого района.

Она не мечтала, как Надежда Дурова, скакать на горячем коне с саблей наголо, водить людей в атаку. А повела. Иначе было нельзя: ведь горели избы, и горели на всем протяжении ее первой дороги в областной центр. А рядом с горящими избами стояли виселицы.

Секретарь Невельского райкома комсомола Киселева вместе с горсткой ребят покинула горящий город последней 14 июля 1941 года. Шли болотами, лесными чащобами, переправлялись через реки, ночевали в нежидатной ржи...

— Куда тебя направить? — спросил секретарь Калининского обкома комсомола девушку в изодранном ситцевом платье, еле державшуюся на ногах.

— В армию, на фронт.

— Но ты же больна, Киселева. Триста верст пешком — это не шутка. Тебе сначала полечиться надо. Поезжай в колхоз. Стране и армии очень нужен хлеб. Вызовем.

Хотя и не очень скоро, но вызов пришел. В обкоме сказали:

— Поедешь в спецшколу в Москву, а затем направим в тыл врага. Согласна?

— Есть идти в тыл врага, — по-военному ответила Татьяна.

Будни калининских партизан изобиловали голодом, холодом, походами по болотным тропам, напряженным ожиданием в засадах, короткими горячими боями, когда обычно не хватало патронов и гранат, тайными встречами с запуганными жителями деревень, где каждую минуту из-за угла мог раздаться вражеский выстрел.

Таня прошла через все это, и, когда в феврале 1943 года встал вопрос о создании нового партизанского отряда в местности, где всю зиму зверствовали каратели, комсомолку Киселеву назначили комиссаром бу-

дущего отряда. Пока их было пятеро: четверо парней и комиссар.

— Ядро есть. Остальное от тебя зависит, — напутствовал комбриг.

Переходя от деревни к деревне, от хутора к хутору, отважная пятерка вербовала в отряд подростков. Матери встречали Киселеву настороженно, провожали приветливо, верили: не пропадут их сыновья с таким комиссаром. Как-то на одном из лесных хуторов бабка, собирая в отряд внука, напустилась на Татьяну:

— Тоже мне вояка! Ты в зеркало на себя посмотри: тебе не воевать — влюбляться надо. Девичью пору пропустить — счастья не видать.

— Не в том сейчас, бабуся, девичье счастье, — мягко ответила Таня и вдруг, сверкнув озорной улыбкой, спросила: — А ведь если бы вам, Петровна, от ваших семидесяти годков три десятка отбавить, небось пошли бы партизанить?

— Что ты, что ты, доченька, — заулыбалась бабка, — один десяток скинуть, и то согласилась бы для святого дела.

Через месяц отряд был создан. «Молодо, но не зелено» — так могла бы звучать пословица применительно к нему. В первых же боевых столкновениях юные партизаны проявили беззаветную отвагу, находчивость, смекалку. Накануне 1 Мая 1943 года отряд подорвал и поджег 8 мостов, два из них — на шоссе Невель — Ленинград.

И вот теперь особый отдельный отряд...

Через неделю на берегу озера Язно зазвенели девичьи голоса. Минула еще неделя, и командиры партизанских отрядов, действовавших в Невельском и Пустошкинском районах, уже ставили в пример своим бойцам девушек-разведчиц Нину Афанасьеву, Дашу Дергачеву, Тамару Синицыну, сами в душе по-хорошему завидуя их командиру. Удасть всегда восхищает. Но девичья еще и зажигает сердца...

Под видом торговок, нищих, сестер, разыскивающих своих братьев, бойцы отдельного девичьего побывали в поселках Сутоки, Нащекино, проникали в гарнизоны города Пустошки, железнодорожного узла Идрица. И ни разу не возвращались с пустыми руками. По данным, добытым боевыми подругами Киселевой, было совершено несколько партизанских налетов на фашист-

ские гарнизоны, советская авиация точно бомбила места сосредоточения техники и живой силы гитлеровцев.

И еще одна заслуга была у смелых партизанок. В стане врага, куда они заглядывали группой или в одиночку, непременно появлялся новый источник информации. Среди местного населения разведчицы находили немало людей, в чьих сердцах не угасли искры надежды, искры свободы и правды, и это удваивало силы партизанок.

А в «выходные дни» (это когда не нужно было покидать лагерь) девчата брали в руки серпы и шли в поле жать рожь. Верили, что урожай третьего года войны достанется не врагу, а обездоленным женщинам, старикам и детям. Мастер на все руки Николай Шипмарев, паренек из Бежецка, где-то отыскал и отремонтировал молотилку. Приходили бойцы из соседних отрядов. На току кипела дружная работа. В руках вилы, грабли, и тут же — винтовки, автоматы, гранаты.

Действовала «девичья ватага», как любовно называли отряд Киселевой в деревнях, до поздней осени 1943 года. Невель был освобожден от оккупантов. Район наводнили отступавшие полевые войска гитлеровцев. В этих условиях отдельный отряд мог легко подвергнуться разгрому, и командование партизанских сил приказало присоединить его к бригаде. А вскоре у восстановленной партизанами переправы через реку произошла долгожданная встреча с Красной Армией. Часть Братского партизанского края вновь стала полностью советской землей. Киселеву отозвали в распоряжение ЦК комсомола.

Хорошо «вписалась» в борьбу защитников Братского партизанского края бригада Александра Владимировича Назарова. Сформированная в советском тылу, в городе Торопце, она на планерах и самолетах была перебросена в августе 1943 года в Белоруссию, в район деревни Гарани Россонского района, а в сентябре «бросила якорь» в голубом озерном крае. Основной лагерь бригады находился недалеко от себежской деревни Лубьево, но боевые действия ее отряды вели на шоссе Остров — Опочка — Пустошка, совершали рейды в Лудзенский район Латвии, неожиданно появлялись и за границами Партизанского края — в Новоржевском и Кудеверском районах Калининской области.

Временами бывало так: появится отряд партизан

или спецгруппа из-за линии фронта, и вооружены они хорошо, и народ как будто подобран стоящий, а не ладятся на первых порах у них дела. И местные отряды, что родились в лесной глухомани в самые первые месяцы оккупации, не сразу шли на боевые контакты. Причин тому было немало. С бригадой Назарова этого не случилось.

И здесь тоже были свои причины. Главная — бригада почти целиком состояла из чекистов. Да таких, которые уже побывали (и не раз) на оккупированной территории. Ближайшие помощники Назарова Вениамин Яковлевич Новиков, Михаил Иванович Кудрявский и другие командиры и бойцы в составе чекистских групп выполняли разведывательные и контрразведывательные задания в тылу врага, имели большой опыт в диверсиях на коммуникациях.

Говорят, что при всей своей безусловности возраст — понятие относительное. Опытом, выдержкой, тактом Назаров был старше своих лет. Его наставники Д. С. Токарев и М. В. Крашенинников могли бы смело аттестовать молодого комбрига прекрасными словами Феликса Эдмундовича Дзержинского: «Человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками». В 1942 году Назаров командовал спецотрядом на берегах реки Западная Двина. Рейдируя совместно с 29-м кавалерийским полком 29-й армии, отряд образцово выполнял поставленные перед ним задачи.

В первые месяцы войны Назаров плохо справлялся... с обязанностями продавца хлеба в одном из магазинов города Нелидово. Оказывается, не так-то просто резать буханки хлеба на порции по двести — триста граммов. Не раз слышал он, как нелидовцы вполголоса говорили между собой: «Люди воюют, а этот хлеб на обрезки переводит», «И откуда только такой взялся», «Видать птицу по полету. Не иначе как жулик за прилавком».

Последнее предположение было близко к «истине», известной оккупационным властям. По документам Назаров был уголовником, отбывшим наказание в советской тюрьме в Калинин. Такая «легенда» помогла чекисту несколько месяцев держать у себя явку для группы наших разведчиков, действовавших вблизи железной дороги на Москву...

Как только чекисты появились под Себежем, Назаров поехал в бригаду Марго и установил тесную связь

с Себежским подпольным райкомом партии. Местные жители окрестили чекистов «москвичами», а сами они решили назвать свою бригаду именем Дениса Давыдова — лихого гусара-партизана времен Отечественной войны 1812 года. Комбриг согласился с мнением бойцов, но шутя предупредил:

— Денис Давыдов слыл человеком азартным, а мы будем помнить: азарт и горячность — далеко не самые мудрые советчики.

«Москвичи» немало поработали, выявляя немецко-фашистских агентов. Добыли подробные сведения о карательных органах врага.

Бригада была малочисленной (ей и не ставилась задача расти количественно), но провела много диверсий, подорвала между станциями Зилупе — Идрица 12 эшелонов, плечом к плечу с бригадами Марго, Гаврилова, Самсона, Вараковского отражала удары карателей. В этих боях отличились Игорь Венчагов, Александр Лопуховский, Виктор Терещатов, Василий Беляков, Виталий Гребенщиков и другие чекисты-партизаны.

С весны до поздней осени 1943 года в Братском партизанском крае и у его границ не только велись боевые действия, но и шла битва за хлеб. Старшины волостей, старосты деревень получили из ортскомендатур строжайший приказ: «Заставьте мужиков сеять. Пусть сеют как можно больше. Фронту нужен провиант».

— Обязательно сейте! — говорили крестьянам и партизаны. — Обещаем: уберете урожай для себя.

Под председательством Андрея Семеновича Кулеша было проведено межрайонное совещание (уникальное в условиях оккупации) четырех подпольных райкомов партии с участием командиров партизанских бригад, на котором обсуждался вопрос о весеннем севе. Разговор конкретный, деловой велся и о семенах, и о помощи бойцов пахарям, и об охране тех, кто вышел с лукошком зерна в поле.

И вот хлеба созрели. Себежской комендатуре было приказано поставить гитлеровской армии 2130 тонн зерновых и бобовых культур, 1140 тонн картофеля, 1600 тонн сена. С этой целью был создан специальный «кочующий» хлебозаготовительный гарнизон с танком и пушками. Но, действуя из засад, минируя дороги, ведя открытые бои, партизаны отстояли урожай. Оккупантам удалось получить лишь десятую часть того, что было ими запланировано.

60 гектаров пшеницы созрело у деревни Рыково. В Идрицкой ортскомендатуре радовались. Но партизаны упредили.

По инициативе Себежского подпольного райкома партии во многих деревнях были поставлены партизанские комендатуры — органы Советской власти, оцетившиеся, по меткому выражению Михаила Ивановича Калинина, «всеми доступными видами вооружения для борьбы с заклятым врагом».

Очень точно обстановку тех дней характеризовала родившаяся тогда присказка:

Земля крестьянская,
Леса партизанские,
Шоссе немецкое,
А власть Советская.

Это хорошо понимали и блюстители «нового порядка» в Себеже. «Коньячная компания» теперь уже не собиралась у майора Шутта в ортскомендатуре. После загадочного исчезновения его личного шофера — «преданного Ивана» (в тайной полевой полиции не без основания полагали, что Елисеев ушел к партизанам) начальник тайной полевой полиции Венцель, контрразведчики Шкреба и Игнатенок стали избегать интимных встреч у заместителя коменданта ортскомендатуры.

О том, что приходит конец их господству, оккупанты отдавали себе отчет не только в Себеже. Сохранился документ хозинспекции фашистской группы армий «Центр», в котором указан процент «зараженности бандитизмом» (так гитлеровцы называли партизанское движение) в пограничных районах Калининской области и Белоруссии. В этом документе есть такие цифры: Себежский район — 63 процента, Идрицкий — 80 процентов, Россонский — все 100. А в докладной записке начальника оперативной группы «Б» полиции безопасности и СД, датированной октябрём 1943 года, прямо говорится: «Россоны являются в настоящее время большим бандитским центром».

В декабре Себежское отделение тайной полевой полиции арестовало Маргариту Ляшкевич. Роясь в бумагах разведчицы, Венцель нашел не отправленное ею письмо любимому человеку и в нем слова: «А озера тут голубые...» Не удержался, выругался: «Доннер веттер! Не голубые, а гиблые!»

«Разведайте и донесите...»

О, доблестный, рвешься ты
в бой, осмелев,
Но прежде чем ринуться —
дело бойца
Намеренья вражды постичь
до конца.
Фирдоуси

Более 1500 радиogramм с разведывательной информацией, более 400 письменных донесений пришло в ответ на лаконичные радиоприказы, начинавшиеся, как правило, словами: «Разведайте и донесите...» И это только в штаб партизанского движения Калининской области. А сколько раз отстукивали свои позывные радиопередатчики разведывательных групп армий и фронта! Неслись в эфир «тире — точка, точка — тире» и тогда, когда ослепительно-белым было низкое снежное небо, и тогда, когда на плащ-палатки разведчиков обрушивались потоки дождя.

Третьим военным летом радиомост соединял штабы партизанского движения и Красной Армии более чем с 1000 разведчиками, находившимися в районах Себежа, Резекне, Лудзы, Опочки, Пушкинских Гор, Новоржева, Насвы, Пустошки, Невеля, Россон, Освеи. На основании их данных штаб партизанского движения Калининской области выпустил 354 разведывательные сводки, 8 отчетных карт с «легендами» и объяснительными записками к ним, 11 схем и планов крупных военных объектов фашистских войск.

В первые месяцы войны, когда линия фронта еще не устоялась, большое значение имели «челночные операции» маленьких разведгрупп. Суть их — визуальное наблюдение в пути. Информация разведчиков-маршрутников имела сиюминутную ценность, но именно «челночные операции» (принцип: туда — сюда, за линию фронта и обратно) помогали разведотделам штабов армий создавать мозаику ближайших тылов врага. Анализ делали другие — разведчики более высоких рангов.

...Сотни испуганных людей толпятся в кюветах шоссе. В руках у них — узлы, за плечами — котомки. Вот один застыл с козой на поводке, другой в ужасе прикрывает собой ребенка... Беженцы... На шоссе грузовики и

огромные «майбахи». Гитлеровцы сидят на скамейках, точно в кинозале. Самодовольные. Это от них, солдат фюрера, зависит теперь уничтожить этих «русьиш» или проехать мимо, горлая «Германия, Германия превыше всего».

И тебе, разведчику-маршрутнику, как всем в толпе, страшно. Вот-вот полоснет автоматной очередью этот пьяный фашист с крылатой эмблемой вермахта на груди. Вот он уже поднял свой вороненый горбатый «шмайсер». А ты стоишь у обочины и считаешь бронетранспортеры, орудия, запоминаешь знаки на кузовах, номера машин. Завтра все это должно стать известно одному из наших штабов. А послезавтра ты опять проскользнешь через неустоявшуюся линию фронта и будешь разыскивать «потерявшихся родителей» или «жениха», мобилизованного на оборонные работы, но искать именно там, где солдаты тянут к хатам провода или где скопище штабных машин.

В судьбах солдат невидимого фронта есть своя железная необходимость. Их имена часто остаются неизвестными. Но проходят годы, и завеса таинственности, окутывающая их имена, падает... Мария Евдокимова, Александра Шагурина, Лена Суравнева, Клава Королева, Полина Тихомирова. Они не могли в минуту смертельной опасности выхватить из кармана револьвер и, отстреливаясь, бежать к лесу-спасителю. И гранат у них не было, чтобы, уж если иначе нельзя, подорвать себя, избавиться от пыток в гестапо. Они сражались другим оружием: цепким взглядом и памятью, хитростью и огромным мужеством.

Однажды Евдокимова и Королева возвращались с ценными разведданными из района Новосокольников. Вечерело. Оставалось пройти еще мимо одной деревни, а там, за перелеском, «ворота», через которые можно проскользнуть к своим. Но что это? Пламя взметнулось в одном конце деревни, бурый дым повалил из дома на противоположной стороне.

— Пожар! — воскликнула Королева.

— Нет, Клава, тут что-то не так. Подойдем поближе, — предложила Евдокимова.

Подошли. Затаились в кустах. Страшная картина открылась их глазам: несколько гитлеровцев с факелами в руках бегали по деревенской улице, поджигая избы, трое солдат загоняли в сарай женщин и детей.

— Неужели подожгут? — прошептала Клава, Зажгли.

— Идем, — поднялась с земли Евдокимова.

И они пошли. Нет, не в перелесок, а в горящую деревню, где факельщики-мотоциклисты еще только заводили моторы. Перебегая от избы к избе, разведчицы приблизились к сараю, крышу которого уже лизали огненные языки, сбили засов, спасли обреченных.

В «челночных операциях» не так важно было точное соблюдение разведчиками «легенды», как умение быстро ориентироваться.

...Мгновенная реакция. Нет, не зря про нее говорил начальник разведки армии. Она — «палочка-выручалочка». Как-то группа Евдокимовой шла к поселку, где предположительно фашисты создали оперативный аэродром. Путь далекий и все лесом. Глухомань. Кругом необхватные ели. Тут бы идти спокойно, сбросить напряжение. Но Мария строго предупреждает:

— Осторожнее ступайте, девочки. Разговор — шепотом.

И вдруг команда:

— Замри!

Запах сигареты... Такое по плечу лишь опытному следопыту. В тягостном ожидании проходит несколько минут. И вот уже слышна негромкая чужая речь. Показались гитлеровцы с автоматами в руках, человек пятнадцать. Прошли в десяти шагах от огромного поваленного дерева, за которым укрылись разведчицы.

Находчивость — сестра смелости. Эту поговорку часто слышала Александра Шагурина от своего наставника. И убеждалась не раз в ее правоте. Однажды ее и Любу Соломонову задержал фашистский патруль в небольшом поселке у колонны машин. Девушек привели к дежурному офицеру воинской части, расположившейся здесь на отдых.

— Почему считали автомобили? — с видом заправского следователя спросил молодой лейтенант через переводчика.

— Зачем нам считать? Мы просили ваших солдат подвезти нас в город, — отпаривала Шура.

— Зачем в город?

— К доктору. Короста у нас, — Шагурина шагнула поближе к офицеру и протянула руки в дыпках, — вот, смотрите.

Гитлеровец брезгливо отшатнулся, и вдруг взгляд его упал на ботинки девушек — у обеих одинаковые, армейского образца.

— Кто дал вам эти ботинки?

— Мы выменяли... — начала Люба, но неожиданно раздалось:

— Ой!

Шагурина медленно оседала на пол, держась за живот. А была Шура полная не по возрасту.

— Ты что, брюхата? — нагнулся над ней переводчик.

— Ребеночка жду, миленький, — пролепетала Шагурина, — ой не дай бог скину.

Услышав перевод, офицер чертыхнулся и ушел. Люба стала хлопотать около подруги. Переводчик сжался: принес куль соломы, бросил на пол со словами:

— Лежи, дура. Нашла время котениться.

Ночью «беременная» Шура и Люба исчезли из поселка. Они определили номер части, сосчитали прицепленные к машинам орудия, а разговоры солдат подсказали, сколько артиллеристы будут находиться в резерве.

Опасность подстерегала разведчиц на каждом шагу, но иной раз была к ним благосклонна и «госпожа удача»... Евдокимова вела группу к линии фронта. За несколько дней пребывания разведчиц на оккупированной территории обстановка у «зеленой тропы» (так маршrutники называли щели на стыках частей, армий) изменилась, и группа оказалась у хорошо замаскированного дзота. Раньше его в кустарнике на холме не было. Девушек задержали. Офицер выслушал их объяснения и сказал, усмехаясь:

— Как говорят французы, чуть-чуть слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Мотя Попова, прилично знавшая немецкий язык, перевела шепотом:

— Не верит тому, что мы говорим.

Офицер приказал что-то одному из солдат и небрежно махнул рукой.

— Отпускает? — спросила Королева.

— Приказал расстрелять подальше от дзота, за дорогой.

— Шнель! — махнул солдат автоматом.

Молча ступают девушки. Тяжелы, ох как тяжелы шаги!

— Поговори с этим идиолом по-немецки,— шепчет Евдокимова Моте,— скажи, что мы знаем, куда он нас ведет.

— Комрад,— обращается Мотя к солдату.— Неужели ты убьешь нас? Мы молодые. У тебя тоже, наверное, есть сестра, невеста. А что, если и их вот так застрелят ни за что?

Молчит солдат, только автоматом помахивает. Вот и дорога...

— Ну, девчонки,— командует Маша,— как свернем с дороги, бросайтесь в разные стороны. Кто-то и жив останется.

И тут солдат неожиданно крикнул по-русски:

— Да не фашист я, чех я. Чех. Марш отсюда!

И дал длинную очередь в воздух...

Восемь раз в 1942—1943 годах ходила в тыл врага Полина Тихомирова. И ее, как и Евдокимову, Шагурину, Королеву, часто спасала от провала и гибели находчивость, помноженная на смелость. Однажды разведчица возвращалась из длительного похода по Пушкиногорскому и Новоржевскому районам. Сведения о гарнизонах врага были собраны добротные. Девушка торопилась к линии фронта. С нею вместе шла (тоже с заданием) Валентина Кутейникова.

Торопила разведчиц и непогода. В болотах, покрытых приземистыми стожками сена, вода была по-осеннему ледяная. Ночи удлинились, усилились холода. Пришлось чаще пользоваться дорогами. На одной из них и раздалось шиплое:

— Стой!

Девушек догнали три здоровенных мужика с повязками полицаев на рукавах полушубков. Отвечали на вопросы разведчицы бойко, но хмель кружил головы загулявших предателей (был религиозный праздник покров). Избив Полю и Валю, они привели их в деревню к старосте. Последний тоже был изрядно пьян. Доставить задержанных в немецкий гарнизон на станцию Самолуково он решил «самолично». Приближалась ночь. Полицаи, пропустив с хозяином дома по стакану самогона, отправились восвояси.

— Мы будем жаловаться на самоуправство,— попыталась Тихомирова припугнуть старосту.— Мы знакомы с немецким офицером Мюнхгаузенем (Полина назвала

первую пришедшую на ум немецкую фамилию). Он покажет вас.

— Молчи! — зло цыкнул староста. — Иначе схлопочешь дырку в черепашке.

Отобрав у разведчиц обувь, пальто и мешки, он приказал им лечь в углу избы. Сам улегся на кровати возле двери, положив рядом обреза.

— Не хнычь, Валька, — нарочито громко прикрикнула Тихомирова на подругу. — Спи. Утро вечера мудреней. Мюнхгаузен разберется, что к чему.

— Вот так-то лучше, — пробубнил староста и вскоре стал похрапывать.

«Очевидно, нарочно, — подумала Полина, — провоцирует. Надо выждать». Потянулись не минуты — часы томительного ожидания. Но вот наконец раздался настоящий храп. Полина притронулась к руке Валентины. Ответное пожатие. Тихонько приподнялись и теньями проскользнули к дверям. В голове одно: «Только бы не заскрипел засов, не стукнул бы крюк...»

Ночь кинула в лицо резкий ветер и сырость. Не бежали — неслись. Босиком, в легких платишках. Ветки деревьев хлестали по лицу. Ноги ободрали в кровь. Остановились у насыпи железной дороги — знали: за ней в нескольких километрах линия фронта. У полотна переждали, пока пройдет патруль, мучительно моля: «Только бы не с собаками».

Выслушав подробный рассказ Тихомировой, капитан Буторин приказал:

— А теперь спать. И долго. Лица на тебе нет. Поначалу даже не узнал.

Разведчице был предоставлен двенадцатидневный отдых. Но не прошло и трех суток, как Поля снова исчезла в ночи. Предстояла разведка у границ Братского партизанского края.

Два свидетельства живых о той, чья жизнь оборвалась в неполных 23 года.

Матери: «Маруся мне в жандармерии в окошечко говорила: «Мамушка моя, я умирать буду такая, какой ты меня родила. Спасибо тебе, родная, что ты научила меня гордой быть»».

Героя Советского Союза В. В. Филимонова: «...при подходе к расположению нашей роты Мария оповестила выставленных в секрете часовых, а сама бросилась в холодную воду реки. Немцы не успели расстре-

лять Марию, попали под сильный огонь разведчиков и понесли очень большие потери...»

Маруся Смирнова выполняла боевые задания разведывательного характера в районе знаменитого «чертова моста» деда Симона. Возвращаясь к своим, разведчица была схвачена гитлеровцами вблизи станции Насва. Более десяти дней ее продержали в застенках тайной полевой полиции, склоняя к предательству. Последний допрос вел следователь из гестапо: сигарета в зубах и череп в петлицах. Он связал разведчицу и сорвал с нее платье. Натренированные руки садиста вырезали на спине девушки пятиконечную звезду. Когда Маруся пришла в себя, палач приказал:

— Ночью поведешь наших солдат известной тебе тропой к расположению вашей разведывательной роты. Не согласишься — вырежу такой же «орден» на груди.

— Хорошо, — с трудом проштала Маруся.

Четыреста солдат отрядил командир фашистской дивизии для внезапного нападения на советских разведчиков. С наступлением сумерек отряд двинулся к реке Насве. Впереди шла Смирнова. Рядом офицер и фельдфебель. Гитлеровцы радовались: пленница покорно выполняла все их требования, дорогу показывала уверенно.

Но радость их была преждевременной. Не смирилась отважная великолучанка. У Маруси сразу созрел план, как привести гитлеровцев под огонь красноармейских автоматов. Она понимала, что, очевидно, и этот ельник у дороги, и бездонную светящуюся твердь над головой видит в последний раз. В груди от этого стало тесно, но уже родилось и с каждым шагом крепло неведомое ранее чувство превосходства над врагом. «Только бы не растеряться, — думала Маруся, — не пасть духом». И мужество не покинуло ее. Разведчица точно вывела отряд фашистов на известные ей замаскированные огневые точки. И подала условный сигнал...

До последнего мгновения своей жизни продолжала борьбу и белорусская комсомолка Лена Суравнева. Вчерашняя школьница, она стала дерзкой и смелой разведчицей. Десятки раз ее зоркие глаза фиксировали все, что делается в гарнизонах Полоцка, Себежа, Россон. По разведанным Суравневой краснозвездные самолеты бомбили вражеские склады боеприпасов, скопления фашистских войск.

Нарвавшись на засаду, Лена в одиночку приняла бой. Последнюю пулю приберегла для себя, успев написать предсмертную записку (долго стоят посетители музея на кургане Дружбы перед витриной, где лежат эти строчки, выведенные почти детским почерком), но выстрелила неудачно. Девять дней глумились гитлеровцы над юной патриоткой...

В один из дней ранней осени 1943 года у истоков Синей расположилась небольшая группа хорошо вооруженных людей. Всю ночь накануне шел дождь, мелкий, нудный, а утром нежаркое осеннее небо смотрело на землю умиротворенно. У самой воды потрескивал неяркий костер. Закипал выдавший виды чайник.

Чуть поодаль от них, у непролазного цепкого кустарника, стояли двое. Крепко сбитый, широкоскулый, с военной выправкой спрашивал. Тот, что был помоложе и ростом пониже, неторопливо отвечал.

— Данные перепроверил, Карл?

— Так точно, товарищ майор. Источник не вызывал никаких сомнений. И все же я...

— Встретился с Ленкой-переводчиком?

— Да. И он подтвердил: в распоряжении себежского коменданта Гофмана не более тысячи солдат. Гарнизоны поставлены только в крупных населенных пунктах, у железной дороги. Партизаны бригады Марго контролируют десятки деревень. Жители называют бойцов по фамилии комбрига. Женщины даже колыбельную сложили.

— Колыбельную, говоришь?

— Сам слышал. В одной избе над люлькой старуха напевала:

Вот придут марги,
Пропадут враги.
Вот придут марги,
Испеку пироги.

— Лихо дерется бригада, ничего не скажешь. — Голос майора, отрывистый, грубоватый, стал мягче. Он повторил: — Лихо. — Помолчав, добавил: — Но осматрительно. В твоё отсутствие, Карл, я встречался с Марго. Умен. Хитроват. Лишнего не скажет.

— Из военных?

— Нет. Человеку, Карл, нужно два года, чтобы научиться говорить, а иному, — майор горько усмехнулся, думая о чем-то своем, — и шестидесяти лет мало, чтобы

научиться молчать тогда, когда болтовня граничит с преступлением.

— Кто это сказал?

— Это старая истина. Помнится, еще Лев Николаевич Толстой где-то сказал, что если один раз пожалеешь, что не сказал, то сто раз пожалеешь о том, что не промолчал. А теперь — спать! Часа через два двинемся в твою Латвию. Сколько шагать до нее?

— Да вот она, моя Латвия.— Карл, улыбаясь, показал на речку.— Пять-шесть шагов по воде, и я дома.

— Спать! — повторил майор и негромко позвал: — Фая!

От костра поднялась хрупкая светловолосая девушка.

— Слушаю, товарищ майор.

— Когда на связь с Центром?

— Через пятнадцать минут.

— Ты готова?

— Конечно, товарищ майор.

Через четверть часа в эфире звучали позывные:

— Говорит «Борец», говорит «Борец»...

В тот же день радиграмма командира спецгруппы Константина Чугунова легла на стол начальника разведотдела штаба фронта. Была она длиннее обычных сообщений разведчика. Кроме указаний объектов для бомбежек и характеристики фашистских гарнизонов в Себеже, Идрице, Резекне, Опочке в радиогамме давалась высокая оценка боевым делам партизанских бригад Марго, Вараковского, Бойдина. Читая ее, генерал с улыбкой сказал подполковнику Злочевскому, принесшему вести с берегов Синей:

— Романтиком становится ваш подопечный, Гавриил Яковлевич. Всегда такой сдержанный, сегодня не скупится на похвалы партизанам — не разведчик, а завязтый журналист.

— Видимо, стоят они того, а романтика в нашем деле не помеха, — ответил Злочевский.

Марго и Чугунов встретились в деревне Мишин Остров (северо-западнее Себежа), где в те дни находился штаб партизанской бригады. Первым начал разговор Чугунов:

— Раз с бородой, значит дело имею с комбригом Марго. Так ведь?

— Точно, — улыбнулся Марго. — Ну а вы, очевид-

но, майор Чугунов, хотя мельник Жуков, доложивший о вашем появлении в районе, ваших примет не сообщил.

— Будем знакомы, — Чугунов протянул Марго руку, — командир спецгруппы. Майор. Константин Дмитриевич. Мои люди действуют вблизи Опочки, Красного-родска. Осваиваем ваш Себежский район. На очереди — Латвия. Война, сами знаете, окончательно повернула на запад. Оперативно переданная важная информация — девиз этих дней. Ваша разведка работает неплохо, но в контакт с ней входить мне не следует. Одна просьба: предупредите своих командиров. Буду неожиданно появляться в вашей зоне и так же исчезать. Пусть не ищут встреч. И не садятся на «хвост». — Чугунов улыбнулся, и его суровое лицо стало вдруг мягким, добрым. — А теперь поделитесь вашими новостями.

Чугунову понравился основательный рассказ Марго о положении в деревнях района. Невольно сравнил его с командиром одного из отрядов, на которого на днях жаловались ему жители двух деревень: самодовольный, дескать, раз оружие в руках, нам все дозволено. А здесь полное понимание неимоверной тяжести крестьянской жизни на оккупированной территории. Узнав о партизанском госпитале, Чугунов попросил:

— У меня есть несколько раненых. Подлечите?

— Конечно. Сейчас же распоряжусь, — ответил Марго.

Расстались командир спецгруппы и партизанский комбриг довольные друг другом.

Спецгруппа «Борец» была одной из наиболее сильных как по составу, так и по результатам своей деятельности. Боевых столкновений с гитлеровцами она избегала. Разведку вела широко и основательно. Чугунова даже отзывали один раз из вражеского тыла для личного доклада начальнику штаба фронта об обстановке в контролируемых районах. Чугунову было присвоено внеочередное звание «майор» и предоставлен отпуск. Но от отдыха разведчик отказался и попросил подполковника Злочевского переправить его «домой».

Злочевский с большой симпатией относился к Чугунову, следил за его ростом в разведке. Знал, как нелегко поначалу складывалась жизнь будущего разведчика: работать начал с ранних лет, затем гражданская война. Был ранен...

Понимая, о каком «доме» говорит его подопечный, Злочевский спросил:

— Выходит, привык к берегам Великой, прикипел?

— Не то слово, Гавриил Яковлевич, люблю...

Чугунов встал и с чувством продекламировал:

...Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину...

— Насчет тишины, — Злочевский засмеялся, — тут что-то не то...

— Из песни слова не выкинешь. Вините Николая Алексеевича Некрасова. Его стихи.

— Ну, раз рвешься в дело, организуем переправу, — резюмировал Злочевский.

На другой день Чугунов был уже под Торопцом, в деревне Шейны. Там в те дни у калининских партизан было «окно» для прохода на оккупированную территорию Белоруссии.

Наряду с подготовленными разведчиками в группе «Борец» были и бойцы из местного населения. Брал их Чугунов после негласной предварительной проверки. И это оправдывало себя. «Борец» не имел провалов по вине чугуновцев. Не случайно в документе оккупантов конца 1943 года, в котором содержалась характеристика партизанских сил, действовавших на стыке трех республик, спецгруппа «Борец» упоминалась только в одном пункте, который иначе как чушью не назовешь: утверждалось, что большинство бойцов этой группы — «немецкие перебежчики, кавказцы, французы...».

Как бы смеялись Екатерина Долгополова — ржевская медичка, опочане Виктор Любимов и Алексей Петров, себежанка Оля Жукова, если бы знали, что в далеком Берлине их будут считать парижанами, а то и чистокровными баварцами, правда, изменившими своему фюреру.

Талантливый разведчик (а таким Чугунов, бесспорно, был), командир спецгруппы обучал молодых бойцов искусству разведки каждодневно, ежечасно. Внимательно беседуя с возвратившимися на базу, он решительно осуждал «эффектные штучки». Однажды молодой боец, докладывая о выполнении задания, с явным оттенком хвастовства сказал:

— Жаль только, что упустил возможность разгромить фашистов.

— Это как — разгромить? — поднял глаза Чугунов.

— Да просто. Уже когда возвращался, напоролся на солдат-ремонтников. Больше десятка их было. Сидели у моста и жрали. А винтовки в стороне лежали. Хотел было гранатой трахнуть...

— И что же?

— Пока раздумывал, автомобиль на шоссе показался.

Надо было видеть в тот момент каменно сведенные скулы и гневные глаза Чугунова. Но гроза не разразилась.

— Я думал, из тебя разведчик получится, — спокойно произнес Чугунов. — А ты решил удачным молодцем прослыть. Ну, убил бы ты троих, пятерых. А дальше? Перестрелка. Погоня. Могли и тебя убить или ранить. Сведения, которые ты добыл, не попали бы к нам. А они — важные. Запомни: разведчик, выполняя задание, воюет не с одиночками, а с вражеским полком, дивизией, а то и с целой армией. А придется отбиваться от карателей (такое у нас уже случалось), вот тогда и покажи, чего ты стоишь как боец.

В начале осени 1943 года Центр, посылая боеприпасы и продовольствие для «Борца», направил этим же транспортным самолетом в помощь Чугунову мужа и жену Сизовых. Под этой фамилией в разведке значились лейтенант Анатолий Сысоев и радистка Аня Коковцева. Они были не по «легенде», а действительно мужем и женой. 7 ноября 1942 года, пробираясь к своим из-за линии фронта, перед тем как переплыть студеную речку, Аня и Анатолий поклялись: спасемся — всегда будем вместе.

Начальник разведки, посылая Сысоевых с новым заданием в тыл врага, решил не разъединять их. Однако он не знал одного...

— Товарищ командир, — Сысоев виновато посмотрел на Чугунова, — не могу не доложить: Аня беременна, четвертый месяц. Но она умеет делать все и готова на все. Нам нельзя друг без друга.

— Ясно. Как говорят пленные немцы, вир зинд нихт шульдиг — мы не виноваты.

— Виноваты, товарищ командир.

— Ты, а не она, — поправил Чугунов. — Полагалось бы всыпать тебе по первое число. Ну да ладно, — майор

усмехнулся, — невероятного в жизни более чем предостаточно. Иди, Ромео, зови свою Джульетту. Будем обещать.

Этот разговор состоялся сразу после приземления Сизовых-Сысоевых в районе расположения спецгруппы. Чугунов знал, что и его новый помощник, лейтенант, и радистка прошли во вражеских тылах «огонь и воду». Ну а «медные трубы», думал он, пройдем вместе. А что этих «медных труб» впереди будет немало, сомневаться не приходилось.

В тот день, когда спецгруппа «Борец» находилась на пути в Латвию, Венцель получил очередной нагоняй от начальства и приказ об усилении провокационной деятельности. На этот раз нервы начальника себежского отделения тайной полевой полиции не выдержали, и в радиограмме, отправленной начальству, он после слов «приступаю к немедленному исполнению» дописал: «Прежнему не хватает опытных агентов».

Радиограмма фашистского контрразведчика не осталась без ответа. Капитану Венцелю сообщили: в Себеж прибудет отряд «Ваффен СС ягд-фербанд Ост», то есть «истребительное соединение «Восток» войск СС».

Отряд карателей, а точнее, банда, прибывшая в Себеж в помощь отделению СД, была особой. Комплектовалась она не просто из уголовного сброда, а из самых отъявленных негодяев, людей разных национальностей и возрастов, но равно ненавидевших все советское. Возглавлял этих убийц и провокаторов поляк Мартыновский, а хозяевами были офицеры СД, поначалу невысоких рангов, позже — матерый шпион и диверсант штандартенфюрер Кнолле и любимец Гитлера Скорцени.

Фашисты знали, кого можно завербовать. И когда в первые дни оккупации Луги на проверку в тайную полевую полицию попал Игорь Решетников, двадцатидвухлетний оболтус, одним предателем стало больше.

Еще перед войной Игорь Решетников отбыл наказание за кражу социалистической собственности и незаконное хранение оружия. Пришелся ко двору гитлеровцам и отец Игоря. Сын статского советника, лужский юрист стал бургомистром.

В банде Мартыновского непросто было занять командный пост. Отпетые негодяи Купфер, Нарич Оскар, Терехов-Орлов, Роман Богданов, составлявшие штаб, не

всякого допускали в свой круг. Но Решетников быстро сделал карьеру и вскоре стал правой рукой Мартыновского.

Действовать банда начала под Лугой. В январе 1942 года, во время выезда в район станции Чаща, провокаторы захватили по дороге шесть человек. Убедившись, что один из них — партизанский связной, а другие бежали из плена, бандиты расстреляли всех шестерых. Одного из захваченных убил Игорь Решетников. А через несколько дней в деревне Большие Сабицы он застрелил старого коммуниста Н. А. Демидова.

— Провокация стара, как сама жизнь, — поучал Мартыновский бандитов Пшика, Крота, Доду, Находку, Пашку-моряка, Хмару, Коку и иже с ними. — Рядитесь в любые одежды, принимайте любое обличье, втирайтесь в доверие к богу или дьяволу, но выявляйте партизанские связи, спецгруппы, коммунистов, советских военнослужащих. Жгите и убивайте. Убивайте и жгите. Мы — волки, и наше дело — рыскать по свету в поисках мяса.

Волки...

Вдаль идут зловещей вереницей
Человечий шевелить покой.

И они, эти двуногие «волки», рыскали, убивали, не щадя ни старых ни малых. Нацепив на шапки красноармейские звезды или ленты народных мстителей, бандиты врывались в деревни, заподозренные в связях с партизанами. С ходу стреляли в полицаев (дерьма не жалко), распевали советские песни. Радовались жители — свои пришли. Открывались сердца. Начинались рассказы... А ночью совершалось черное дело: аресты, насилия, убийства, грабежи. В небо вздымались столбы густого дыма, взлетали снопы искр, а потом от околицы до околицы полыхало всепожирающее пламя. Утром пополз слух, пущенный бандитами-провокаторами: «Партизаны-то сожгли деревню...»

Страшен реестр злодеяний «волков» Мартыновского. Об одном из них рассказывает газетный репортаж послевоенных лет.

«...По требованию прокурора в зал внесли 17 черепов. Среди них — 7 детских. Рядом положили детскую обувь, разбитую пулей куколку. Несколько минут в зале стояла жуткая тишина. Ее нарушил старший советник юстиции Грачев:

— За что вы убили этих невинных людей?

Подсудимый Герасимов, он же бандит Пашка-моряк, в ответ — ни слова. И тогда взорвался зал:

— Бандюга, отвечай!

— Подыми глаза, фашист!

С затаенным вниманием слушает зал рассказ свидетельницы Марии Долгих. Она воскрешает картину массового расстрела партизанских семей в Дриссенском районе Белоруссии.

Односельчане Долгих (тогда Самусенок), спасаясь от гитлеровцев, в течение нескольких месяцев укрывались на лесном острове Женский бор, окруженном непроходимыми болотами. Жили впроголодь, мерзли, болели тифом. Считанные дни остались до освобождения района от оккупантов. И тут предатель — староста Еременко привел на остров лжепартизан. Каратели выгнали обесилевших стариков, женщин и детей из землянок и погнали в направлении поселка Кохановичи. По дороге в лесу началась дикая расправа — «тризна по погибшему в бою с партизанами храброму Пшику», как говорил тогда Решетников. Перепившиеся бандиты подводили по 5—6 обнаженных человек к землянке с обвалившейся крышей, где на пне восседал главарь банды. С дьявольским хохотом он махал рукой, и окружавшие несчастных Пашка-моряк, Нариц Оскар и другие бандиты стреляли в них в упор.

Каждый четвертый был подростком или ребенком, — заканчивает свои показания Долгих».

Предательство, как и всякое деяние человека, имеет свои корни, свои истоки. Герасимов не совершал дальних плаваний, не бороздил моря и океаны. Прозвище «моряк» он получил в местах заключения за грязную тельняшку. А побывал он там до войны дважды.

Вплоть до того дня, когда чекисты сорвали маску с карателя, Герасимов работал на Октябрьской железной дороге поездным мастером и проводником вагона на линии Ленинград — Киев. Бандит искусно маскировался. Когда под стук колес кто-либо вспоминал минувшую войну, он скромно вступал в разговор: «Довелось и мне горя хватить, партизанил в белорусских лесах...»

На суде (он состоялся в Себеже) каратель старался не смотреть на вещественные доказательства его кровавых дел — опускал глаза. А тогда они по-волчьи сверкали, наливались кровью.

Но вернемся к событиям третьей военной осени. Перед отправкой в Себеж банда находилась на берегах Сороти, где летом, как было сказано выше, развернула активные боевые действия бригада ленинградских партизан под командованием Александра Викторовича Германа. Мартыновский имел приказ от гестапо: заслать агентуру в штаб Германа и любой ценой ликвидировать самого комбрига. Дважды (один раз под видом калининских партизан) в бригаду проникали убийцы-отравители, но были разоблачены местными жителями.

Бригаду Германа отличала высокая маневренность. Один из ее полков вышел на след «волков» Мартыновского, прижал их к Сороти. Лишь случай спас банду от полного разгрома. Гитлеровцам, подоспевшим на помощь, удалось захватить командира группы конной разведки Ивана Быстрова и еще двух германовцев. Люто расправились с ними лжепартизаны: поломали ноги, вбили в глазницы патронные гильзы.

В Себеже бандиты расположились в километре от города, вблизи станции, в школьном здании. Начали с грабежей и оргий. На третий день под вечер в банду приехал Шпиц.

Решетников, как всегда лишь в легком подпитии, заметил начальника СД и послал за атаманом. Мартыновский вошел пружинистым шагом, высокий, в полевой форме капитана Красной Армии, и вскинул руку со сверкающим перстнем в фашистском приветствии:

— Хайль Гитлер!

— Хайль,— небрежно ответил Шпиц и сердито бросил: — Крик, шум. Немедленно прекратить!

— Переведи ему,— приказал Мартыновский переводчику,— гульбу разрешил я. И парадом здесь,— глаза его зло блеснули,— команду я, такой же капитан, как и он. Последнее можешь не переводить.

— Можешь не переводить,— повторил слова Мартыновского Шпиц на чисто русском языке и язвительно добавил: — Может быть, капитан красных войск окажет гостеприимство гауптштурмфюреру СС?

— Пройдемте ко мне,— сменил тон Мартыновский.

Оставшись наедине со своим будущим помощником, Шпиц дал волю своему гневу:

— Пьют, гуляют, а надо дело делать. И вы еще смеете возражать! Нацепили форму, снятую с убитого, и готово — капитан! Чин заслужить нужно, Мартынов-

ский! Ваши «волки» шkodливы, как шакалы, а в бою под Соротью штаны подпачкали.

— Да как вы смеете! — прервал Мартыновский с хорошо разыгранным достоинством. — Меня сам Кнолле знает.

— Я не о вас. Вы волевой человек. — Шпиц взял себя в руки и говорил теперь ровно. — А что касается штандартенфюрера Кнолле — вот его письменный приказ о временном подчинении вашего отряда мне. И давайте, как говорят русские, брать быка за рога. Первое: подтяните своих «волков», проверьте — у вас было пополнение. Не падите за попытку к измене. За это по приказу фюрера сейчас в частях вермахта не церемонятся — отправляют на виселицу. Второе: немедленно приступите к делу. В районе деревни Черная Грязь (вот смотрите на карте) должны появиться разведчики одной из бригад белорусских партизан. Идут на контакт с местными. Перехватите. Третье: займитесь теми, кто работает на станции и на ремонте железной дороги. Держите список подозрительных лиц...

Когда Шпиц уехал, Мартыновский вызвал Решетникова и спросил:

— Во время гульбы кто-нибудь болтал лишнее?

— Да.

— Кто?

— Витковский. Говорил, что под Курском советских танков было навалом.

— Говорил спокойно?

— Нет. Нервически. Слабак он. Из военнопленных.

— Под замок. А завтра...

Мартыновский не договорил, что будет утром, но глаза его сверкнули по-рысьи.

Себеж еще не сбросил сон, а неопохмелившиеся бандиты уже слушали в строю приказ о казни через повешение «большевистского агитатора Витковского». В полдень они как вши расползлись по городу и окрестностям. Мартыновский в сопровождении Решетникова, Пшика, Пашки-моряка отправился в деревню Черная Грязь.

Константину Фишу — командиру разведки белорусских партизан — не понравился посланец местного отряда. Несло от него винным перегаром, речь изобиловала блатными словечками. Но пароль был верен, место встречи — заранее оговоренное, и Фиш, поправив маузер, сказал:

— Пошли.

И только в избе мелькнувшее подозрение стало переходить в уверенность. Перстень на руке командира, слащавое приветствие, отсутствие хозяев... Ясно: ловушка. Стараясь не выдать волнения, Фиш спросил стоявшего у окна человека:

— А сегодня будет дождь?

Это был контрольный вопрос. Ни его, ни ответа: «Будет, и с грозой» — Шпиц не знал, и Мартыновский, не задумываясь, ляпнул:

— Черт его знает.

Фиш выхватил оружие, но зорко следивший за ним Решетников упредил. Раздалась короткая автоматная очередь, и партизан рухнул на пол.

— Поторопился, — Мартыновский пнул ногой убитого.

— Так он бы подстрелил тебя.

— Надо было стрелять в руку. Он важен был живой.

Решетников криво усмехнулся:

— Мертвый партизан всегда лучше живого. Да и тобой рисковать нельзя.

Решетников лукавил. Став заместителем Мартыновского, он уже в Себеже начал осуществлять план его компрометации в глазах штандартенфюрера Кнолле.

5 ноября 1943 года, использовав свой любимый прием, лжепартизаны вышли на след двух спецгрупп. Им удалось окружить командира одной из них, Румянцева, и разведчиков Кремнева и Дундукову. Советские воины отстреливались до последнего патрона. Румянцев и Кремнев были убиты в перестрелке, а Нина Дундукова, раненная, попала в плен. Последнюю пулю она пустила в Мартыновского. И не промахнулась. Вожак волчьей стаи был ранен.

Разведчицу жестоко пытали в гестапо. Ничего не узнав, Шпиц привез истерзанную девушку в лагерь бандитов. Вытащив из машины, сказал Решетникову:

— Мужественная девка. Трофей ваш, отдаю на съедение «волкам».

Шпиц теперь был доволен своими помощниками и при встречах с Венцелем нахваливал Мартыновского и Решетникова:

— Матерые «волки». Не чета твоим. Настоящие кровавых дел мастера.

Но Мартыновскому задерживаться в озерном крае долго не хотелось. Выезжать из Себежа с каждым днем становилось опаснее. Партизаны вели себя теперь настороженно. Начали охоту за бандой. Да и фронт придвинулся ближе. Советские войска, освободившие Невель, теснили гитлеровцев. «Волки» Мартыновского перекочевали, а точнее, бежали в Дриссенский район Белоруссии.

Лжепартизанскими провокациями занималась не только банда Мартыновского. Рядясь в одежды народных мстителей, творили черные дела «казаки» карательного отряда. Действовал этот отряд у границ Братского партизанского края. Командовал им гитлеровский капитан Бойтельспахер.

Весь путь отряда залит кровью советских людей. В деревне Асташево Опочецкого района они повесили за связь с партизанами Антонину Анисимову. Через неделю там же после зверских надругательств убили шестнадцатилетнюю Тоню Баскакову. В деревне Стайки Пустошкинского района пытали, а затем казнили колхозницу Жукову... Гитлеровец Бойтельспахер хвастался перед своими подчиненными ученостью, называл себя доктором химических наук. Когда староста деревни Асташево сказал, что у Анисимовой остается грудной ребенок, этот ублюдок расхохотался и бросил в ответ:

— Пусть подыхает!

Но и «казакам», как и «волкам» Мартыновского, все реже удавалось выходить на след спецгрупп, захватывать партизанских связных и разведчиков. Поджав хвосты, они вынуждены были перебраться в Прибалтику. Зато все чаще и чаще Крезер, Венцель, Шпиц, Вагнер и другие начальники отделений СД и ГФП стали получать от вышестоящего начальства грозные директивы, в которых недвусмысленно говорилось об их «непростительных» промахах в борьбе с коммунистическим повстанческим движением. Гестаповцы из кожи вон лезли, чтобы оправдаться, но их агенты, засылаемые в партизанские бригады, действовали неуклюже, топорно и проваливались с поразительной быстротой.

1943 год был годом наивысшей активности фашистской разведки. Черная паутина абвера и главного управления имперской безопасности тянула свои нити в тылы советских войск. Только на московском направлении

советские контрразведчики обезвредили 127 агентов «абверкоманды-103». Насыщены были германскими разведывательными и контрразведывательными органами и оккупированные фашистскими войсками группы «Север» территории, особенно Псков, Рига, Остров. В Риге размещалось «абверштелле-Остланд» (территориальное представительство абвера в Прибалтике) во главе с полковником Неймеркелем. В Пскове находились целых три абверкоманды. Одна из них (начальник майор Гезенреген), имея много подразделений (в том числе и в Опочке), занималась дискредитацией партизанского движения, засылкой провокаторов в подпольные организации, выявлением советских разведчиков.

Однако, несмотря на все потуги, агенты абверкоманд, резиденты «зондерштаба Р» (особый штаб Россия), действовавшие под маской сотрудников различных хозяйственных учреждений, не смогли дать командованию фашистских войск полную характеристику партизанских сил в районе ленинградского шоссе на участке Остров — Опочка — Пустошка, в междуречье, у старой латвийской границы. Чаще всего сведения о партизанах были преувеличенными. Так, в одном из сводных донесений службы безопасности указывалось наличие в бригаде Марго пушек и подземного крупного склада зерна. Ни того, ни другого бригада не имела.

Зато о подразделениях охранных войск, полицейских гарнизонах и даже крупных частях вермахта наши армейские и партизанские штабы располагали довольно точными данными. В этом была заслуга спецгрупп и «партизанского прожектора», как называл в свое время разведку народных мстителей командир 2-й особой бригады Северо-Западного фронта легендарный «батька Литвиненко». Только один спецотряд Гонтаря установил дислокацию нескольких дивизий и 14 отдельных частей фашистских войск.

В Себеже — Муравей, Моряк, Дубок, в Опочке — Дубровский, Краснофлотская, Огонь, Мороз, Грач, в Красногородске — Порох, Сталь — таков далеко не полный список разведчиков Гонтаря в третью военную зиму. Это была добротная разведывательная сеть. О ее руководителе у начальника штаба партизанского движения Калининской области Степана Григорьевича Соколова, посылавшего осенью 1943 года Гонтаря к берегам Великой и Синеи, был такой разговор:

— Как там, на новом месте, разворачивается Бобрусь?¹ — спросили Степана Григорьевича в обкоме партии.

— Весьма успешно, — ответил Соколов.

Как-то молодой боец в отряде, но уже бывалый партизан сказал в кругу своих товарищей:

— Что и говорить, за год партизанской жизни всякое бывало, не менее чем в трех водах довелось попить.

— В трёх, говоришь? — вмешался в разговор политрук Анисимов. — Наш командир в семи, а то и во всех десяти варился. Однако о своих боевых заслугах молчит.

А их было немало у старшего лейтенанта коммуниста Петра Васильевича Бобруся. Служил в погранвойсках, руководил разведкой партизанских бригад, участвовал в крупных боях смоленских партизан. В одном из них был ранен. Выполнял спецзадания. Налаживал контакты армейских и партизанских разведок.

Начало отряду Гонтаря положила спецгруппа из восьми человек, выделенная из состава 1-й Калининской партизанской бригады в ноябре 1942 года. Спустя год в отряде было уже 85 бойцов. Они стали частыми «гостями» на коммуникациях, связывавших фашистские гарнизоны Себежа, Резекне, Красногородска, Пыталова, Опочки, Карсавы. На боевом счету отряда было четыре подорванных вражеских эшелона, 17 складов с боеприпасами, более 30 уничтоженных мостов.

Получал отряд задания и непосредственно из штаба фронта. Так, в конце ноября 1943 года последовал приказ срочно взять «языка» на дорогах из Латвии на Себеж, где наблюдалось интенсивное движение свежих частей вермахта. Сведения о них поступали противоречивые.

...Засада. Молчаливый ельник. За холмом небо в облачных лоскутках и в зловещем зареве. Холодно. Мучительно хочется курить. Ожидание, ожидание, а нервы на пределе. Но вот на большаке Зилупе — Себеж появилась крытая брезентом машина.

— Пропустить, — подает сигнал старший лейтенант Жабоедов.

¹ Бобрусь — настоящая фамилия Гонтаря.

Расчет начальника штаба верен: грузовик с интендантским добром, ефрейтор-фуражир и солдат-шофер вряд ли окажутся ценными «языками». Еще час на стылой земле. Наконец долгожданное:

— Огонь!

Три машины с солдатами. По тому, как беспечно ведут они себя, видно, что новенькие в этих краях. К «сюрпризам» на тыловых дорогах не готовы. Разбегаются, слабо отстреливаясь. Секут по ним огненные строчки партизанских пулеметов... Немного спустя шлет отрядный радист в эфир позывные:

— Я — Гонтарь... Я — Гонтарь...

Ложится на стол командарма сообщение: «Из района Зилупе движется свежая дивизия врага, прибыла из Франции, в ее составе...».

Однажды в руки разведчиков отряда попал переводчик из тайной полевой полиции. При допросе переводчик, казалось, довольно правдиво отвечал на вопросы. Но Бобрусь заметил искорку напряжения в его глазах.

— Андрей Максимович, — обратился он вечером того же дня к комиссару отряда Телятнику, — не кажется ли тебе странным, что гитлеровцы в переводчики взяли еврея?

— Я тоже подумал об этом.

— Могли, правда, не знать, что он еврей, но что-то уж очень настойчиво напирал он на это, да и глаза...

— Что глаза?

— Вроде как бы свидетельствовали против него.

— Ну что ж, давай еще раз допросим вдвоем, да по основательнее, — предложил комиссар.

Повторный допрос проходил в огромной воронке от бомбы. Немецкие самолеты только что бомбили деревню Овсянки, где располагался отряд. Переводчик признался, что он не еврей, пытавшийся вырваться из тенет врага, а фашистский агент по кличке Арам. Зброшен с целью проникновения в советский тыл.

В декабре 1943 года начальники тайной полевой полиции Себежа и Опочки договорились с начальником абверкоманды в Опочке гауптманом Барцелем нанести неожиданный удар по базе спецотряда Гонтаря силами двух подразделений полевых войск. Бобрусь узнал об этом в тот же день. И когда организаторы похода напра-

вили карателей по тайно разведанным накануне дорогам к деревням Кошняки и Овсянки, земля вздыбилась от взрыва мин, а из нежилых построек, утонувших в голубоватом снегу, засверкали выстрелы. До вечера держал спецотряд оборону на подступах к деревням. А когда сгустились сумерки, «растворился» в снежном безмолвии.

Пограничная закалка, душевная щедрость помогали Петру Бобрусью находить верные пути к сердцам подчиненных. В создании высоко боеспособного, дисциплинированного отряда большую роль сыграли также военврач 3-го ранга Андрей Максимович Телятник, оказавшийся не только превосходным хирургом (редкий случай: доктор-комиссар), но и умелым воспитателем, Михаил Максимович Жабоедов, старший лейтенант, бежавший из плена, человек исключительной храбрости, Николай Герасимович Анисимов, политрук взвода.

...Анисимовы. Одна из крестьянских семей в тихом уголке России, на каких держалась Советская власть в деревне. Когда фашисты пришли на берега Синеи, отцу Николаю, колхозному кузнецу Герасиму Анисимовичу, стукнуло 60, а деду по матери Алексею Ивановичу исполнилось 98 лет. Оба они, не задумываясь, благословили сына и внука на борьбу с оккупантами.

— Ты комсомолец, — говорил Герасим Анисимович, — и знаешь свой долг. А мы поможем тебе.

— Верно, внучек, — вторил зятю Алексей Иванович. — Побьем супостата. Истинный бог, побьем.

Более года восемнадцатилетний Николай Анисимов был верным помощником — связным секретаря Красногородского райкома комсомола Петра Самойлова, организатора первых очагов сопротивления в междуречье. С января 1943 года он боец, затем политрук в спецотряде. Весной 1944 года фашисты расстреляли отца и мать Анисимова. Не пощадили каратели и его столетнего деда Бардадынова Алексея Ивановича.

Третьей военной зимой Гонтарь расширил зону своих действий. Теперь разведчики отряда уходили в Карсаву, Резекне, Мадону и другие города и поселки на латышской земле. И всегда они имели поддержку от партизан-латышей из бригады Самсона. Вилис Петрович выделял проводников, не скупился на провиант. Бобрусь отвечал по принципу «чем богаты, тем и рады», посылал

партизанам-латышам тол, питание для рации, делился медикаментами.

Все ярче и ярче светил Красной Армии «партизанский прожектор». Все чаще и чаще получали штабы наших войск радиogramмы спецгрупп и отрядов из глубинных районов Латвии, с берегов Немана. Солдаты незримого фронта — одиночки, объединенные в небольшие разведывательные группы, спецотряды, ежечасно рискуя жизнью, вносили свою лепту в дело грядущей победы.

Когда я смотрю фильмы о разведке со стремительными погонями на машинах, с лихой перестрелкой, всегда почему-то за экраном видится прифронтовая дорога военных лет. И бредущие по грязи Маша Евдокимова, Клава Королева, Шура Шагурина. Перед мысленным взором возникают бегущая в легком платье в темени фронтовой ночи Полина Тихомирова, твердо шагающий впереди своих бойцов по латышской земле майор Чугунов, люди Гонтаря, чья память была отточена на приказ: «Смотреть. Не забывать. Запоминать». Военные сводки не называли их имен. Результат их «работы» не всегда был сразу реально ощутим. Но ведь и Волга начинается с маленького ручейка.

В преддверии урагана

Мы — из камня, с волей
твердой,
Из железа мы, из стали,
Нас огнем калили в горнах,
Чтоб еще сильнее мы стали,
И теперь мы из гранита,
А сердца из динамита.

Элиза Пашкевич

Ранним утром 14 января 1944 года над Невой, закованной в ледовый панцирь, прогремел гром. Раскаты его не утихали до глубокой ночи. Еще мощнее стали они на следующий день. Это открыли небывалый по силе артиллерийский огонь по фашистским укреплениям под Ленинградом корабли Краснознаменного Балтийского флота, полевые орудия Ленинградского и Волховского фронтов. Началась операция «Нева-2». Одновременно наступательные бои завязали у границ Братского партизанского края части 2-го Прибалтийского фронта.

Очистительная гроза над Невой привела к полной ликвидации блокады города Ленина. Гул артиллерийской канонады теперь не долетал до его улиц. Фашистским самолетам был наглухо закрыт доступ в ленинградское небо. Результатом январско-февральских боев стало освобождение от фашистской оккупации большей части Ленинградской области, Новосокольнического, Новоржевского, Локнянского и еще трех районов Калининской области. Советские войска подошли к Сороти, завязали бои на улицах Пустошки. Тяжелые, кровопролитные бои...

Кто скажет, что было легко нам, — не верьте!
Спросите у тех, кто остался в живых,
Как шли мы в Пустошку «долинами смерти»,
Теряя друзей боевых.

Разбитые и потрепанные под Ленинградом фашистские дивизии отошли за оборонительную линию «Пантера». В ее район командование группы армий «Север» спешно направляло подкрепления из Прибалтики, Польши и из сильно отощавшего резерва охранных войск самого фатерланда.

Генералы вермахта фашистской Германии, планируя боевые операции, любили давать им громкие названия. Многообещающе нарекли они и оборонительную

линию, созданную в тылу своих армий группы «Север» после прорыва советскими войсками блокады Ленинграда, — «Пантера».

Змееобразной лентой протянулась «Пантера» по холмам Порхово-Псковской равнины, плотно прижалась к берегам рек Черехи, Псковы, Великой, Сороти, Синей. Огромные минные поля у Острова, Идрицы, Пустошки чередовались с проволочными заграждениями в четыре — шесть рядов. В заболоченных местах — заборы с амбразурами для пулеметов: 12 дзотов и 8 бронеколпаков в среднем на один километр. Мощный оскал!

Гейбельс и его присные поспешили объявить «Пантеру» «непреступным валом».

Оборонительные линии обычно штурмуют, прорывают. «Пантеру» наши войска поначалу «прогрызали». Этот термин появился даже в боевых донесениях. На левом фланге «Пантеры» такое «прогрызание» началось в ходе февральских боев 1944 года. В те дни наши войска, в том числе и стрелковый полк имени Александра Матросова, овладели на Ленинградском шоссе населенными пунктами Руда, Линец, ворвались в город Пустошку и освободили большую его часть от оккупантов. Гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки остановить наступление гвардейцев у «Пантеры».

— Ну что ж, будем вгрызаться в оборону врага, — сказал командир дивизии командиру матросовцев. — Твоя задача — сковать противника в районе кряковских высот.

— Сковать — значит занять высоты?

— Хорошо понимаешь, — усмехнулся комдив и добавил: — Занять и любой ценой удержать, пока другие части армии обходят с фланга. Это, товарищ Рощупкин, и приказ, и просьба. Знаю, силы неравны, но иначе нельзя...

«Иначе нельзя», «необходимо», «любой ценой» — слова эти на фронте всегда имели конкретное содержание. Для Евгения Рощупкина они означали на карте две точки с цифровой пометкой, на местности — всего-навсего два небольших холма: на одном — деревня Кряково, на другом — кустарник, занесенный посеребрившим снегом. Но холмы господствовали над болотной равниной, а в распоряжении генерала — командира гитлеровских частей, обосновавшихся в деревне, — были и артиллерия, и танки, и шестиствольные минометы.

Огонь всех этих подразделений и обрушился на матросовцев, когда утром 6 марта они атаковали Кряково. Весь день шел бой.

— Худо дело, товарищ командир, не продвинулись ни на шаг,— закончил свой короткий вечерний доклад Рощупкину начальник штаба полка капитан Гребень.

— И вовсе не худо,— возразил Рощупкин.— Сила на стороне врага, а инициатива наша. Повторим атаку завтра перед рассветом, и...— командир полка помедлил,— без артподготовки.

Командир советского полка был молод. Как говорится, не вышел из комсомольского возраста. Когда началась Великая Отечественная, ему едва минуло двадцать. Путь от командира взвода до командира полка, пройденный Рощупкиным за два года, был отмечен тремя орденами Красного Знамени. Трижды он был ранен и трижды возвращался в строй. А четвертый раз вернулся из... военной академии, где успел пройти ускоренный курс.

Под стать Рощупкину были и его ближайшие помощники: комбат Комаров, начштаба Гребень. Командир пулеметной роты, бывший рабочий Новокузнецкого металлургического комбината Александр Максимов дрался с фашистами под Москвой, на Волоколамском шоссе, освобождал Клин. Боевой опыт был за плечами и у заместителя командира полка по политчасти омича Николая Малицкого, бывшего колхозного бригадира. Было на кого положиться в бою.

...Бесшумно по глубокому снегу подползли матросовцы под самые избы Крякова. Яростным броском ворвались в деревню. Застигнутые врасплох фашисты бежали. Но лишь только вставшее солнце начало плавить лед, грянул минометный огонь, и автоматчики в сопровождении танков и самоходных орудий двинулись к Крякову.

Четыре атаки. Четыре контратаки. Удержали высоты матросовцы.

8—9 марта бой шел от зари до зари. Шквал огня бушевал на холмах. Рощупкин отвел бойцов к их подножию. Гитлеровцы заняли Кряково. Стихал огонь, и матросовцы вновь занимали рубеж. 9 марта шесть раз деревня переходила из рук в руки. Последнее слово осталось за гвардейцами.

Положение полка к утру 10 марта было катастро-

фическим: нет снарядов, мало гранат, убиты и ранены почти все офицеры. Остатками рот командовали сержанты, взводов — рядовые. Рощупкин собрал оставшихся бойцов. Обожженный, почерневший, он стоял у пулемета и горячо говорил:

— Друзья! Продержаться нужно еще несколько часов. Помощь близка. Пусть это будет наш последний бой, но верю — вы не посрамите гордого имени родного полка.

И они не посрамили. В журнале боевых действий 56-й гвардейской стрелковой дивизии об этом бое полка записано:

«...12.00. Одновременно с направлений Богомолото, Кряково, лес западнее Кряково противник предпринял атаку силами до 200 автоматчиков при поддержке 6 танков. Противник отброшен, оставив 100 убитых, раненых и два танка...

...14.00. Противник атакует силой до 100 человек при поддержке 4 танков...

...16.00. Противник атакует силой до 180 человек при поддержке 3 танков.

...16.30. С направлений Кряково и Ореховка противник силой до 300 человек и 4 танков вновь перешел в атаку на высоту 214,6».

Десять атак отбили герои. В последней из них погиб коммунист Евгений Рощупкин. Погиб, ведя огонь из пулемета.

Рощупкин и его боевые товарищи не знали о подвиге ветерана Красной Армии — «человека со шпалами в петлицах» и четырех юношей в красноармейской форме, совершенном в первые дни войны на Бобкиной горе, когда фашисты вторглись в Пустошку, но, как и они, беспримерной стойкостью своей приблизили час Победы.

Прибывший на поле боя генерал армии Еременко сказал:

— Здесь полк повторил подвиг Матросова.

В дни, когда матросовцы сражались на кряковских высотах, серьезную помощь советским воинам оказали опочечские «невидимки» — Рая Гаврилова и ее подруги.

Командование 16-й немецкой армии сконцентрировало в начале марта 1944 года в Опочке около десяти танковых и артиллерийских подразделений. Несколько часов двигалась вражеская техника по Ленинградскому шоссе. И все это время за ними наблюдали зоркие глаза

разведчицы Абсолют. Их размещение в городе фиксировали Надя Литвиненко и Люба Алексеева. Штаб Марго на другой день передал данные разведки в штаб наступающих советских войск, а Петрович послал отважным девушкам ракетницы.

Следующим утром над Опочкой появились краснозвездные самолеты. Бомбы ложились точно в те места, где стояли пушки, танки и находились строительные материалы для «Пантеры». Началась паника. До позднего вечера по городским улицам носились санитарные и пожарные машины оккупантов.

Мартовская бомбежка военных объектов Опочки явилась заключительным аккордом замечательной деятельности подпольщиков древнего города. Нелепый случай дал фашистам возможность напасть на след подполья. В конце марта Кардаш, отправляясь на явку, взял с собой в провожатые двух парней, незадолго до того зачисленных в партизаны. Опасался не за себя, а за документы, которые должен был получить. Проверить этих парней не успели. Бригада, рассредоточившись в Себежском и Опочецком районах, отбивала натиск карателей, и одновременно ее диверсионные группы минировали дороги. Не только смелый, но уже и опытный разведчик Кардаш оставил провожатых в землянке вблизи деревни, не сказав, к кому идет на связь. Когда он ушел, парни отправились в соседнюю деревню, где потребовали самогона и продуктов, угрожая оружием. Вернувшись, Кардаш отругал их и сгоряча сказал, что доложит обо всем комбригу. Легли спать в землянке. Ночью, опасаясь наказания, один из провинившихся, Тимофеев, убил Кардаша.

Петрович не поверил рассказу Тимофеева о нападении на землянку гитлеровцев и гибели Кардаша в бою. С помощью Георгия Нестеровича Федорова узнал правду. Но в это время убийцы Рэма при столкновении отряда с фашистами перебежали к врагу. В тайной полевой полиции они называли деревню, куда ходил Кардаш. Агенты тайной полевой полиции установили слежку. Петрович послал командира взвода разведки Защеринского в Букино к связной Нади Литвиненко — Маше Кузьминой. Та поспешила в Разувайку, где жила Надя, но гестаповцы опередили.

При обыске на квартире Литвиненко фашисты никаких улик не обнаружили. Был найден лишь учебник ис-

тории партии. На вопрос жандарма «Что это за книга?» Надя спокойно ответила:

— Школьный учебник. Уму-разуму по нему набираюсь.

Были арестованы все, кроме Олени. Рая через племянника Юру передала Марии Федоровне приказ: «Немедленно в лес». Оленина с Игорем сразу же покинули город, добрались до штаба бригады в урочище Лоховня. Избежала ареста и Аня. Она никогда не посещала провалившуюся явку.

О последних днях Раи и ее боевых подруг известно немного. Одно установлено точно: не дрогнули «невидимки», не сломили их лютые пытки. Пелагее Тихоновне и Ане удалось подкупить переводчика из тайной полевой полиции, и тот устроил им в разное время свидание с Раей. Было оно минутным. Аня принесла чистое белье и с ужасом смотрела на кровавые полосы на теле сестры. Рая шепнула:

— Не говори матери, Аннушка. Держитесь, скоро фашистам крышка... Ой как на свободу хочется!

При свидании с матерью Рая ни словом не обмолвилась о пытках. Охмелев от принесенного самогона, надзиратель говорил Пелагее Тихоновне:

— Матка, бьют твою дочку, бьют, а она точно немая — молчит, молчит...

Стояла теплая апрельская ночь, когда гестаповцы бросили в кузов машины Раису Гаврилову, Надежду Литвиненко и Любовь Алексееву. По дороге в Пустошку молодые патриотки были расстреляны.

Тоня Алексеева была очень сильной девушкой. До войны на деревенских гуляньях она иногда шутя боролась с парнями и многих из них клала на лопатки. Гитлеровцы при аресте едва справились с ней. Скрутив руки девушки проволокой, жандармы раздели Тоню донага и, привязав веревкой к подводе, привели в деревню Куденково. После гнусных надругательств повесили.

Еще раньше, в начале 1944 года, был нанесен удар по себежским «невидимкам». Погас «светлый огонек» — так звала Риту Ляшкевич ее любимая учительница. Разведчица проявила медлительность, узнав об аресте связной, — не ушла немедленно в Лоховню. В тюрьме, где сидела Рита, двое арестованных заболели тифом. Ночью всех находившихся в камере гитлеровцы увезли за город, расстреляли и сожгли.

Погиб и Еж. Вместе с ним были арестованы его жена и дети. Василия Платоновича взяли в момент, когда он собирался поджечь склад зерна, приготовленного хозяйственной командатурой для отправки в Германию. Березкиных и еще нескольких себежан расстреляли в Мидино. Очевидец рассказывал позже: когда Василия Платоновича палачи вытолкнули из машины, он сказал, обращаясь к жене и детям:

— Домнушка, милая, дай мне руку. Валюша, Леня, Вадим, держитесь за маму и меня. Пойдемте, дорогие мои. Вместе не страшно...

И они пошли к яме под фашистские пули — без слез, без крика. Себежанка Фаина Корнеевна Громова, видевшая незадолго до расстрела истерзанного пытками Березкина, пишет в своем письме: «...семья эта не должна быть забыта, хотя пройдет тысяча лет!»

Это точно. Срока у подвига нет.

Весной 1944 года борьба калининских и белорусских партизан проходила в очень сложных условиях. Советские войска частично освободили от врага Братский партизанский край. Линия фронта стабилизировалась до лета на рубеже Дретунь — озеро Нецедро — Пустошка. На оставшуюся оккупированную территорию края хлынули фронтовые части вермахта. Партизаны не могли больше базироваться в селах и деревнях. Плохо было и с продовольствием. Заложенные базы с зерном и другими продуктами в связи с изменившейся обстановкой оказались или в советском тылу, или на линии фронта.

Отступая к Прибалтике, гитлеровцы применяли свою человеконенавистническую тактику выжженной земли. Деревни сжигались, население угонялось в глубокий тыл, всех сопротивлявшихся угону расстреливали. Вот тут-то и сказалась дальнзоркость Себежского и Идрицкого подпольных райкомов партии, создавших летом 1943 года на оккупированной территории органы Советской власти — комендантские участки. Их руководители своевременно уводили население в лес. В урочище Лоховня и в других лесных массивах были организованы «гражданские лагеря», где укрывались женщины, дети, старики.

Партизаны маневрировали, пользуясь весенней распутицей, и, ускользая от врага, продолжали борьбу.

Выдержки из документов тех дней.

Из рапорта адорьевского волостного старшины начальнику отделения Новоржевского уездного управления: «...господин Демидов, прошу я вас, Евстигнеев, не оставьте моей просьбы, съездите в Новоржев, попросите начальника района, чтобы на время расформировали бы волость. Уполномоченные деревень ходят как сонные, не дают населению никаких распоряжений, напуганы партизанами, а мы бегаем, как зайцы».

Из приказа командира партизанской бригады № 5: «За успех в бою с немецкими захватчиками... захват трофеев и документов и освобождение группы арестованных советских граждан командиру и комиссару отряда № 3 тт. Степанову и Солнцеву, начальнику штаба т. Щербине, всем бойцам и командирам — участникам боя объявляю благодарность».

Из донесения начальника штаба партизанского движения Калининской области Соколова: «Партизаны усилили свою боевую деятельность по коммуникациям и тылам противника. За март 1944 года партизанскими бригадами, действующими перед 2-м Прибалтийским фронтом на временно оккупированной территории Калининской области, нанесен противнику следующий урон: спущено под откос и подорвано 28 эшелонов... Засадами и минированием уничтожено: 1 средний танк, 130 грузовых, 23 легковые автомашины...»

За пять месяцев 1944 года фашисты провели на территории бывшего Партизанского края 19 карательных экспедиций. Самая крупная из них началась 16 апреля. За сутки до нее в штаб бригады Марго приехал Бойдин, доложил Кулешу:

— Плохие новости, Андрей Семенович.

— Так уж и плохие? — Секретарь подпольного райкома партии протянул молодому комбригу руку. — Сначала давай поздороваемся.

— Разведчики доносят о сосредоточении крупных сил на латвийской границе. Не сегодня-завтра выступят полевые войска из Опочки.

— Значит, новая карательная, — сказал Марго. — Везет нам. Не успели отбить «весеннее патрулирование»¹, как снова лезут.

¹ Так гитлеровцы называли карательную экспедицию в конце марта. Приказ о ее задачах партизаны нашли у убитого лейтенанта Огейма.

— Назвали громко — «пасхальная».

— А ты откуда знаешь?

Бойдин рассмеялся:

— На бронированном «хорхе» сам опочечкий комендант в бригаду пожаловал. Сказал: капнут мне и тебе.

Примерно в те же часы, когда Бойдин принес Кулешу и Марго сообщение о новой карательной экспедиции, ее руководитель, уверенный в успехе, докладывал (16 апреля это донесение было перехвачено и дешифровано в штабе нашего фронта) командованию охранных войск: «1400 партизан окружены плотным кольцом в районе Матвеево, Городище, Фетьково. 17.4 окруженные партизаны будут уничтожены».

16 апреля с утра до вечера фашистские самолеты, поднимаясь с аэродрома Идрицы, бомбили предполагаемые места базирования партизанских бригад Гаврилова, Бойдина, Вараксова, Марго, Бабакова, Халтурина. Дымились превращенные в развалины деревни.

На совете командиров вечером того же дня Марго сказал:

— Из Лоховни будем уходить ночью, ибо пропущенный час годом не нагонишь.

Не помогли карателям ни авиация, ни артиллерия. Маневрируя, рассредоточиваясь и снова собираясь в кулак, ушли народные мстители из приготовленных им ловушек. Колонной в тысячу человек ночью переправились через реку Веть. Ледяная была купель. И под пулями. А на подводах — раненые и больные. Фашисты пристрелялись к броду. В замешательстве заматались в кустах еще не обстрелянные бойцы. Раненые начали вскакивать с подвод. И в это время у переправы появился Кулеш.

— Товарищи, вперед, только вперед!

Прорвались партизаны. На пятый день каратели прекратили преследование. Через неделю отряды бригады Марго и других бригад вернулись в свою «столицу» — Лоховню.

В те неимоверно трудные апрельские дни, когда партизаны пробирались по заболоченным лесам и раскисшим весенним дорогам, на них обрушился новый коварный враг — тиф. Многие бойцы (в том числе и разведчица Олень) метались в тифозной горячке. Но по-прежнему действовал железный закон партизанской жизни: товарищей в беде не оставлять.

Директор совхоза «Маевский» Юрий Станиславович Янкевич, разведчик бригады Марго в годы войны, тоже тяжело заболел тифом во время «пасхальной» карательной экспедиции. Вспоминая те страшные дни, он пишет:

«Меня несли разведчики. Казалось, силы уже на исходе. Подошли к землянкам сожженной гитлеровцами деревни Машнево. Землянки располагались в лесу, окруженном болотом. Здесь разведчики встретили знакомую девушку Машу Петрову. Она ютилась с матерью и младшим братишкой Васей в одной из землянок. Маша и ее мать оставили меня у себя...

К вечеру фашисты подошли к краю болота. Из нашей землянки можно было слышать лязг гусениц, вой моторов и лай немецких овчарок... Ночью каратели не посмели войти в лес, а на рассвете к лесным землянкам прискакали трое всадников-партизан, среди них был комиссар нашей бригады Кулеш. Андрей Семенович с помощью товарищей привязал меня к седлу своего коня, и я был доставлен в лагерь на Зеленый остров. Комиссар же до расположения бригады шел пешком».

Свалил тиф и смелую разведчицу 4-й Калининской партизанской бригады Марию Пынто. Незадолго до этого на заседании Себежского подпольного райкома партии ее утвердили секретарем подпольного райкома комсомола. Мария вместе с сестрой Ядвигой укрылась в землянке. Девушка уже выздоравливала, когда в землянку ворвались гитлеровцы и полицаи. Каратели зверски пытали комсомолку: выбили зубы, отрезали ухо, полосовали ножами грудь... Полуживая Мария бросила в лицо палачам:

— Все равно русский народ победит!

Русая прядь по-девичьи взбита,
Взгляд синеватых глаз упрям.
Как ее имя? Мария Пынто!
Пусть это имя запомнится вам ¹.

Только через несколько дней молодые партизаны обнаружили в лесу изуродованное тело своего вожака. Разведчики бригады нашли тех, кто предал Пынто, и привели их в Лоховню. Судил сход партизан и деревенских жителей. По окончании суда председательствующий, комиссар бригады Вакарин, спросил:

¹ Стихи себежанина Ф. Стриго.

— Ваш приговор, товарищи?

Ответ был единодушным:

— Смерть!

От голода и холода в «гражданских лагерях» больше всего страдали дети. А их в себежских и опочецких лесах укрывалось около двух тысяч. Много было матерей с грудными малышами. Секретари подпольных райкомов партии Н. В. Васильев и А. С. Кулеш направили радиogramмы в Калининский обком ВКП(б) с просьбой спасти детей. В мае фронтовые части вермахта не участвовали в карательных экспедициях против партизан, но очень часто бомбили и обстреливали с самолетов стоянки партизан и гражданские лагеря.

Через некоторое время в адрес Марго и Кулеша пришла радиogramма из штаба партизанского движения. С. Г. Соколов сообщал: «В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) для эвакуации детей в советский тыл на ваши площадки направляются самолеты. Обеспечьте прием самолетов, безопасность детей при посадке, охрану посадочных площадок».

Первыми приземлились на партизанском аэродроме летчики Сергей Борисенко, Иван Тутаков, Николай Кулагин, Иван Суницкий. Маленьким пассажирам привезли гостинцы. Некоторые из ребятишек впервые в жизни ели печенье и конфеты. Вернувшись в часть, один из летчиков рассказывал своим боевым друзьям:

— Спрашиваю мальчонку: «Как звать?» Отвечает: «Миша». Даю ему плитку шоколада, говорю: «Жуй. Вкусная штука». А он мне: «Дяденька, я такое не ем. Дай мне хлеба горбушку». Меня аж затрясло всего...

Узнав, что детей вывезли на самолетах, гитлеровцы пустили провокационный слух, что самолеты были сбиты и дети погибли. Переволновались родители и партизаны. Но летчики, направляясь во второй рейс, захватили письма от ребят постарше. Митя Моисеев из деревни Казаново писал матери: «Мамка, я живу хорошо и теперь безопасно. Мамка, ты побывай у Марго и хорошенько попроси его, чтобы и тебя отправили».

Из донесения секретаря Опочецкого подпольного райкома партии Н. В. Васильева секретарю Калининского обкома ВКП(б) И. П. Бойцову: «Когда мы эти письма прочитали родителям, вы не представляете, какая радость охватила их! Слезы радости и благодарно-

сти Родине и партии были на глазах не только женщины, но и мужчин-партизан.

Каждую ночь из болот и лесов, несмотря на опасность, идут малыши к посадочной площадке. Каждых двух малышей сопровождает вооруженный партизан, охраняя их от возможного нападения врага.

На площадке дети стоят с поднятыми вверх личиками, прислушиваясь и всматриваясь в небо, ожидая самолетов, и, как только слышат гул, сколько радости на их лицах!»

Около 1600 ребятишек (из них 207 сирот) и 93 матери с грудными детьми перевезли авиаторы 13-го полка Гражданского воздушного флота за линию фронта. А какой чудесный подарок сделали детям воины-гвардейцы! Эвакуированных маленьких советских граждан размещали в детприемниках Невеля. Город, недавно освобожденный от оккупации, не мог предоставить многого в их распоряжение. Однажды в райком комсомола (на бюро обсуждался вопрос об организации небольшого летнего лагеря) пришел командующий 6-й гвардейской армией генерал-лейтенант И. М. Чистяков и спросил:

— Можно поприсутствовать, товарищ секретарь?

— Пожалуйста, товарищ генерал, — ответила Татьяна Киселева, бывший командир «девичьей ватаги».

Посидел генерал на бюро. Ничего не сказал. Ушел. А через неделю Киселеву, начальника лагеря Жукову и других райкомовцев пригласили к командиру. Чистяков «вручил» им подарок для пионеров — целый городок в лесу на берегу озера: несколько жилых домов, пищеблок, баню, клуб, купальню, причал и 10 лодок. Все это построили солдаты в перерывах между боями.

Четвертый военный июль принес в голубой озерный край освобождение от оккупации. Совинформбюро в этот месяц почти ежедневно радовало советских людей победными вестями.

Из оперативной сводки за 16 июля 1944 года: «В течение 16 июля западнее и юго-западнее города Опочка наши войска с боями продвигались вперед и заняли более 80 населенных пунктов, в числе которых... железнодорожная станция Кузнецовка».

Из оперативной сводки за 17 июля 1944 года: «Западнее и юго-западнее города Опочка наши войска, про-

должая наступление, овладели районным центром Калининской области городом Себеж, а также с боями заняли более 60 других населенных пунктов, в числе которых... железнодорожная станция Себеж».

Из оперативной сводки за 18 июля 1944 года: «В течение 18 июля западнее и юго-западнее города Опочка наши войска продолжали вести наступательные бои, в ходе которых овладели районным центром Калининской области Краснородск, а также заняли более 100 других населенных пунктов, среди них... железнодорожные станции Посинь, Зилупе».

Враг был изгнан из Пустошки, из Пушкинских Гор. Красное знамя взвилось над Опочкой.

Когда началось наступление войск 2-го Прибалтийского фронта, все отряды калининских партизанских бригад вышли на дороги, ведущие на запад. Они провели 62 открытых боя, разбили 6 опорных пунктов врага, удерживали до подхода армейских частей шоссе Опочка — Мозули, обеспечивали наступавшие войска передовой и фланговыми разведками, отбили у гитлеровцев более двух тысяч мирных граждан, построили переправы через реку Исса и другие водные рубежи.

Наступление развивалось. Солдаты двигались дальше на запад, партизаны входили в освобожденные города. На берегах себежских озер, рек Великой, Синеи, Сороти пылали последние партизанские костры. Были они теперь яркими, радостными.

Настроение омрачали известия о гибели в освобожденных городах и селах многих бойцов незримого фронта — подпольщиков. В Опочке в одном из подвалов, где томились арестованные патриоты, была обнаружена надпись: «Отомстите за нас! Прощайте навсегда! Николай Васильев». В селении Ровные Нивы в наспах вырытой яме нашли тело Ольги Давидович.

В Пушкинских Горах незадолго до освобождения от оккупации были схвачены Мария Карпова, Нина Крылова, Женья Шабохина и их товарищи — всего 22 человека. Короткий и жестокий допрос — и всех в закрытую машину. В лесу за поселком палачи Вагнера зверски убили юных подпольщиков. Изуродованные трупы сожгли. Судьба этой подпольной группы — еще не написанная страница истории.

С конца июля 1944 года партизанская война на стыке трех республик велась только силами латышских пар-

тизан. Калининские бригады были расформированы. По-прежнему высоким боевым накалом отличались действия бригады под командованием Самсона. В июне в бригаде было уже семь отрядов. Они держали под своим контролем значительную часть Абренского, Резекненского и Лудзенского уездов.

Не было только рядом с Самсоном отважного парторга — пулеметчика Иманта Судмалиса. Он вернулся в Ригу для организации подполья, но вскоре был схвачен гитлеровцами и 25 мая 1944 года повешен в центральной тюрьме Риги. В письме родным перед казнью герой-подпольщик писал: «Я оглянулся на прожитое, и не в чем себя упрекнуть: я был человеком и борцом в эти столь решающие для человечества дни».

Несколько раньше 11 человек из группы майора Чугунова были окружены гитлеровцами в деревне Малые Боты Лудзенского уезда. Сарай, из которого они отстреливались, фашисты подожгли. Разведчики сгорели. На другой день в единоборстве с «айзсаргами» погиб и Константин Дмитриевич Чугунов, шедший навстречу своим бойцам.

Из спецгруппы «Борец» остались в живых Сысоевы (у них в лесу родилась дочь Аня) и те из разведчиков, которые еще не переправились в Латвию¹.

23 июня 1944 года, в день латышского народного праздника Лиго, началось мощное наступление советских войск в Белоруссии — операция «Багратион». К этому времени на оккупированной части республики сражались 150 бригад и 49 отдельных отрядов партизан общей численностью 143 тысячи человек. С яростной силой обрушились партизаны на оперативный тыл гитлеровских войск. Только в ночь на 20 июня они подорвали 40 тысяч рельсов.

«Багратион» открыл широкую дорогу Красной Армии в Восточную Пруссию, Прибалтику, Польшу. На фашистскую Германию надвигался ураган возмездия.

¹ Большую работу по поиску их в последние годы провели учащиеся опочечкой средней школы № 3.

Белым снегом

Конечно, память!
В ней мои мосты
В грядущий день.

Юрий Воронов

(Эпилог)

Мы опаздывали и к Себе-жу подъезжали, когда было далеко за полночь. Метель, разыгравшаяся в начале нашего пути, стихла. Но лес еще знобило от сквозного ветра. Свет фар рассекал лесной массив надвое. Окрест было тихо и белым-бело. Ехали мы молча. Каждый был погружен в свои думы.

— Смотрите, смотрите, — неожиданно воскликнул сержант Николай Куренков, водитель нашего «газика», — костер! Видите? Слева.

Костер зимней ночью в глухом лесу — это было столь необычно, что я попросил остановить машину. Недалеко от дороги, на крохотной полянке, у небольшого яркого костра спиной к нам стояли два человека. И пели. Голоса были женские. До нас долетели слова:

Белым снегом, белым снегом
Ночь метельная ту стезю замела...

Что-то чарующе-колдовское было в том, как исполняли песню незнакомки: и накал сильной страсти, и непреоборимая грусть о минувшем, и теплившаяся надежда на то, что не все еще потеряно. Когда песня погасла, мой спутник, ректор Великолукского педагогического института Марго, зябко повел плечами и промолвил:

— Вот так и жизнь, как метельная ночь, все своим снегом заметает.

— Так-то уж и все, Владимир Иванович? — возразил я. — Неужто и ваших партизанских троп «след знакомый затерялся вдалеке»?

Марго не ответил. Мы подошли к костру. Хозяевами его оказались две девушки — Валя и Маша, возвращавшиеся домой после вечеринки в соседнем селе.

— Может, вас подвести домой? — предложил я.

— Спасибо. Мы не торопимся, — ответила Валя. — Да нам и близко...

Как только мы добрались до гостиницы, я быстро забрался в постель, а Владимир Иванович стоял в задумчивости у окна. Сквозь волны набегавшего сна до меня донеслись вполголоса произнесенные слова:

— «Ночь метельная ту стужку замела...»

Утром наш «газик» мчался по местам, где в годы минувшей войны сражались калининские и белорусские партизаны, где воевали Марго и его товарищи. Когда подъехали к Боровым, Марго поспешил вылезти из машины. Но ориентироваться ему было трудновато. Фашисты сожгли Боровые, и новая деревня сейчас не похожа на ту, которую так хорошо знал Владимир Иванович в годы войны.

— Кажется, здесь, — наконец произнес он.

Останавливаемся у дома на холме. Стучим. Открывает пожилая женщина. Вспоминается и вдруг радостно кричит:

— Яким! Яким! Ходи скорее. Наш комбриг приехал.

На пороге очень пожилой, но еще не согнувшийся под осыпью лет человек. Яким Игнатьевич Кузнецов — один из тех, кто самоотверженно помогал партизанам. На глазах у хозяина слезы. Заморгал часто-часто и Владимир Иванович...

А к дому Кузнецовых уже идут люди. Не успела Александра Егоровна накрыть на стол, как посыпались сбивчивые, коротенькие, подчас в несколько слов, воспоминания.

Нет! В этой лесной деревушке помнят всё. И крупный бой калининских партизан вблизи Боровых, когда, предупрежденный Романом Кузнецовым о прибытии в деревню батальона вражеских регулярных войск на 32 машинах, Марго так искусно организовал засады, что к ночи каратели, понеся большие потери, поспешно бежали в город. И как избили жандармы плетью мальчишку — сына Кузнецова за найденный у него при обыске капсюль от гранаты.

...Томсино. Старинное русское село, история которого уходит в XVI век. Крепкое партизанское гнездо в годы Великой Отечественной войны. Здесь бригада Марго щедро черпала людские и материальные ресурсы. Беззаветное мужество томсинцев пугало гитлеровских опричников еще в сорок первом, служило примером для всего края.

Мы приехали сюда в полдень. В поселковом клубе шло собрание. Члены колхоза «Пламя» подводили предварительные итоги минувшего хозяйственного года. Владимир Иванович предложил ехать дальше, но тут появился Николай Васильевич Лебедев, секретарь партийной организации колхоза, и безапелляционно заявил:

— Идемте. О вашем приезде «доложили» мальчишки. Собрание вынесло решение о немедленной встрече с вами. Уедете — обидите.

На улице я остановил мальчишку лет десяти, спросил:

— Ты куда бежишь?

— В клуб. Марго приехал.

— А это кто такой? — «полюбопытствовал» я.

В ответ удивленное:

— Разве не знаешь? — и дальше скороговоркой: — Комбриг партизанский. Ужас какой храбрый. Тятенька рассказывал: когда гору Куксиху брали, он как рубанет фашистов пашкой, как рубанет. А сам с бородой.

Владимир Иванович смущенно признается:

— Братъ Куксиху — брал. И борода в ту пору была. А вот насчет пашки — это уж от лукавого.

И окончательно смутился мой спутник, когда в клубе раздалось:

— Нашему комбригу — ура!

Допоздна, как растревоженный улей, гудел поселковый клуб. Марго засыпали вопросами. Отвечая, Владимир Иванович называл имена павших смертью храбрых Конопаткина, Никонова, погибших от рук палачей Никифорова, Березкина, Лапшова, рассказывал о подвигах сидевших в зале бывших подрывников и разведчиков Горского, Шумилова, Янкевича. И надо было видеть, как светились лица молодых механизаторов, девушек — работниц ферм, когда речь зашла об их отцах, матерях, старших товарищах по труду.

А мальчишки? Те и вовсе чувствовали себя участниками событий грозных лет. Когда один из старожилів села, говоря о том, что среди томсинцев в годы войны не было предателей, обратился к собравшимся: «Ведь правду я говорю, старики, не было?», из зала раздался звонкий мальчишеский голос: «Не было, дяденька, не было!»

И никто в зале не рассмеялся...

И опять мы с Марго в лесу. И опять окрест белым-бело. И заячьи следы — неповторимая грамматика зимнего леса зовет идти дальше. Не зря же мы взяли с собой ружья.

И мы идем. Мне хочется задать Владимиру Ивановичу вопрос, на который он не ответил в ту ночь, когда метель застала нас в пути. Но я не задал этого вопроса. Не задал потому, что бывший комбриг-5 ответил на него в своей книге «Пылающий лес». Да и тогда он знал, как ответить, но песня растревожила.

А позже, летом, была у меня поездка по дорогам партизанским с Бойдиным. Федор Тимофеевич живет в Калининe и занят сугубо мирными делами — «командует» двумя десятками хлебозаводов. Прежде всего мы побывали в Щукине. Там сейчас центр богатого колхоза «Весенний луч». Колхозный клуб к нашему приезду был набит людьми до отказа. Высокий, худой, с морщинками на загорелом лице, но все с тем же озорным мальчишеским взглядом, рассказывал партизанский комбриг о днях, опаленных огнем великой войны, о разгроме фашистского гарнизона в Щукине. В рассказ вторгались голоса из зала:

— Точно, Тимофеевич. Так и было!

— А первый снаряд прямо в дзот угодил.

— Ну и драпанули тогда фрицы!

В углу у двери, как и в Томсине при встрече с Марго, шушукались подростки. Судя по всему, они были явно недовольны тем, что родились поздно и не смогли шагать партизанской тропой рядом с двадцатилетним комбригом. Бойдин понимающе смотрел в сторону ребят. Разве не хотелось и ему в свое время скакать на врага вместе с чапаевцами? Светлое это чувство — желание входить в жизнь смелым и мужественным.

Теперь путь мой лежал в столицу. Старинные московские дома как старые книги. Смотришь на них, и невольно охватывает чувство ожидания чего-то таинственного. Откроешь дверь — перевернешь страницу и попадаешь в иные времена, в другой мир.

Дверь 91-й квартиры в старом московском доме по улице Чаплыгина мне открыла невысокая пожилая женщина.

— Здесь живет семья генерала Оленина?

— Да. А вам кого?

— Очевидно, вас, если вы Мария Федоровна и к тому же...

Женщина посмотрела на меня удивленно:

— Что к тому же?

— Разведчица Олень.

Хозяйка квартиры смущенно улыбнулась:

— Ну, про это я уже совсем забыла. Заходите.

В старинных домах обязательно есть семейные альбомы. Тяжелые, с толстыми листами. Выглядят они старомодно, зато сколько интересных событий запечатлено на пожелтевших фотографиях!

Листаем один из таких альбомов. Фотография молодого рабочего в красноармейском шлеме...

— Муж,— отвечая на мой вопросительный взгляд, говорит Оленина.— Его в армию взяли в тридцать втором, по спецнабору. А поженились мы немного раньше. Он слесарем на «Треугольнике» работал, а я швеей-мотористкой на фабрике имени Володарского.

На той же странице альбома фронтовой снимок. Три генерала склонились над картой. Слева — Василий Максимович Оленин. Далеко шагнул ленинградский слесарь!

В центре — совсем молодой генерал. Уж очень знакомое лицо.

— Черняховский?

— Он. В бытность командующим армией. Мой в него влюблен был тогда.

— Когда — тогда?

— Когда я Оленем была.

— А где Игорек? — поинтересовался я.

— Пошел по стопам отца. Офицер. У него уже давно своя семья.

В Москве живет и первый командир бригады «За Советскую Белоруссию» Петраков. Он главный конструктор отдела одного из столичных научно-исследовательских институтов. За доблестный труд награжден орденом Ленина.

Были и другие встречи. В страдную пору встретился я впервые и с Василием Ивановичем Силачевым. Страда у него — путина. Вот уже несколько лет бывший пограничник, командир спецотряда возглавляет крупнейший в стране рыболовецкий колхоз «Балтика».

В кабинете Василия Ивановича на стене большая карта Балтийского моря. На нескольких участках ее

группируются флажки. Так обычно обозначают корабли, находящиеся вдали от родной гавани.

Неужели морские саперы — тральщики Краснознаменного Балтийского флота?

Нет. Годы, когда каждая миля Балтики таила минную опасность, миновали.

Кто же тогда упрямо утюжит один за другим квадраты моря?

То малые рыболовные траулеры — небольшие корабли, весьма схожие с героями боевого траления — катерными тральщиками. С десятков таких траулеров стоит у пирса, который хорошо виден из помещения, где размещено правление колхоза.

Кабинет колхозного председателя напоминает штаб воинской части во время боевой операции. Тревожно позванивает телефон. Заходят капитаны. Получив указания, быстро исчезают.

— Как видишь, дел не впрокорот. Идет рыба, — отвечая на мое предложение побывать в Пушкинских Горах, говорит Василий Иванович.

Дела у бывшего разведчика идут хорошо. Свои обязательства к 60-летию Великого Октября колхоз выполнил досрочно, дав государству более 600 тысяч центнеров рыбы. В труде, как в бою. И вполне закономерно на груди Силачева рядом с двумя орденами Красного Знамени золотятся орден Ленина и орден Октябрьской Революции.

А в Пушкинские Горы я тогда отправился немедленно, знал — туда на лето приехала Анфиса Шубина. Мы долго бродили с ней по берегу Сороти. И о чем бы я ни начинал говорить, Анфиса возвращала разговор к судьбе сестры. Алла Шубина осенью сорок третьего узнала: ниточка ее связи с партизанами попала в руки начальника тайной полевой полиции Карла Вагнера. Поселок покинула за несколько часов до прихода гестаповцев в дом отца. Ушла в лес и некоторое время находилась в 23-м отряде 3-й Ленинградской партизанской бригады. 22 января 1944 года пушкиногорская «невидимка» погибла в бою на разъезде Уза.

В разговоре все Аля, Аля (так звали Аллу в семье), а о своей судьбе в последний год войны — ни слова. А была она у Анфисы Васильевны после ареста жуткой. Концлагерь в Латвии со всеми его муками. Угон во Францию. Побег. Боевые дни в рядах бойцов француз-

ского Сопротивления... Загорается вновь, когда говорит о друзьях по подполью — Крыловой Нонне, Степанове Анатолии, Столяровой Антонине. Все они живы, трудятся на берегах Сороти.

Здравствуют и другие герои борьбы с оккупантами в голубом озерном крае: Гонтарь — Петр Васильевич Бобрусь, Надежный — Иван Петрович Елисеев. Бывший комбриг 10-й Калининской Николай Михайлович Вараксов — мастер депо в Выборге, ударник коммунистического труда. Командир «девичьей ватаги» Татьяна Киселева — преподаватель сельскохозяйственного института. Комиссар «сергеевских ребят» Разитдин Инсафутдинов учителствует в родной Башкирии. В рабочем строю Ирина Комарова (ныне Гвоздева). Валентина Дождева (Серкова), Ольга Паршенко (Бармичева) живут в Минске. Там же живет и работает Дубняк — Машеров. Петр Миронович — видный государственный и партийный деятель. На партизанских тропах нашел он себе верного друга жизни. Хозяйка явочной квартиры в Россонах в 1941 году Полина Галанова стала его женой.

В Россоны я приехал в первое воскресенье сентября. В багрец одетые березы неохотно роняли листву. Легкий западный ветер гнал ее потихоньку к озеру.

Раньше меня на берег к скромному обелиску пришла группа пионеров. Они приехали на белорусскую землю из древнего русского города Великие Луки вместе со своей воспитательницей, в прошлом лихой партизанской разведчицей Дашей Дергачевой. Долго стояли юные ленинцы у обелиска. Прошло много времени, прежде чем зазвучали у костра их голоса, зазвенела пионерская песня.

Но вот стихла и она. Замерло все окрест. Лишь неугомонные волны глухо накатывались на берег.

...В то сентябрьское утро они шумели гулко. Разбушевалось озеро, будто хотело поддержать тех, у кого уже угас последний луч надежды на спасение... Ожидание смерти придало лицам подпольщиков некоторую бледность, но не исказило ни одной черты. Первыми к свежевырытой яме подошли Машерова и Дерюжина. Дарья Петровна не могла обнять Пашу: руки их были скручены колючей проволокой...

О чем думали они в последний миг? Какие ободряющие слова сказали друг другу? Не об этом ли шепчутся

волны с прибрежным кустарником, немые свидетели россонской трагедии?

Одно достоверно: ушли герои подполья из жизни с твердой верой в победу правого дела.

Я побывал во многих городах и селах цветущей ныне Белоруссии. Встречался с теми, кто строит, пашет, созидает. Видел чистые родники глаз внучки Дарьи Петровны — Наташи. Слышал взволнованные рассказы юных о днях кипучей жизни, о дерзкой мечте. Как похожи они, наследники, в главном на тех, кто не дошел песню борьбы!

В Минске, в Министерстве внутренних дел, служит коллега Конопаткина по разведке Георгий Казарцев. Старший лейтенант стал генералом.

Продолжает службу и «продавец хлеба» в первые месяцы войны, а затем командир партизан-чекистов Александр Владимирович Назаров.

Отличная, ювелирная работа чекистов позволила автору присутствовать на одном из финальных эпизодов конца «волчьей стаи» обер-бандита Мартыновского. В Пскове судили Решетникова.

Матерые преступники на суде ведут себя по-разному. Из одних признания можно вырвать с трудом. Припертые, как говорится, к стене неопровержимыми уликами, такие бандюги, злобно озираясь, чуть слышно говорят: «Да, убивал...» Другие лгут, изворачиваются.

Решетников на суде упрямо молчал. Невзрачный, скорее даже плюгавый на вид, он производил на первый взгляд жалкое впечатление. Но о нем говорили люди, выходя из зала Псковского областного суда:

— Не человек — зверюга. Хуже. И как только свет таких терпит!

Летом 1944 года Гиммлер возвел банду провокаторов в высший ранг: каратели получили эсэсовскую форму. Решетников был награжден железным крестом и чином капитана войск СС. К этому времени он стал атаманом банды.

«Волки»-эсэсовцы были подчинены теперь непосредственно штандартенфюреру СС Фридриху Кнолле, материному разведчику и диверсанту. Пословица верно говорит: «Рыбак рыбака видит издалека». Кнолле быстро распознал жестокую натуру Решетникова и приблизил его к себе: делился кое-какими тайнами, поил коньяком,

Некоторое время банда (она именовалась «ротой Решетникова») обучалась в польском городке Иновроцлаве в разведывательно-диверсионной школе гитлеровцев, затем продолжила свои преступные дела.

Атаманом негодяев заинтересовался сам Отто Скорцени — нацистский диверсант № 1, международный авантюрист, занимавший в конце войны пост начальника секретной службы СС. Он вызвал Решетникова для разговора к прямому проводу, а вскоре приказал ему приехать в свою резиденцию. Скорцени поручил Решетникову подобрать в роте наиболее надежных людей и после кратковременного обучения их парашютному делу отправиться на выполнение особого задания в лагерь борющихся патриотов Югославии. Выполнить последнюю, главную часть задания «волкам» помешала Советская Армия.

Многое предпринял Решетников, чтобы спасти свою шкуру. Под фамилией Чернова он мечтал остаться в Европе, а спустя некоторое время продолжить службу у Кнолле и Скорцени и их новых хозяев, но не вышло.

Суд шаг за шагом проследил всю преступную деятельность вожака «волчьей стаи». Игра в молчанку, как и симуляция сумасшествия накануне судебного процесса, не помогла Решетникову. Он был изобличен во всех злодеяниях, предъявленных ему в обвинительном заключении, и приговорен к смертной казни. Приговор (последнее судебное заседание проходило на заводе «Выдвиженец») был встречен горячим одобрением всех присутствующих.

Годы свое берут, и многие бывшие защитники Братского партизанского края на заслуженном отдыхе. Болезнь раньше срока вывела из строя комбрига-чекиста Петра Васильевича Рындина. На пенсии супруги Федоровы. Валентина Яковлевна все такая же энергичная, вся в хлопотах — полно общественных дел. Легендарный дед Симон в послевоенные годы проживал с семьей в поселке Насва, вблизи своего «чертова моста», не менее легендарного, чем сам партизанский проводник. Там и умер глубоким стариком. Ушли из жизни Андрей Семенович Кулеш и Дмитрий Исакович Трофимов. В октябре 1977 года великолучане проводили в последний путь легендарного комбрига — Владимира Марго.

И снова поездка. На этот раз в места, откуда в годы

войны тянулась главная нить связи Братского партизанского края с Большой землей.

...На тридцатой версте большак Торопец — Плоскошь врзается в гряды холмов. Справа, за речкой Окой, высятся горы.

Ока не та, что воспета в песнях, прославлена в легендах. И горы не похожи на кавказские. Но красота здесь такая же неопикуемая. Куда ни кинешь взгляд, на десятки километров синеют лесные массивы. И в сторону Андреаполя. И в направлении на Старую Руссу.

У деревни Шейно, на перекрестке дорог, маячит столб. Прикрепленная к нему доска призывает:

«Остановись, путник! Эти места поведают тебе о былой партизанской славе».

В годы Великой Отечественной войны этот глухой живописный уголок был родным домом народных мстителей. Здесь размещались и действовали штаб партизанского движения Калининской области, оперативная группа 3-й ударной армии. У неширокой, но бурной речушки проходили подготовку партизаны Латвии, Литвы, Смоленщины. Отсюда в глухозимье, в осеннюю непогоду, когда дожди покрывали дороги засасывающей хлябью, короткими летними ночами уходили в сторону фронта группы разведчиков, отряды партизан. Бесшумно растворялись они во мраке бора, в рыхлом болотном тумане, чтобы неуловимыми призраками проскользнуть в зловещем пространстве ничейной зоны, грозными мстителями возникнуть за линией вражеских окопов.

...Серое зимнее утро. Резкий ветер бросает хлопья морозного снега в лицо. Студено. Но толпа у столба-указателя в центре Шейно растет. Люди приходят группами, в одиночку, подъезжают на автобусах. Сегодня жители Шейно и поселка Пожня принимают гостей — участников слета калининских партизан.

Короткий митинг, и гости и хозяева переходят по кладкам забитую льдом Оку. Первым «форсирует» реку бывший начальник штаба партизанского движения Калининской области Степан Григорьевич Соколов.

— Вперед! За полковником! — подает шутливо команду Виктор Терещатов — самый молодой из бывших командиров отрядов.

— За генералом, хлопцы! Вперед! — поправляет Терещатова партизанский комбриг Дмитрий Александрович Халтурин.

Оба они правы. После окончания партизанских действий калининцев полковник Соколов был откомандирован в органы МВД, участвовал в ликвидации националистских банд в Белоруссии, в укреплении службы порядка в Ленинграде. На берегах Невы получил генеральское звание, стал комиссаром милиции 3-го ранга.

По вырубленным в горé ступеням, как по корабельному трапу, мы поднимаемся все выше и выше. На площадке у самой вершины вспыхивает Вечный огонь. Он зажжен от факела, доставленного сюда с могилы Героя Советского Союза Лизы Чайкиной — «партизанской чайки», как зовут ее на тверской земле.

Широка и глубока река народной памяти. Запечатлен в ней и подвиг Раи Гавриловой, ее подруг. Но потребовалось время, чтобы снять наслоения, появившиеся на добром имени разведчицы Абсолют. Они были вызваны ее «ревностной» службой в фашистской комендатуре и тем, что останки расстрелянных девушек не удалось найти.

И все же правда постучалась в домик на Почтовой улице, где доживала последние дни мать Раи — Пелагея Тихоновна Шаблавина. В один из дней «бабьего лета», когда оно уже отшумело, но своих позиций осени еще не сдало, навестить старую женщину приехал первый секретарь Псковского обкома КПСС Иван Степанович Густов¹. В тот тихий вечер в комнате, где над диваном висел большой портрет Раи, собрались все здравствующие Гавриловы. Приехали самые юные помощники отважной разведчицы — двоюродные брат и сестра (ныне они муж и жена) Юрий и Ольга. Юрий Васильевич — офицер Советской Армии, Ольга Васильевна — учительница английского языка. Оба коммунисты. Пришла Аня с дочерью Вале́й и ее мужем Анатолием Гилькой. Валя, как некогда мама, подарила свою любовь офицеру-артиллеристу. О многом было переговорено в тот вечер.

Так сложилось, что среди гостей Пелагеи Тихоновны оказался кворум членов исполкома Опочецкого районного Совета депутатов трудящихся.

— А ведь заседания исполкома не обязательно проводить в здании райсовета, — улыбаясь, намекнул секретарь обкома.

¹ И. С. Густов ныне первый заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС.

И оно состоялось в необычных условиях, это заседание. А спустя два дня таблички на домах с надписью «Почтовая улица» были заменены табличками с названием «Улица Раи Гавриловой».

— Вот и пришла ко мне в дом радость,— говорила мне Пелагея Тихоновна,— доченька будто со мной опять рядом.

...Раннее утро. Чистое и упругое небо. И солнце. Много солнца. В его лучах сверкает поток машин, плывущих через Опочку туда, где за холмами и перелесками, озерами и речками стоит у моря город великого Ленина.

Навстречу машинам по обочинам старинного шоссе текут живые ручейки — спешат в школу ребяташки. Вот одна из девчушек взбегает на косогор и, обхватив рукой молодую березку, смотрит вдаль, прикрываясь ладонью от яркого солнца. Я гляжу на нее, и мне хочется спросить:

— Как зовут тебя, златокудрая? Рая? А быть может, Надя? Люба? Что знаешь ты о тех, кто защищал для тебя солнце?

Но я молчу. Мне думается, что березка на косогоре лучше всяких слов поможет юной опочанке узнать и почувствовать то, что знала и чувствовала ее землячка — девушка, носившая в дни военного лихолетья загадочное имя Абсолют.

...Течет река народной памяти, благодарной, тревожной. Никакие метели и бури, ветры и ураганы не властны над нею. Священ ее бег...

Содержание

Шумит на кургане дуб (Пролог)	5
Шаги над обрывом	10
В огне брода нет	21
«Да скроется тьма!»	38
Сергей, Дубняк и другие	50
Палят партизанские пушки	76
«А озера тут голубые...»	107
«Разведайте и донесите...»	134
В преддверии урагана	158
Белым снегом (Эпилог)	172

Николай Виссарионович Масолов

Срока у подвига нет

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Г. М. Игнаткович*

Младший редактор *З. У. Устенова*

Художник *Н. П. Пешков*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н. П. Межеричка*

ИБ № 1684

Подписано в печать с матриц 15.03.78. А 00028. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,08. Учетно-изд. л. 9,96. Тираж 200 000 (100 001—200 000) экз. Заказ № 3281. Цена 50 коп.

Политиздат. 125814, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Красно-пролетарская, 16.